

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ
УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ЕЛЕЦКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМ. И.А. БУНИНА»

ВОПРОСЫ ОТРАСЛЕВОЙ ЭКОНОМИКИ

№2 (10) / Елец, 2025

Учредитель и издатель: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина» (399770, Липецкая область, г. Елец, ул. Коммунаров, 28, 1).

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (регистрационный номер ПИ № ФС77-84571 от 16 января 2023).

Редакционная коллегия:

Зайцева Наталия Александровна, доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры гостиничного и туристического менеджмента ФГБОУ ВО «Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова» – главный редактор.

Степаненкова Наталья Михайловна, кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры экономики и управления им. Н. Г. Нечаева ФГБОУ ВО «Елецкий государственный университет им. И. А. Бунина» – ответственный секретарь.

Воробьев Сергей Владимирович, кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры экономики и управления им. Н. Г. Нечаева ФГБОУ ВО «Елецкий государственный университет им. И. А. Бунина» – технический редактор.

Гнездова Юлия Владимировна, доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры экономики ФГБОУ ВО «Смоленский государственный университет».

Дехтярь Галина Максовна, доктор экономических наук, профессор, Академик Российской академии естественных наук, ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации».

Джанджугазова Елена Александровна, доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры гостиничного и туристического менеджмента ФГБОУ ВО «Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова».

Есина Юлия Леонидовна, кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры экономики и управления им. Н.Г. Нечаева ФГБОУ ВО «Елецкий государственный университет им. И. А. Бунина».

Иванова Раиса Михайловна, кандидат филологических наук, доцент по специальности экономика и управление народным хозяйством, доцент кафедры туризма и гостиничного дела ФГБОУ ВО «Елецкий государственный университет им. И. А. Бунина».

Каурова Ольга Валерьевна, доктор экономических наук, профессор, проректор по научно-исследовательской работе АНО ОВО «Российский университет кооперации».

Костенькова Татьяна Александровна, кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры экономики и управления им. Н.Г. Нечаева ФГБОУ ВО «Елецкий государственный университет им. И. А. Бунина».

Кузнецов Игорь Анатольевич, доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры «Индустрия сервиса и туризма» ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина»; председатель НСО Фонд целевого капитала ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина»; директор Центра по работе с выпускниками и фандрайзинговой деятельности ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина».

Макаров Иван Николаевич, доктор экономических наук, доцент, ФГБОУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации», Липецкий филиал.

Панькин Павел Владимирович, кандидат экономических наук, доцент кафедры экономики и управления им. Н.Г. Нечаева ФГБОУ ВО «Елецкий государственный университет им. И. А. Бунина».

Полякова Ирина Евгеньевна, кандидат филологических наук, доцент по специальности экономика и управление народным хозяйством, доцент кафедры туризма и гостиничного дела ФГБОУ ВО «Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина».

Попова Людмила Владимировна, доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой экономики, финансов и бухгалтерского учета ФГБОУ ВО «Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева», ведущий научный сотрудник Научно-образовательного центра «Учетно-аналитическое обеспечение инновационного развития региона».

Скроботова Ольга Владимировна, кандидат филологических наук, доцент по специальности экономика и управление народным хозяйством, заведующий кафедрой туризма и гостиничного дела ФГБОУ ВО «Елецкий государственный университет им. И. А. Бунина».

Смыслова Ольга Юрьевна, доктор экономических наук, доцент, заместитель директора по научной работе, ФГБОУ ВО «Липецкий филиал Финансового университета при Правительстве РФ».

Стукалова Ирина Борисовна, доктор экономических наук, профессор, ФГБОУ ВО «Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова».

Сысоева Елена Федоровна, доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой финансы и кредит ФГБОУ ВО «Воронежский государственный университет».

Трубицына Наталья Сергеевна, кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры экономики и управления им. Н.Г. Нечаева ФГБОУ ВО «Елецкий государственный университет им. И. А. Бунина».

Черникова Людмила Ивановна, доктор экономических наук, профессор Департамента корпоративных финансов и корпоративного управления ФГБОУ ВО «Финансовый университете при Правительстве РФ» (Финансовый университет).

Шепелев Максим Иванович, кандидат экономических наук, доцент, заведующий кафедрой экономики и управления им. Н.Г. Нечаева ФГБОУ ВО «Елецкий государственный университет им. И. А. Бунина».

The founder and the publisher: Federal State Budget Educational Institution of Higher Education «Bunin Yelets State University» (399770, Lipetsk region, Yelets, st. Kommunarov, 28, 1). The journal is registered in the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology, and Mass Media. (Registration number PI № FS77-84571 of 16, January 2023).

The editorial board:

Natalia A. Zaitseva, Doctor of Economics, Professor, Professor of the Department of Hotel and Tourism Management of the Plekhanov Russian University of Economics – Editor-in-Chief.

Natalya M. Stepanenkova, Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Economics and Management. N. G. Nechaeva, Bunin Yelets State University (Yelets, Russia) – executive secretary.

Sergey V. Vorobyev, Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Economics and Management. N. G. Nechaeva, Bunin Yelets State University (Yelets, Russia) – technical editor.

Yulia V. Gnezdova, Doctor of Economics, Professor, Professor of the Department of Economics, Smolensk State University (Smolensk, Russia)

Galina M. Dekhtyar, Doctor of Economics, Professor, Academician of the Russian Academy of Natural Sciences, Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation (Moscow, Russia)

Elena A. Dzhandzhugazova, Doctor of Economics, Professor, Professor of the Department of Hotel and Tourism Management of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «Russian University of Economics. G.V. Plekhanov» (Moscow, Russia)

Yulia L. Esina, Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Economics and Management. N. G. Nechaeva, Bunin Yelets State University (Yelets, Russia)

Raisa M. Ivanova, Candidate of Philology, Associate Professor in Economics and Management of the National Economy, Associate Professor of the Department of Tourism and Hospitality, Bunin Yelets State University (Yelets, Russia)

Olga V. Kaurova, Doctor of Economics, Professor, Vice-Rector for Research ANO OVO Russian University of Cooperation (Moscow, Russia)

Tatyana A. Kostenkova, Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Economics and Management. N. G. Nechaeva, Bunin Yelets State University (Yelets, Russia)

Igor A. Kuznetsov, Doctor of Economics, Professor, Professor of the Department of Service and Tourism Industry, TSU named after G.R. Derzhavin; Chairman of the NSO Endowment Fund of TSU named after G.R. Derzhavin; Director of the Center for Alumni Relations and Fundraising Activities of the TSU named after G.R. Derzhavin (Tambov, Russia)

Ivan N. Makarov, Doctor of Economics, Associate Professor, Lipetsk Branch of the Financial University under the Government of the Russian Federation (Lipetsk, Russia)

Pavel V. Pankin, Candidate of Economic Sciences, Associate Professor of the Department of Economics and Management. N. G. Nechaeva, Bunin Yelets State University (Yelets, Russia)

Irina E. Polyakova, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor in Economics and Management of the National Economy, Associate Professor of the Department of Tourism and Hospitality, Bunin Yelets State University (Yelets, Russia)

Lyudmila V. Popova, Doctor of Economics, Professor, Head of the Department of Economics, Finance and Accounting, Oryol State University named after I.S. Turgenev, Leading Researcher of the Scientific and Educational Center «Accounting and Analytical Support for the Innovative Development of the Region» (Orel, Russia)

Olga V. Skrobotova, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor in Economics and Management of the National Economy, Head of the Department of Tourism and Hospitality, Bunin Yelets State University (Yelets, Russia)

Olga Y. Smyslova, Doctor of Economics, Associate Professor, Deputy Director for Research, Lipetsk Branch of the Financial University under the Government of the Russian Federation (Lipetsk, Russia)

Irina B. Stukalova, Doctor of Economics, Professor, Russian University of Economics. G.V. Plekhanov» (Moscow, Russia)

Elena F. Sysoeva, Doctor of Economics, Professor, Head of the Department of Finance and Credit, Voronezh State University (Voronezh, Russia)

Natalya S. Trubitsyna, Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Economics and Management named after N. G. Nechaeva, Bunin Yelets State University (Yelets, Russia)

Lyudmila I. Chernikova, Doctor of Economics, Professor of the Department of Corporate Finance and Corporate Governance, Financial University under the Government of the Russian Federation (Financial University) (Moscow, Russia)

Maxim I. Shepelev, Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Economics and Management. N. G. Nechaeva, Bunin Yelets State University (Yelets, Russia)

СОДЕРЖАНИЕ

ЭКОНОМИКА ОТРАСЛЕВЫХ РЫНКОВ

Черникова Л.И., Алексюк В.В., Прохорова А.Д. Поддержка и развитие инфраструктур отечественного сельского хозяйства	8
Ринк К.В., Шевчук Е.А., Дехтярь Г.М. Трансформация процессов проектирования услуг в сфере культурно-массовых мероприятий на основе информационных технологий	19
Сергеева А.В., Смыслова О.Ю. Ключевые технологические детерминанты обеспечения инновационно-инвестиционной привлекательности агропромышленного комплекса	27

ЭКОНОМИКА РЕГИОНОВ

Панькин П.В. Развитие рынка труда с учетом гендерных аспектов трудовой миграции....	37
Юшков М.А. Устойчивое развитие неурбанизированных территорий: современные подходы на основе формирования опорных населенных пунктов	46

ЭКОНОМИКА ПРЕДПРИЯТИЯ

Гусейнов Э.К., Машегов П.Н. Модели управления социальным предпринимательством: международный опыт и российская практика	55
Смыслова О.Ю., Хачатрян Р.А., Мелконян К.А. Развитие производственных систем в контексте мобилизационной экономики: подходы и перспективы	66
Черникова Л.И., Кирилевич С.А., Минкин Я.Д. Малый и средний бизнес в России: состояние, вызовы, тенденции	75
Алтунин К.В., Степаненкова Н.М. Трансформация рынка труда под влиянием гиг-экономики	83

НАШИ АВТОРЫ	94
К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ	98

CONTENTS

ECONOMY OF INDUSTRY MARKETS

Chernikova L.I., Aleksiuk V.V., Prokhorova A.D. Support and development of domestic agricultural infrastructures	8
Rink K.V., Shevchuk E.A., Dekhtyar G.M. Transformation of service design processes in the field of cultural and mass events based on information technologies.....	19
Sergeeva A.V., Smyslova O.Y. Technological determinants of innovation and investment attractiveness in the agro-industrial complex.....	27

REGIONAL ECONOMY

Pankin P.V. Labour market development with gender aspects of labor migration	37
Yushkov M.A. Sustainable development of non-urbanized territories: modern approaches based on the formation of key settlements.....	46

ENTERPRISE ECONOMY

Guseynov E.K., Mashegov P.N. Social entrepreneurship management models: international experience and russian practice.....	55
Smyslova O.Y., Khachatryan R.A., Melkonyan K.A. Development of production systems in the context of a mobilization economy: approaches and perspectives	66
Chernikova L.I., Kirilevich S.A., Minkin Y.D. Small and medium-sized business in Russia: state, challenges, and trends.....	75
Altunin K.V., Stepanenkova N.M. Transformation of the labor market under the influence of the gig economy	83
OUR AUTHORS	94
TO THE AUTHORS	98

Научная статья
УДК 33.338.012
DOI 10.24888/2949-2793-2025-10-8-18

ПОДДЕРЖКА И РАЗВИТИЕ ИНФРАСТРУКТУР ОТЕЧЕСТВЕННОГО СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА

Л.И. Черникова, В.В. Алексюк, А.Д. Прохорова

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации
(Москва, Россия)

***Аннотация.** В статье рассматриваются актуальные проблемы развития инфраструктур отечественного сельского хозяйства в контексте финансового стимулирования инвестиционной деятельности в агропромышленном комплексе. Исследование представляет комплексный анализ специфических характеристик инвестиций в АПК с учетом многофункциональности данного сектора экономики. Особое внимание уделяется выявлению и систематизации ключевых барьеров, препятствующих эффективному привлечению инвестиций в отрасль, среди которых: высокая стоимость оборудования и логистики, чрезмерная бюрократизация процедур получения разрешений, преобладание экстенсивного роста над интенсивным развитием бизнеса. В работе представлен критический анализ существующих финансовых инструментов стимулирования инвестиционной активности в АПК, включая субсидии, субвенции, налоговые льготы, а также комбинированные механизмы поддержки (КППК, СЗПК, СПИК).*

На основе выявленных недостатков функционирования данных инструментов предложены два основных вектора совершенствования системы финансовой поддержки АПК: оптимизация процесса доступа к финансовым инструментам стимулирования инвестиционной активности и устранение сдерживающего влияния применяемых инструментов на развитие системообразующих отраслей АПК. Практическая значимость исследования заключается в формировании рекомендаций по повышению эффективности государственного финансирования инвестиционных проектов в агропромышленном комплексе с учетом как макроэкономических факторов (неравномерность развития отдельных отраслей, сезонность производства, санкционные ограничения), так и микроэкономических аспектов функционирования отдельных предприятий (способы исчисления амортизационных отчислений, степень обновления производственных фондов, доступ к финансовым ресурсам). Результаты исследования могут быть использованы при разработке государственных программ поддержки инвестиционной деятельности в АПК.

***Ключевые слова:** сельское хозяйство, инфраструктура сельского хозяйства, агропромышленный комплекс, инвестиционная деятельность, финансовое стимулирование, государственная поддержка, налоговые льготы, оборотный фонд, инвестиционная привлекательность.*

SUPPORT AND DEVELOPMENT OF DOMESTIC AGRICULTURAL INFRASTRUCTURES

L.I. Chernikova, V.V. Aleksyuk, A.D. Prokhorova

Financial University under the Government of the Russian Federation
(Moscow, Russia)

Abstract. *The article considers the actual problems of development of infrastructures of domestic agriculture in the context of financial stimulation of investment activity in the agro-industrial complex. The study presents a comprehensive analysis of specific characteristics of investment in the agro-industrial complex taking into account the multifunctionality of this sector of the economy. Particular attention is paid to the identification and systematization of key barriers that hinder the effective attraction of investment in the industry, including: high cost of equipment and logistics, excessive bureaucratization of procedures for obtaining permits, the prevalence of extensive growth over intensive business development. The paper presents a critical analysis of the existing financial instruments to stimulate investment activity in the agro-industrial complex, including subsidies, subventions, tax incentives, as well as combined support mechanisms (CPPK, SPIC, SPIC).*

Based on the identified shortcomings in the functioning of these instruments, two main vectors for improving the system of financial support of the agro-industrial complex are proposed: optimization of the process of access to financial instruments to stimulate investment activity and elimination of the constraining effect of the applied instruments on the development of backbone industries of the agro-industrial complex. The practical significance of the study lies in the formation of recommendations to improve the efficiency of public financing of investment projects in the agro-industrial complex, taking into account both macroeconomic factors (uneven development of individual industries, seasonality of production, sanctions restrictions) and microeconomic aspects of the functioning of individual enterprises (methods of calculating depreciation charges, the degree of renewal of production assets, access to financial resources). The results of the study can be used in the development of state programs to support investment activity in the agro-industrial complex.

Keywords: *agriculture, agricultural infrastructure, agro-industrial complex, investment activity, financial incentives, state support, tax benefits, revolving fund, investment attractiveness.*

Введение

Агропромышленный комплекс России традиционно занимает особое положение в структуре национальной экономики, выступая не только в качестве производственного сектора, но и фундаментального элемента обеспечения продовольственной безопасности страны. В условиях современных геополитических и экономических трансформаций развитие инфраструктур отечественного сельского хозяйства приобретает стратегическое значение, что обуславливает необходимость формирования эффективных финансовых механизмов стимулирования инвестиционной активности в данном секторе.

Россия, закрепляя за собой позиции ведущего экспортера сельскохозяйственной продукции на мировых рынках, демонстрирует устойчивое стремление к интенсификации развития агропромышленного комплекса. По данным Министерства сельского хозяйства РФ, в 2023 году объем экспорта продукции АПК превысил 40 млрд долларов США, что свидетельствует о значительном потенциале отрасли. Однако реализация этого потенциала требует привлечения масштабных инвестиционных ресурсов, объемы которых, согласно экспертным оценкам, должны составлять не менее 4-5% ВВП ежегодно в течение ближайших 5-7 лет.

Специфика инвестиционных процессов в агропромышленном комплексе определяется многофункциональностью данного сектора экономики, которая проявляется в нескольких ключевых аспектах:

- обеспечение продовольственной независимости государства как фундаментального элемента национальной безопасности;
- удовлетворение потребностей населения в продуктах питания надлежащего качества по доступным ценам;
- формирование значительной части занятости экономически активного населения, особенно в сельской местности;
- организация эффективного производственного процесса с учетом природно-климатических и территориальных особенностей.

Кроме того, интегративная природа агропромышленного комплекса, объединяющего множество отраслей и подотраслей – от производства средств производства до реализации готовой продукции конечному потребителю – создает уникальную экосистему, требующую комплексного подхода к управлению инвестиционными потоками.

Несмотря на очевидную приоритетность развития АПК в системе государственных экономических интересов, инвестиционные процессы в отрасли сталкиваются с рядом существенных барьеров. К наиболее значимым препятствиям следует отнести:

- высокую капиталоемкость приобретения и обслуживания современного оборудования, а также организации логистической инфраструктуры агропромышленных объектов;
- чрезмерную административную нагрузку при оформлении разрешительных документов при реализации инвестиционных проектов;
- преобладание экстенсивной модели развития над инновационно-интенсивными подходами;
- недостаточное использование научно-технического потенциала отечественных разработок вследствие ориентации на импортные технологические решения;
- особенности сельскохозяйственного производства, связанные с биологической природой продукции и повышенными рисками.

В этих условиях формирование эффективной системы финансового стимулирования инвестиционной активности агропромышленных корпораций представляется необходимым элементом государственной экономической политики, способствующим преодолению обозначенных барьеров и обеспечению устойчивого развития отрасли в долгосрочной перспективе.

Данное исследование направлено на комплексный анализ существующих механизмов финансовой поддержки инвестиционной деятельности в агропромышленном комплексе, выявление их структурных недостатков и формирование научно обоснованных рекомендаций по совершенствованию инструментария государственного стимулирования инвестиционных процессов в АПК современной России.

Основная часть

Современная ситуация в российском агропромышленном комплексе обуславливает необходимость комплексного финансового стимулирования инвестиционной активности этого сектора экономики [11]. Следует отметить, что подобное стимулирование создает эффект синергии, обеспечивая взаимную выгоду как для бизнеса, так и для государства. Со стороны публичного сектора основными приоритетами выступают: стимулирование устойчивого экономического развития, гарантирование продовольственной безопасности, технологическая модернизация производственного комплекса и усиление экспортного потенциала агропромышленного сектора. Этот подход позволяет гармонично сочетать достижение стратегических национальных целей с формированием благоприятной инвестиционной среды для частных предприятий. В свою очередь, для агропромышленных корпораций стимулирующее воздействие способствует качественному развитию

производственных процессов и технологическому обновлению сельскохозяйственного производства [2].

Практическая имплементация финансового стимулирования осуществляется через специализированные механизмы перераспределения ресурсов, среди которых наиболее распространены субсидии, субвенции, гранты, льготные кредиты, целевое бюджетное финансирование и налоговые льготы. В последнее время наблюдается активное развитие комплексных инструментов поддержки, включая КППК (корпоративные программы повышения конкурентоспособности), СЗПК (соглашения о защите и поощрении капиталовложений) и СПИК (специальные инвестиционные контракты). Однако практика применения этих механизмов выявила существенные недостатки в системе финансовой поддержки агропромышленных корпораций, обозначенные в табл. 1 [10].

Таблица 1

Недостатки механизмов капитального стимулирования
инвестиционных инициатив в агропромышленном комплексе России

Финансовый инструмент	Недостаток использования
Субсидия	<ol style="list-style-type: none"> 1. Избыточные регуляторные барьеры при обосновании целесообразности предоставления поддержки. 2. Доминирование отраслевого лоббизма в процессе принятия решений. 3. Злоупотребление служебным положением при распоряжении бюджетными средствами. 4. Фрагментация механизмов стимулирования, снижающая их результативность.
Субвенция	Многоканальность стимулирующих механизмов, приводящая к недостаточной отдаче и контролю за госсредствами.
Налоговые льготы	<ol style="list-style-type: none"> 1. Селективное торможение развития ключевых сегментов агропромышленного комплекса. 2. Синергетическая конфигурация финансовых инструментов инвестиционного стимулирования.
Синергетическая конфигурация капитальных стимулов инвестиционной активности	
КППК (Корпоративная программа повышения конкурентоспособности)	<ol style="list-style-type: none"> 1. Временные ограничения на применение фискальных преференций и периодичность бюджетного субсидирования. 2. Методология приоритезации инвестиционных инициатив в рамках КППК. 3. Игнорирование фактора макроэкономической волатильности при оценке производственных показателей.
СЗПК (Соглашение о защите и поощрении капиталовложений)	<ol style="list-style-type: none"> 1. Проблемы методологии налогового надзора. 2. Недифференцированный масштаб внедрения. 3. Рестарт программы СЗПК2.0. 4. «Региональный шлагбаум». 5. Конфиденциальный каталог инвестиционных проектов.
СПИК (Специальный инвестиционный контракт)	<ol style="list-style-type: none"> 1. Непрозрачная система отбора конкурсных предложений. 2. Дефицит формализованных критериев отбора.

Эмпирическое исследование практики применения финансовых инструментов стимулирования инвестиций выявило существенные системные ограничения, требующие разработки комплексных мер совершенствования. Предлагаемые оптимизационные решения должны учитывать многоуровневую природу факторов, влияющих на инвестиционную активность агропромышленных корпораций – от макроэкономических условий до специфики отдельных хозяйствующих субъектов. С учетом отраслевых особенностей сельскохозяйственного производства и текущих вызовов развития отечественного АПК была разработана классификация инвестиционной активности (рис. 1), позволяющая дифференцировать направления совершенствования финансовых механизмов стимулирования [3].

Факторы влияния на инвестиционную деятельность агрохолдингов	
↓	↓
Макроуровень	Микроуровень
<ol style="list-style-type: none"> 1. Дифференциация отраслевого развития в рамках агропромышленного кластера. 2. Объем государственного софинансирования капитальных проектов. 3. Цикличность производственных процессов. 4. Асимметрия межотраслевого товарообмена. 5. Степень регламентированности законодательной базы. 6. Эффективность фискальной системы и финансовых институтов. 7. Инфляционная динамика. 8. Сбалансированность бюджетных показателей. 9. Технологические ограничения вследствие санкционного режима. 10. Стратегия локализации производства. 11. Интенсивность государственной бизнес-поддержки. 	<ol style="list-style-type: none"> 1. Методология начисления амортизации. 2. Удельный вес инвестиций в высокотехнологичные активы. 3. Рыночная доля корпорации в отраслевом сегменте. 4. Интенсивность землепользования. 5. Коэффициент обновления основных средств. 6. Фаза организационного развития предприятия. 7. Кредитный рейтинг хозяйствующего субъекта. 8. Стратегия капиталовложений компании. 9. Финансовая доступность и ликвидность.

Рис. 1. Детерминанты инвестиционного поведения агрохолдингов

На основе проведенного комплексного анализа можно выделить два основных стратегических вектора совершенствования финансовых механизмов поддержки инвестиционной активности в агропромышленном комплексе:

Первый вектор предполагает кардинальный пересмотр процедур доступа к финансовым инструментам стимулирования инвестиционной деятельности. В настоящее время агропромышленные предприятия сталкиваются с непропорционально высокими транзакционными издержками при обосновании потребности в финансовой поддержке, в то время как уполномоченные государственные структуры зачастую предъявляют избыточно формализованные требования для выделения бюджетного финансирования инвестиционных инициатив. При этом наблюдается явный дисбаланс между целевыми ориентирами инвестиционных проектов и ключевыми параметрами функционирования предприятий,

такими как амортизационная и инвестиционная стратегия, показатели конкурентоспособности на рынке, кредитная история и иные значимые индикаторы финансово-хозяйственной деятельности.

Таким образом, возможность привлечения финансирования даже для стратегически важных проектов в АПК находится в существенной зависимости от текущего состояния предприятия-исполнителя. Это включает комплекс факторов: стадию жизненного цикла компании, эффективность использования земельных ресурсов как основного производственного фактора, степень обновления основных фондов и ряд других параметров. В рамках данного аспекта также необходимо учитывать внешние детерминанты: уровень развития нормативно-правовой базы, эффективность налоговой системы и денежно-кредитной политики, динамику инфляционных процессов и сбалансированность бюджетной системы государства [6, 8].

Второй вектор: особое значение приобретает задача минимизации потенциально деструктивного влияния применяемых финансовых стимулов на сбалансированное развитие системообразующих отраслей АПК. Практика свидетельствует, что некорректно спроектированные инструменты потенциально способны генерировать структурные диспропорции в развитии различных сегментов агропромышленного комплекса, что может приводить к дисбалансам в товарообороте между сельскохозяйственным сектором и смежными отраслями экономики. Достижение максимальной результативности указанных инструментов возможно лишь при условии их детализированной адаптации к ключевым особенностям агропромышленного сектора – от необходимости учета сезонной природы производства до решения проблем технологического характера, связанных с внедрением современных производственных мощностей, что в совокупности позволит создать сбалансированную систему поддержки, соответствующую реальным потребностям отрасли [8, 10].

Рассмотрим динамику финансирования агропромышленного сектора. В современных условиях АПК является стратегически важной отраслью экономики, обеспечивающей продовольственную безопасность страны, что обуславливает особое внимание государства к вопросам его финансирования. Рассмотрим структуру и динамику государственной поддержки АПК России за период 2018-2023 гг., представленную в табл. 2. Данный анализ позволит выявить ключевые тенденции в финансировании сектора и оценить приоритетность аграрной политики в структуре бюджетных расходов.

Таблица 2

Динамика объемов государственной поддержки АПК России, 2018-2023 гг.

Год	Объем господдержки (млрд руб.)	В % к предыдущему году	Доля в расходах федерального бюджета (%)
2018	254,1	-	1,48
2019	308,3	121,3	1,52
2020	319,1	103,5	1,47
2021	328,2	102,9	1,43
2022	375,6	114,4	1,56
2023	445,8	118,7	1,68

Наблюдается устойчивая положительная динамика объемов государственной поддержки АПК России на протяжении всего рассматриваемого периода. За 2018-2023 гг. объем финансирования увеличился на 191,7 млрд руб. или на 75,4%, достигнув к 2023 году 445,8 млрд руб.

Наиболее значительный прирост финансирования отмечается в 2019 году, когда объем господдержки вырос на 21,3% относительно предыдущего года. В последующие два года (2020-2021) темпы роста были более умеренными - 3,5% и 2,9% соответственно, что

может быть связано с перераспределением бюджетных средств в период пандемии COVID-19. Однако в 2022-2023 гг. произошло существенное увеличение финансирования - на 14,4% и 18,7% соответственно, что свидетельствует о повышении приоритетности АПК в условиях внешнеэкономических ограничений и необходимости обеспечения продовольственной независимости.

Показательна также динамика доли расходов на поддержку АПК в структуре федерального бюджета. В течение 2018-2021 гг. она колебалась в диапазоне 1,43-1,52%, незначительно снижаясь в 2020-2021 гг. Однако с 2022 года наблюдается устойчивый рост данного показателя, который достиг максимального значения в 2023 году - 1,68%. Это свидетельствует не только об абсолютном, но и об относительном увеличении государственных расходов на поддержку сельского хозяйства, что отражает возрастающую роль аграрного сектора в экономической политике государства.

Рассмотренная динамика объемов государственной поддержки агропромышленного комплекса России демонстрирует устойчивый положительный тренд, что свидетельствует о возрастающей роли данного сектора в структуре национальной экономики. Темпы прироста финансирования (в среднем 12,2% за период) существенно превышают темпы инфляции, что говорит о реальном увеличении господдержки в стоимостном выражении [1].

Теперь перейдем к анализу региональных аспектов инвестиционной привлекательности отрасли, поскольку именно пространственная дифференциация инвестиционного климата во многом определяет эффективность распределения как государственных, так и частных инвестиционных ресурсов (табл. 3).

Таблица 3

Рейтинг регионов РФ по инвестиционной привлекательности для развития АПК 2023г.

Рейтинг	Регион	Интегральный показатель инвестиционной привлекательности	Объем инвестиций в АПК (млрд руб.)	Доля частных инвестиций (%)
1	Краснодарский край	9,8	65,7	74,3
2	Белгородская область	9,5	42,5	81,6
3	Воронежская область	9,2	38,9	77,2
4	Ростовская область	8,9	35,4	68,9
5	Республика Татарстан	8,7	32,6	65,8

В первую очередь, обращает на себя внимание доминирование в топ-5 рейтинга регионов с традиционно сильным аграрным сектором – Краснодарский край, Белгородская и Воронежская области, что вполне логично коррелирует с их природно-климатическими особенностями и исторически сложившимися компетенциями.

Представляется весьма интересным соотношение интегрального показателя инвестиционной привлекательности и фактических объемов инвестиций. Так, можно наблюдать практически линейную зависимость между этими параметрами, что свидетельствует о работоспособности используемой методики оценки. При этом показательна существенная дифференциация в структуре инвестиций – доля частного капитала колеблется от 65,8% в Республике Татарстан до впечатляющих 81,6% в Белгородской области.

Если проанализировать эти данные в контексте общей экономической теории, можно предположить, что высокий удельный вес частных инвестиций свидетельствует о формировании в регионе эффективных рыночных механизмов и минимизации «провалов

рынка» за счет создания благоприятной институциональной среды. Любопытно, что Белгородская область, занимая второе место по интегральному показателю инвестиционной привлекательности, демонстрирует наивысший процент частных инвестиций, что может указывать на особую эффективность региональной инвестиционной политики и, возможно, более совершенные механизмы государственно-частного партнерства [2, 5].

В России ГЧП регулируется Федеральным законом «О государственно-частном партнерстве, муниципально-частном партнерстве в Российской Федерации». Он устанавливает общие принципы и основы государственно-частного партнерства.

Государственно-частное партнерство представляет собой эффективный механизм распределения финансовых, управленческих и рискованных обязательств между государственным и частным секторами при реализации масштабных инфраструктурных проектов. В рамках данной модели государство выступает в роли стратегического заказчика, устанавливая нормативные требования и формируя институциональные условия, в то время как частные компании обеспечивают инвестиционные ресурсы, технологические решения и операционное управление объектами. Такая форма кооперации позволяет существенно сократить сроки реализации проектов за счет оптимизации административных процедур, минимизировать бюджетные расходы путем привлечения внебюджетных источников финансирования, а также повысить качество предоставляемых услуг благодаря внедрению современных управленческих практик и технологических решений, что в совокупности создает синергетический эффект и способствует устойчивому развитию инфраструктурного комплекса.

Роль государства не ограничивается деятельностью ГЧП. Во многом место отдается определению приоритетов и направлений развития, контролю их реализации, а также процессу разработки стратегии развития инфраструктуры. В то же время государственные органы содействуют развитию инфраструктуры в регионах, обеспечивая координацию действий между федеральными, региональными и муниципальными органами власти. Таким образом, государство выступает в качестве основного регулятора и исполнителя в области развития экономической инфраструктуры, обеспечивая её устойчивое развитие [4].

Заключение

Проведенное исследование позволяет сделать ряд выводов относительно текущего состояния и перспектив развития механизмов финансового стимулирования инвестиционной деятельности в агропромышленном комплексе Российской Федерации.

В первую очередь, необходимо отметить особую значимость агропромышленного комплекса как фундаментального элемента обеспечения продовольственной безопасности страны, что обуславливает приоритетность его развития в системе государственных экономических интересов. Анализ статистических данных демонстрирует устойчивый рост объемов государственной поддержки АПК на протяжении всего исследуемого периода (2018-2023 гг.) как в абсолютном выражении (с 254,1 до 445,8 млрд руб.), так и в относительном – доля в расходах федерального бюджета увеличилась с 1,48% до 1,68%.

Вместе с тем, исследование выявило комплекс барьеров, затрудняющих привлечение инвестиций в отрасль. К наиболее значимым из них относятся: высокая капиталоемкость современного оборудования, избыточная бюрократизация при получении разрешительной документации, преобладание экстенсивных методов развития над интенсивными, недостаточное использование отечественных технологических разработок, а также специфические риски, обусловленные биологической природой сельскохозяйственной продукции.

Критический анализ существующих финансовых инструментов стимулирования инвестиционной деятельности (субсидии, субвенции, налоговые льготы, а также комбинированные механизмы – КППК, СЗПК, СПИК) показал наличие существенных недостатков, снижающих их эффективность. В частности, были выявлены такие проблемы, как сложность процедуры доказательства необходимости предоставления субсидий,

многоканальность стимулирующего воздействия, сдерживающее влияние налоговых льгот на отдельные отрасли АПК, ограниченные сроки действия преференций в рамках КППК и др.

Особого внимания заслуживает региональный аспект инвестиционной деятельности в АПК. Проведенный анализ показал существенную дифференциацию инвестиционной привлекательности регионов России, при этом лидирующие позиции занимают субъекты с традиционно сильным аграрным сектором – Краснодарский край, Белгородская и Воронежская области. Примечательна также выявленная линейная зависимость между интегральным показателем инвестиционной привлекательности и фактическими объемами инвестиций, что подтверждает валидность используемой методики оценки.

На основе проведенного исследования можно сформулировать два ключевых направления совершенствования системы финансовой поддержки АПК. Во-первых, оптимизация процесса доступа к финансовым инструментам стимулирования инвестиционной активности, что предполагает упрощение процедур обоснования необходимости предоставления государственного финансирования и более тесную увязку целей инвестиционных проектов с амортизационной и инвестиционной стратегией компаний. Во-вторых, устранение сдерживающего влияния применяемых инструментов на развитие системообразующих отраслей АПК, что требует учета особенностей сельскохозяйственного производства (сезонность, зависимость от природно-климатических условий и т.д.) при разработке и реализации мер государственной поддержки.

Особо следует подчеркнуть перспективность развития механизмов государственно-частного партнерства в сфере АПК, что позволяет оптимально распределить финансовые, организационные и рискованные обязательства между государством и бизнесом при реализации инфраструктурных проектов.

Список источников

1. Алещенко В.В. Государственная поддержка субъектов малого и среднего предпринимательства в агропромышленном комплексе: особенности и перспективы развития // Вестник СибАДИ. - 2021. - № 3. - С. 342-351.
2. Бобылева А.С., Александрова Н.Р. Факторы и условия обеспечения инвестиционной привлекательности агропромышленного комплекса регионов России // Региональная экономика: теория и практика. - 2020. - Т. 18. № 2. - С. 335-348.
3. Ворона В.В., Киселица Е.П. Методическое обеспечение стимулирования инвестиционной деятельности предприятий в агропромышленном комплексе // Основы ЭУП. – 2021. – № 1 (26). – С. 23-28.
4. Воронин Б.А., Чупина И.П., Воронина Я.В. Прогнозирование и стратегическое планирование сельскохозяйственной деятельности в современной России. От импортозамещения к экспортному потенциалу: научно-инновационное обеспечение развития экономики и кадрового потенциала АПК: международная научно-практическая конференция, Екатеринбург, 25-26 февраля 2021 г. Екатеринбург: Уральский государственный аграрный университет, 2021. 230 с.
5. Гусева О.О. Анализ эффективности инвестиционных проектов в АПК // Факторы успеха. – 2018. – № 2(11). – С. 32-37.
6. Иванова В.Н., Серегин С.Н. Продовольственная безопасность в контексте инвестиционной привлекательности АПК: проблемы и решения // Экономика сельскохозяйственных и перерабатывающих предприятий. - 2022. - № 7. - С. 13-19.
7. Инфраструктура устойчивого развития // ВЭБ.РФ. URL: <https://www.vab.pf/downloads/infrastructure-for-sustainability-web.pdf> (дата обращения: 04.02.2024).

8. Морковкин Д.Е., Строев П.В., Шапошников А.И. Финансовая поддержка регионов как инструмент выравнивания бюджетной обеспеченности субъектов Российской Федерации // *Финансы: теория и практика*. – 2019. – 23(4). – С.57-68.
9. Полоненко, В. А. Развитие инфраструктуры при помощи механизмов государственно-частного партнерства / В. А. Полоненко // *Вестник Российского нового университета. Серия: Человек и общество*. – 2022. – № 2. – С. 47-55. – DOI 10.18137/RNU.V9276.22.02.P.047. – EDN WOIMJG.
10. Прохорова И.С., Тимошенко А.В. Агропромышленный комплекс Российской Федерации как индикатор готовности России к инновационному прорыву // *E-Management*. – 2022. – Том 5. – № 1. – С. 101-110.
11. Уланова, О.И. Роль инвестиций в развитии АПК России и региона // *Нива Поволжья*. – 2019. – № 2(51). – С. 100-108.
12. Чистова М.В. Государственная поддержка инновационной деятельности: опыт регионов Российской Федерации // *Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 5: Экономика*. – 2017. – №2 (200). – С. 44.
13. Vizlit : сайт. – URL: https://vuzlit.com/1080020/sovremennoe_sostoyanie_infrastrukturnogo_kompleksa_rossii (дата обращения: 01.03.2024).

References

1. Aleshchenko V.V. State support for small and medium-sized businesses in the agro-industrial complex: features and development prospects // *Bulletin of SibADI*. - 2021. - No. 3. - P. 342-351.
2. Bobyleva A.S., Aleksandrova N.R. Factors and conditions for ensuring the investment attractiveness of the agro-industrial complex of the regions of Russia // *Regional Economy: Theory and Practice*. - 2020. - Vol. 18, No. 2. - P. 335-348.
3. Vorona V.V., Kiselica E.P. Methodological support for stimulating investment activities of enterprises in the agro-industrial complex // *Fundamentals of EUP*. - 2021. - No. 1 (26). - P. 23-28.
4. Voronin B. A., Chupina I. P., Voronina Ya. V. Forecasting and strategic planning of agricultural activities in modern Russia. From import substitution to export potential: scientific and innovative support for the development of the economy and human resources of the agro-industrial complex: international scientific and practical conference, Yekaterinburg, February 25-26, 2021. Yekaterinburg: Ural State Agrarian University, 2021. 230 p.
5. Guseva O. O. Analysis of the effectiveness of investment projects in the agro-industrial complex // *Success factors*. - 2018. - No. 2 (11). - P. 32-37.
6. Ivanova V. N., Seregin S. N. Food security in the context of investment attractiveness of the agro-industrial complex: problems and solutions // *Economy of agricultural and processing enterprises*. - 2022. - No. 7. - P. 13-19.
7. Infrastructure for Sustainable Development // VEB.RF. URL: [https://www.Ba6.p\\$/downloads/infrastructure-for-sustainability-web.pdf](https://www.Ba6.p$/downloads/infrastructure-for-sustainability-web.pdf) (date accessed: 04.02.2024).
8. Morkovkin D.E., Stroeve P.V., Shaposhnikov A.I. Financial support for regions as a tool for equalizing budget security of constituent entities of the Russian Federation // *Finance: Theory and Practice*. - 2019. - 23 (4). - P. 57-68.
9. Polonenko, V. A. Infrastructure development using public-private partnership mechanisms / V. A. Polonenko // *Bulletin of the Russian New University. Series: Man and Society*. - 2022. - No. 2. - P. 47-55. – DOI 10.18137/RNU.V9276.22.02.P.047. – EDN WOIMJG.
10. Prokhorova I.S., Timoshenko A.V. Agro-industrial complex of the Russian Federation as an indicator of Russia's readiness for an innovative breakthrough // *E-Management*. – 2022. – Vol. 5. – No. 1. – P. 101-110.

11. Ulanova, O.I. The role of investments in the development of the agro-industrial complex of Russia and the region // *Niva Povolzhya*. – 2019. – No. 2(51). – P. 100-108.
12. Chistova M.V. State support for innovation: experience of the regions of the Russian Federation // *Bulletin of Adyghe State University. Series 5: Economy*. – 2017. – No. 2 (200). – P. 44.
13. Vizlit: website. – URL: https://vuzlit.com/1080020/sovremennoe_sostoyanie_infrastrukturnogo_kompleksa_rossii (date of access: 01.03.2024).

ТРАНСФОРМАЦИЯ ПРОЦЕССОВ ПРОЕКТИРОВАНИЯ УСЛУГ В СФЕРЕ КУЛЬТУРНО-МАССОВЫХ МЕРОПРИЯТИЙ НА ОСНОВЕ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

К.В. Ринк, Е.А. Шевчук, Г.М. Дехтярь

Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации
(Москва, Россия)

***Аннотация.** В статье рассмотрены основные аспекты внедрения цифровых инструментов в процессы проектирования услуг в сфере культурно-массовых мероприятий. Выведены ключевые препятствия на современном этапе организации проектирования в event-сфере, определены наиболее перспективные ниши для применения цифровых инструментов. В работе предпринята попытка проанализировать влияние Модельного стандарта услуги по организации и проведению культурно-массовых мероприятий. Сделан вывод о рамочном характере данного документа, а также об отсутствии в нем положений, обуславливающих необходимость использования цифровых инструментов в области организации мероприятий. Автор статьи сделаны выводы о том, что внедрение цифровых инструментов в сферу проектирования, организации и проведения культурно-массовых мероприятий позволит унифицировать документационную работу, купировать риски, возникающие ввиду различий в подходах к подготовке проектной документации. Выдвинуто предположение о том, что использование цифровых инструментов повышает качество оценки регулирующего воздействия мероприятия на его целевую аудиторию, позволяет сегментировать и специфицировать работу внутри конкретных групп целевой аудитории мероприятия. Автор выдвигает гипотезу о том, что цифровизация event-сферы в настоящий момент не соответствует вызовам времени, что во многом связано со спецификой отрасли, в фокусе внимания которой традиционно был и остается человек.*

***Ключевые слова:** цифровизация, проектирование культурно-массовых мероприятий, стандарты качества, оценка вовлеченности.*

TRANSFORMATION OF SERVICE DESIGN PROCESSES IN THE FIELD OF CULTURAL AND MASS EVENTS BASED ON INFORMATION TECHNOLOGIES

K.V. Rink, E.A. Shevchuk, G.M. Dekhtyar

Russian Academy of National Economy and Public Administration
under the President of the Russian Federation
(Moscow, Russia)

***Abstract.** The article examines the main aspects of implementing digital tools in the service design processes within the field of cultural and mass events. It identifies key challenges currently faced in the event industry at the stage of service design and outlines the most promising niches for the application of digital instruments. The study attempts to analyze the impact of the Model Standard for the organization and execution of cultural and mass events. The author concludes that the document is of a framework nature and lacks provisions that necessitate the use of digital tools in event organization. The article suggests that the integration of digital instruments into the*

design, organization, and execution of cultural and mass events can help standardize documentation processes and mitigate risks arising from differing approaches to project documentation. It is also proposed that the use of digital tools enhances the quality of regulatory impact assessment of events on their target audience, enabling segmentation and specification of work within particular audience groups. The author hypothesizes that the current level of digitalization in the event industry does not adequately meet contemporary challenges, which is largely due to the specific nature of the sector – one that has traditionally maintained a strong human-centered focus.

Keywords: *digitalization, cultural and mass event design, quality standards, engagement assessment.*

Введение

Внедрение информационно-коммуникационных технологий в различные сферы жизни общества в последние десятилетия стало обретать массовый характер. Развитие средств и форм передачи информации, высокая эффективность использования цифровых инструментов доказали оправданность цифровой трансформации в промышленности, образовании, науке. В то же время, относительно «традиционным» направлением, в рамках которого цифровые инструменты до настоящего момента не получили столь широкого применения, остается сфера организации культурно-массовых мероприятий. Несмотря на происходящие революционные изменения в формах доступа, участия, распространения, создания и производства культурных ценностей в таких отраслях как кино (онлайн-кинотеатры), библиотеки (онлайн-библиотеки), музеи (цифровые экскурсии, собственные интернет-страницы для отдельных экспонатов), музыка (онлайн-хостинги для прослушивания композиций), event-сфера принимает новую цифровую реальность несколько сдержанно, а спектр применений цифровых инструментов в настоящий момент носит ограниченный характер. В настоящей статье предпринята попытка переосмыслить опыт создания технических заданий в рамках подготовки культурно-массовых мероприятий, а также предложить способы повышения эффективности посредством применения цифровых инструментов.

Основная часть

Основополагающим нормативно-правовым актом в области проектирования услуг в сфере культурно-массовых мероприятий является Модельный стандарт услуги по организации и проведению культурно-массовых мероприятий. Стандарт утвержден Министерством культуры Российской Федерации и является ключевым документом, устанавливающим методологию организации работы по подготовке и проведению культурно-массовых мероприятий. Документом установлены требования, исполнение которых обеспечивает соответствие мероприятия его назначению, а также основные положения, в рамках которых может быть определено качество предоставления услуги по организации мероприятия. Требования стандарта носят рекомендательный характер для всех организаций, оказывающих услуги по организации культурно-массовых мероприятий, а также обязательный характер для учреждений культуры, подведомственных Министерству культуры России или другим органам государственной власти, уполномоченным в соответствующей сфере [12, с. 80].

Несмотря на относительно подробный характер закрепления основных положений в области организации культурно-массовых мероприятий, документ носит рамочный характер и не ставит целью жесткое регламентирование процесса подготовки, оказания услуги, а также оценки качества по результатам проделанной работы. Это, в свою очередь, характеризует Модельный стандарт как систему взглядов Министерства культуры России на то, как, с точки зрения органа власти, может быть организован процесс подготовки и оказания услуги в области организации культурно-массовых мероприятий [13, с. 114].

По нашему мнению, использование цифровых инструментов может создать предпосылки для качественного повышения уровня проектирования услуг в сфере организации культурно-массовых мероприятий. С одной стороны, цифровые платформы, с каждым годом всё шире внедряемые во все сферы жизни человека, позволяют собирать идеи, обратную связь и предпочтения аудитории ещё на этапе проектирования услуги, формируя модель «культура как платформа» [7, с. 48]. Активное использование цифровых платформ, таких как сайты городских сообществ, официальные порталы учреждений культуры, форм обратной связи, интернет-платформ, нацеленных на исследование общественного мнения, позволит грамотно работать с общественным мнением, отвечать на его запросы и ещё на этапе проектирования услуги по организации культурно-массового мероприятия оценить его востребованность, перспективы реализации и потенциальный уровень общественного интереса. Это позволит купировать репутационные, финансовые и организационные риски, связанные с затратой ресурсов на невостребованные, чрезмерно затратные и несоответствующие общественным запросам мероприятия.

Информационные технологии, в отличие от узкоспециализированных цифровых решений, обеспечивают инфраструктурную основу для всех этапов жизненного цикла культурного мероприятия. Применение ИТ охватывает управление ресурсами, документооборот, взаимодействие между командами, интеграцию с внешними платформами и поддержку мобильных решений. Например, использование облачных сервисов и систем управления проектами (таких как Trello, Asana или отечественные аналоги) способствует более чёткому планированию этапов мероприятия и распределению ответственности. Кроме того, ИТ-решения обеспечивают хранение и систематизацию проектной документации, что особенно важно для обеспечения преемственности в условиях высокой текучести кадров. Мобильные приложения и электронные сервисы обратной связи позволяют не только собирать отзывы в режиме реального времени, но и оперативно реагировать на возникающие запросы, повышая гибкость и адаптивность мероприятия. Таким образом, информационные технологии становятся неотъемлемой частью современного инструментария проектирования и реализации культурных событий.

С другой стороны, внедрение цифровых инструментов позволяет поддерживать стабильный уровень качества на всех этапах производства услуги от проектирования до оценки результата оказанной услуги [14, с. 29]. Такая характеристика является актуальной для сферы организации культурно-массовых мероприятий, крайне зависимой от человеческого фактора. При кадровых изменениях внутри предприятия, специализирующегося на оказании услуг в сфере организации культурно-массовых мероприятий, может измениться и подход к проектированию таких услуг. Такой порядок организации работы противоречит стандарту ГОСТ Р ИСО 9001-2015 [2]. Так, в п. 8.3.1 этого стандарта закреплена обязанность организации по разработке, внедрению и поддержке процесса проектирования услуги для обеспечения последующего предоставления такой услуги. Внедрение цифровых инструментов контроля качества проектирования услуг по организации культурно-массовых мероприятий позволит избежать разницы в подходах, унифицировать процессы и ключевые факторы, учитываемые при проектировании. Для менеджмента качества цифровизация инструментов проектирования услуг так же является позитивным фактором, позволяющим сделать процесс оценки качества оказанной услуги управляемым, прозрачным, основанным на документально закреплённых критериях. ГОСТ Р ИСО 9001-2015 «Системы менеджмента качества. Требования» представляет собой универсальный стандарт, направленный на обеспечение системного подхода к управлению качеством процессов в различных сферах деятельности, включая сферу организации культурно-массовых мероприятий (КММ). Его применение в данной области способствует формированию устойчивой и воспроизводимой модели управления, ориентированной на потребности и ожидания аудитории, а также на непрерывное совершенствование процессов оказания культурных услуг.

Роль стандартов качества в процессе организации культурно-массовых мероприятий является фундаментальной для обеспечения эффективности, безопасности, устойчивости и соответствия культурных событий современным требованиям социокультурной среды. Стандарты качества выступают как инструмент регламентации и систематизации всех этапов организации мероприятия – от планирования до постмероприятийной оценки. Во-первых, стандарты качества способствуют формированию единых методологических подходов к управлению событиями. Это особенно важно в условиях высокой степени разнообразия форматов культурно-массовых мероприятий, которые могут варьироваться от камерных выставок до масштабных фестивалей. Использование стандартов, таких как ISO 20121 (Система менеджмента устойчивого проведения мероприятий), позволяет обеспечить сбалансированное управление ресурсами, минимизировать воздействие на окружающую среду и учитывать интересы всех заинтересованных сторон. Во-вторых, стандартизация процессов организации мероприятий позволяет обеспечить высокий уровень безопасности. Регламентированные процедуры по управлению рисками, эвакуации, медицинскому сопровождению и обеспечению технической надежности инфраструктуры формируют основу для защиты жизни и здоровья участников и персонала. В этом контексте стандарты являются неотъемлемым элементом системы предотвращения чрезвычайных ситуаций. Стандарты качества способствуют повышению профессионализма организаторов и укреплению доверия со стороны потребителей культурных услуг. Сертификация процессов и соблюдение нормативных требований служат индикатором надёжности и компетентности, что особенно актуально в конкурентной среде индустрии событий.

С точки зрения оценки эффективности, стандарты позволяют проводить мониторинг ключевых показателей качества – таких как удовлетворённость участников, доступность, культурная значимость, вовлечённость целевых аудиторий. Это создает основу для формирования культуры непрерывного улучшения и внедрения инноваций в событийную практику. Стандарты качества в организации культурно-массовых мероприятий выполняют интегративную функцию, соединяя управленческие, правовые, этические и культурные аспекты деятельности, направленной на формирование устойчивого и качественного культурного пространства.

Прежде всего, внедрение принципов ИСО 9001 в процессы проектирования и реализации КММ позволяет структурировать управленческую и производственную деятельность учреждений культуры на основе процессного подхода. Это выражается в установлении чётких взаимосвязей между этапами планирования, подготовки, реализации и оценки культурного мероприятия. Документированное описание процессов и критериев качества способствует устранению субъективности в управлении, а также формированию единой системы стандартов и регламентов. Важным аспектом является фокус стандарта на удовлетворенность потребителя – в контексте КММ это означает ориентацию на повышение уровня вовлечённости, комфорта и культурной значимости мероприятия для различных сегментов аудитории. Стандарт стимулирует использование методов обратной связи, анализа рисков и возможностей, что позволяет своевременно адаптировать содержание и формат культурных проектов в соответствии с динамикой социокультурной среды.

Кроме того, ИСО 9001-2015 усиливает роль мониторинга и оценки эффективности мероприятий. Применение индикаторов качества, аудитов и анализа несоответствий способствует выявлению слабых звеньев в организации мероприятий, а также формированию механизмов их устранения на основе корректирующих и предупреждающих действий. Особое значение стандарт приобретает в условиях цифровой трансформации, поскольку его положения органично сочетаются с современными инструментами автоматизации управления, предиктивной аналитики и цифрового планирования. ГОСТ Р ИСО 9001-2015 может служить методологической основой для внедрения цифровых платформ, обеспечивающих интеграцию всех участников процесса.

Неочевидным эффектом от применения цифровых инструментов при проектировании услуг по организации культурно-массовых мероприятий становится возможность применения при процессе проектирования больших данных. Сбор и анализ информации на стадии проектирования услуги позволяют выявить предпочтения и паттерны участия широкой аудитории, сегментировать эту аудиторию и разработать персонализированные сценарии участия, а также предсказать интерес к конкретным форматам мероприятия. По данным исследований консалтингового агентства McKinsey, использование алгоритмов предиктивной аналитики при проектировании услуг по организации мероприятий повышает вовлеченность аудитории на 25-30% [3]. Цифровые инструменты могут открыть новые горизонты проектирования услуг, предоставляя более широкий спектр сведений о паттернах поведения будущих участников, их предпочтениях и возможной сегментации аудитории. Цифровые аналитические инструменты, использующие методы больших данных, способны увеличить вовлеченность аудитории (количественный эффект), что благоприятно скажется на общем впечатлении участников от мероприятия (качественный эффект).

Цифровые технологии делают возможным непрерывный мониторинг реакции аудитории, а также пост-оценку социального и культурного эффекта от мероприятия. Использование метрик вовлеченности, тональности отзывов, времени просмотра, количества репостов позволяет перейти от оценки «по факту» к динамическому управлению качеством услуги. Согласно отчету UNESCO [4], цифровое проектирование услуг в сфере организации культурно-массовых мероприятий позволяет повысить точность оценки воздействия мероприятий на локальные сообщества и улучшить качество последующих проектных решений. Использование искусственного интеллекта (ИИ) в проектировании культурно-массовых мероприятий представляет собой одно из перспективных направлений в сфере культурологии, событийного менеджмента и цифровых гуманитарных наук. Применение алгоритмов машинного обучения и анализа больших данных позволяет существенно повысить эффективность процессов планирования, организации и оценки мероприятий различного масштаба и направленности.

Во-первых, ИИ может быть использован на этапе предиктивной аналитики – для прогнозирования интересов целевой аудитории и адаптации формата мероприятия под актуальные запросы. На основе анализа данных из социальных сетей, поисковых запросов, продаж билетов и отзывов о прошлых событиях, алгоритмы способны выявить поведенческие паттерны, сегментировать аудиторию и предложить сценарные решения, соответствующие предпочтениям конкретных групп.

Во-вторых, технологии генеративного ИИ находят применение в креативной разработке контента – от визуальных и музыкальных решений до создания сценариев, выступлений и интерактивных элементов. Например, с помощью нейросетей возможно создание уникальных аудиовизуальных инсталляций, генерация цифровых персонажей или симуляция исторических событий с элементами дополненной и виртуальной реальности. Кроме того, ИИ активно используется для оптимизации логистических и организационных аспектов. Системы на базе искусственного интеллекта способны рассчитывать наилучшие маршруты передвижения участников, прогнозировать посещаемость, моделировать потоки посетителей и обеспечивать управление ресурсами в реальном времени. Это особенно важно для мероприятий с большим количеством участников, таких как фестивали, концерты или городские праздники. Также ИИ играет ключевую роль в обеспечении безопасности. Системы видеонаблюдения с компьютерным зрением позволяют отслеживать поведение участников, распознавать подозрительную активность и быстро реагировать на потенциальные угрозы. В перспективе интеграция ИИ в культурно-массовые мероприятия способствует формированию персонализированного и инклюзивного культурного опыта, повышает вовлеченность аудитории и открывает новые формы взаимодействия между организаторами, участниками и культурным пространством в целом.

Цифровизация проектирования услуг в сфере культурно-массовых мероприятий ведёт к качественному сдвигу в методологии: от формальной реализации к гибкой, адаптивной, пользовательски ориентированной модели. Внедрение цифровых инструментов усиливает субъектность аудитории, расширяет спектр доступных форматов, снижает транзакционные издержки и позволяет строить культурную политику на основе данных. Однако при этом возникает необходимость институционального переосмысления роли культурных учреждений, подготовки кадров нового типа и развития правовой базы, регулирующей цифровую культуру. В настоящий момент ключевым отраслевым документом – Модельным стандартом услуги по организации и проведению культурно-массовых мероприятий – цифровое проектирование услуг не регламентировано [11, с. 20]. В то же время, создание цифровой платформы по проектированию услуг в сфере организации культурно-массовых мероприятий позволит избежать различия в подходах как в рамках одной организации, так и по рынку в целом. Необходимо отметить, что создание и внедрение такой платформы может быть осуществлено только после тщательного анализа рынка организаций, оказывающих услуги в сфере подготовки культурно-массовых мероприятий, сбора обратной связи, правильной коммуникации рынку о неизбежности такого решения [8, с. 30]. Необходимо учитывать, что нормативно-правовых требований, закрепляющих существование такой платформы и обязательный характер её использования, в настоящий момент не существует.

Заключение

Проектирование услуг в сфере организации культурно-массовых мероприятий остаётся важнейшей составной частью процесса работы event-агентств. Несмотря на многочисленные факторы, создающие предпосылки к цифровизации этого процесса, проектирование услуг остаётся нецифрованной сферой, подверженной влиянию человеческого фактора. На наш взгляд, процесс внедрения цифровых инструментов в проектирование услуг по организации мероприятий неизбежен, однако без проработанной нормативно-правовой базы и пошагового ввода такого решения участники рынка могут столкнуться с трудностями и противоречиями.

Список источников

1. Министерство культуры Российской Федерации. Методические рекомендации по разработке стандарта качества услуг государственных (муниципальных) учреждений культуры: [утв. Минкультуры России]. – М.: Министерство культуры РФ, 2016. – 48 с. – (Раздел I. Модельный стандарт услуги по организации и проведению культурно-массовых мероприятий).
2. ГОСТ Р ИСО 9001-2015. Системы менеджмента качества. Требования. – М.: Стандартинформ, 2015. – 33 с.
3. Cole Z., Mathews B., Steele R., Tallon L. The art of data: Empowering art institutions with data and analytics. // McKinsey & Company. – 2023. – URL: <https://www.mckinsey.com/industries/social-sector/our-insights/the-art-of-data-empowering-art-institutions-with-data-and-analytics> (дата обращения: 21.03.2025).
4. ЮНЕСКО. Защита и сохранение культурного многообразия в цифровую эпоху = Protecting and Preserving Cultural Diversity in the Digital Era [Электронный ресурс] // UNESCO. – 2023. – URL: <https://www.unesco.org/en/articles/cutting-edge-protecting-and-preserving-cultural-diversity-digital-era> (дата обращения: 20.03.2025).
5. Сидоров, М.Н. Цифровая трансформация в сфере культуры и искусства: вызовы и перспективы // Сфера культуры. – 2023. – № 3(15). – С. 25–31.
6. Аюб, М.Ф. «Проблемы внедрения инструментов управления цифровыми проектами в сфере высшего образования» // Молодой ученый. – 2023. – № 15(462).
7. Борисова, А.В. Цифровая культура как фактор устойчивого развития организации в условиях цифровой трансформации экономики // Экономика и предпринимательство. – 2023. – № 2(139). – С. 45–49.

8. Вишнякова, В.В. «Современные инновационные и цифровые технологии в организации культурно-досуговых мероприятий как фактор повышения интереса к деятельности учреждений социально-культурной сферы» // Научная палитра. – 2024. – № 2(44). – С. 27-38.
9. Гаспарян, Л.С. «Цифровизация как современное условие социального взаимодействия в культуре» // Russian Studies in Culture and Society. – 2023. – № 4. – с. 34-48.
10. Желнина, Е.В., Гущина, О.М. «Методология цифрового поиска целевой аудитории и анализа данных для оценки качества дистанционного образования». // Научно-методический электронный журнал «Концепт». – 2023. – № 4. – URL: <http://e-koncept.ru/2023/231020.htm> (дата обращения: 22.03.2025).
11. Зыбин, Д.Г., Антоновский, А.В., Чураков, Д.Ю. Направления цифровой трансформации научной и образовательной деятельности // Прикладная психология и педагогика. – 2023. – № 1. – С. 14–28.
12. Кузнецова, И.П. Социально-культурные практики в условиях цифровизации // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. – 2023. – № 1(101). – С. 78–83.
13. Панкина, М.В. «Цифровизация и формирование проектной культуры: возможности и риски» // Известия Уральского федерального университета. Серия 1. Проблемы образования, науки и культуры. – 2023. – № 4. – с. 48-53.
14. Петрова, Е.А. Информационные технологии как инструмент повышения эффективности культурно-досуговой деятельности // Культура и искусство. – 2023. – № 4(60). – С. 112–117.

References

1. The Ministry of Culture of the Russian Federation. Methodological recommendations for the development of a standard for the quality of services of state (municipal) cultural institutions: [approved by the Government of the Russian Federation. Ministry of Culture of Russia]. Moscow: Ministry of Culture of the Russian Federation, 2016. 48 p. –Section I. Model standard of services for the organization and holding of cultural events).
2. GOST R ISO 9001-2015. Quality management systems. Requirements. – М.: Standartinform, 2015. – 33 p.
3. Cole Z., Mathews B., Steele R., Tallon L. The art of data: Empowering art institutions with data and analytics. // McKinsey & Company. - 2023. – URL: <https://www.mckinsey.com/industries/social-sector/our-insights/the-art-of-data-empowering-art-institutions-with-data-and-analytics> (date of request: 03/21/2025).
4. UNESCO. Protecting and Preserving Cultural Diversity in the Digital Era = Protecting and Preserving Cultural Diversity in the Digital Era [Electronic resource] // UNESCO. – 2023. – URL: <https://www.unesco.org/en/articles/cutting-edge-protecting-and-preserving-cultural-diversity-digital-era> (date of access: 03/20/2025).
5. Sidorov, M.N. Digital transformation in the field of culture and art: challenges and prospects // Sphere of culture. – 2023. – № 3(15). – Pp. 25-31.
6. Ayub, M.F. "Problems of implementing digital project management tools in the field of higher education". // A young scientist. – 2023. – № 15(462).
7. Borisova, A.V. Digital culture as a factor of sustainable development of an organization in the context of digital transformation of the economy // Economics and entrepreneurship. – 2023. – № 2(139). – Pp. 45-49.
8. Vishnyakova, V.V. "Modern innovative and digital technologies in the organization of cultural and leisure events as a factor in increasing interest in the activities of institutions of the socio-cultural sphere." // The scientific palette. – 2024. – № 2(44). – pp. 27-38.
9. Gasparyan, L.S. "Digitalization as a modern condition of social interaction in culture". // Russian Studies in Culture and Society. – 2023. – No. 4. – pp. 34-48.

10. Zhelnina, E.V., Guschina, O.M. "Methodology of digital search of the target audience and data analysis for assessing the quality of distance education". // Scientific and methodological electronic journal "Concept". – 2023. – No. 4. – URL: <http://e-koncept.ru/2023/231020.htm> (date of reference: 03/22/2025).
11. Zybin, D.G., Antonovsky, A.V., Churakov, D.Yu. Directions of digital transformation of scientific and educational activities // Applied Psychology and Pedagogy. - 2023. – No. 1. – pp. 14-28.
12. Kuznetsova, I.P. Socio-cultural practices in the context of digitalization // Bulletin of the Moscow State University of Culture and Arts. – 2023. – № 1(101). – Pp. 78-83.
13. Pankina, M.V. "Digitalization and the formation of project culture: opportunities and risks". // Proceedings of the Ural Federal University. Series 1. Problems of education, science and culture. – 2023. – No. 4. – pp. 48-53.
14. Petrova, E.A. Information technologies as a tool for improving the effectiveness of cultural and leisure activities // Culture and art. – 2023. – № 4(60). – Pp. 112-117.

КЛЮЧЕВЫЕ ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЕ ДЕТЕРМИНАНТЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ИННОВАЦИОННО-ИНВЕСТИЦИОННОЙ ПРИВЛЕКАТЕЛЬНОСТИ АГРОПРОМЫШЛЕННОГО КОМПЛЕКСА

А.В. Сергеева¹, О.Ю. Смыслова²

¹Тульский филиал Финансового университета при Правительстве РФ
(Тула, Россия)

²Липецкий филиал Финансового университета при Правительстве РФ
(Липецк, Россия)

Аннотация. Статья посвящена исследованию ключевых технологических детерминант, определяющих инновационно-инвестиционную привлекательность агропромышленного комплекса (АПК) в условиях цифровой трансформации и глобальных вызовов. Авторами выявлены и систематизированы критические технологические факторы, оказывающие непосредственное влияние на инвестиционные решения в сельском хозяйстве и смежных отраслях. В работе представлен комплексный анализ современных технологических трендов в АПК, включая: внедрение точного земледелия и «умных» ферм; применение искусственного интеллекта и больших данных в управлении агропроизводством; развитие биотехнологий и генной инженерии; автоматизацию и роботизацию производственных процессов; использование альтернативных источников энергии и ресурсосберегающих технологий. Практическая значимость исследования заключается в выявлении механизма влияния разновременных технологических детерминант на формирование текущей и будущей инновационно-инвестиционной и технологической привлекательности АПК, на основе которого возможно формирование научно обоснованных рекомендаций для агропредприятий по выбору стратегий технологического развития; органов государственного управления при разработке программ поддержки инноваций в АПК; инвестиционных фондов и финансовых институтов при оценке перспективных направлений вложения капитала.

Ключевые слова: агропромышленный комплекс, технологические инновации, инвестиционная привлекательность, цифровизация АПК, точное земледелие, технологический трансферт.

TECHNOLOGICAL DETERMINANTS OF INNOVATION AND INVESTMENT ATTRACTIVENESS IN THE AGRO-INDUSTRIAL COMPLEX

A.V. Sergeeva¹, O.Yu. Smyslova²

¹Tula Branch of the Financial University under the Government of the Russian Federation
(Tula, Russia)

²Lipetsk Branch of the Financial University under the Government of the Russian Federation
(Lipetsk, Russia)

Abstract. The article is devoted to the study of key technological determinants that determine the innovation and investment attractiveness of the agro-industrial complex (AIC) in the context of digital transformation and global challenges. The authors identified and systematized critical technological factors that directly influence investment decisions in agriculture and related

industries. The work presents a comprehensive analysis of modern technological trends in the AIC, including: the introduction of precision farming and smart farms; the use of artificial intelligence and big data in agricultural production management; the development of biotechnology and genetic engineering; automation and robotization of production processes; the use of alternative energy sources and resource-saving technologies. The practical significance of the study lies in identifying the mechanism of influence of multi-temporal technological determinants on the formation of the current and future innovation, investment and technological attractiveness of the AIC, on the basis of which it is possible to form scientifically based recommendations for agricultural enterprises on the choice of technological development strategies; government bodies in developing programs to support innovations in the AIC; investment funds and financial institutions when assessing promising areas for capital investment.

Keywords: *agro-industrial complex, technological innovations, investment attractiveness, digitalization of agriculture, precision agriculture, technological transfer.*

Введение

В условиях глобализации и усиления конкуренции на мировых рынках агропромышленный комплекс (АПК) сталкивается с необходимостью постоянного повышения своей эффективности и конкурентоспособности. Одним из ключевых факторов, обеспечивающих устойчивое развитие АПК, является его инновационно-инвестиционная привлекательность. В свою очередь, подобная привлекательность напрямую зависит от внедрения и эффективного использования передовых технологий.

Как показывает практика, на современном этапе развития экономики технологические детерминанты играют решающую роль в формировании инновационно-инвестиционного климата в любой отрасли, и АПК не является исключением. Внедрение цифровых технологий, роботизации, биотехнологий, систем точного земледелия и других технологических инноваций позволяет существенно повысить производительность, снизить издержки, улучшить качество продукции и обеспечить экологическую устойчивость производства.

Однако, несмотря на очевидные преимущества, процесс внедрения инноваций в АПК сопряжен с рядом проблем и вызовов, включая недостаток финансирования, низкий уровень цифровой грамотности, неразвитость инфраструктуры и регуляторные барьеры. Поэтому исследование ключевых технологических детерминант, определяющих инновационно-инвестиционную привлекательность АПК, является актуальной и значимой задачей, направленной на выявление факторов, стимулирующих приток инвестиций в технологическое развитие отрасли и повышение ее конкурентоспособности. Результаты данного исследования могут быть использованы для разработки эффективных стратегий и механизмов поддержки инновационной деятельности в АПК, а также для привлечения инвестиций в перспективные технологические проекты.

Основная часть

Вопросами повышения инновационно-инвестиционной и технологической привлекательности АПК занимаются многие ученые. Так, исследованиям разработки и реализации новых технологий в АПК посвящены труды Щеткина Б.Н. [17], Можаяева Е.Е., Лившиц И.Л. [3], Бурунчикова О.Н., Сафоновой С.Г., Холодовой М.А., Шейховой М.С. [15] и др. Проблемы повышения инновационно-инвестиционной привлекательности АПК рассмотрены в работах Санду И.С., Рыженковой Н.Е. [2], Савенковой (Смысловой) О.Ю. [5, 6, 8, 9, 13], Валинуровой Л.С., Кузьминых Н.А. [1], Никитской, Е.Ф., Валишвили М.А. [4] и др. Исследования в области инновационного потенциала проводили Санду И.С., Рыженковой Н.Е. [2], Щепакин К.М., Щербакова Е.С. [6] и др. Таким образом, проведенный анализ научных трудов позволил выявить значительный исследовательский интерес к проблемам повышения инновационно-инвестиционной и технологической привлекательности АПК, что подтверждается широким кругом работ отечественных ученых. Тем не менее, в настоящее

время требуют уточнения методики оценки эффективности инновационно-инвестиционных проектов с учетом цифровизации, актуальны исследования региональной специфики внедрения технологий (например, для депрессивных аграрных территорий), а также выявление ключевых технологических детерминант обеспечения инновационно-инвестиционной привлекательности АПК.

Непрерывно ускоряющийся темп изменений во всех областях и сферах деятельности человека обуславливает смену трендов, в том числе в технологическом развитии АПК. Так, согласно «Прогнозу научно-технологического развития агропромышленного комплекса Российской Федерации на период до 2030 г.» (далее – Прогноз), среди глобальных вызовов мирового АПК выделяются технологические вызовы, в которых раскрываются возможности и угрозы современного мирового и российского АПК (табл. 1).

В Прогнозе отмечается, что одним из современных трендов в развитии АПК является смена технологий его обеспечения с внедрения узкоспециализированных технологий, техники на платформенные технологии (информационно-коммуникационные, авиакосмические, биотехнологии). Реализация платформенных технологий позволяет реализовывать мониторинг в сельском хозяйстве и поддержку принятия решений, снижать финансовые и трудовые затраты на восстановление почв за счет использования нанотехнологий, использовать агроядерные технологии при борьбе с вредителями, применять когнитивные технологии в автоматизации и роботизации различных работ АПК. Обеспечить активизацию развития платформенных технологий возможно на основе стимулирования межотраслевого и межстранового трансфера технологий, межотраслевых бизнес-проектов, формирования инновационных и агрокластеров.

Еще одним трендом современного технологического развития АПК является снижение темпов роста урожайности и продуктивности в АПК, что авторы Прогноза связывают с «исчерпанием долгосрочных эффектов «зеленой революции». Решение данной проблемы возможно за счет развития научных исследований, трансфера новых технологических решений (точное и умное сельское хозяйство, роботизация и т.п.) от крупного к мелкому агробизнесу, развитие спин-оффов и стартапов в области агротехнологий на базе вузов и НИИ.

Среди новых трендов - усиление роли информационно-коммуникационных технологий и новых форматов отношений в условиях использования этих технологий. Для сокращения затрат, сокращения продолжительности инвестиционных циклов применяются новые формы использования техники: тайм-шерринг, выездные мобильные механизированные бригады.

К новым трендам относится расширение применения адаптивно-ландшафтного земледелия. Необходимость в применении таких технологий обусловлена ростом затрат агропроизводителей на выплату штрафов, возмещение ущерба пострадавшим при употреблении продукции с повышенным содержанием вредных веществ. Технологии адаптивно-ландшафтного земледелия заключаются в развитии контроля концентрации вредных веществ в продуктах питания, точного земледелия, фертигации, использования медленных удобрений.

Тренд растущего спроса на технологии «урбанизированного сельского хозяйства» (агроурбанистику) интересен возможностями, которые создаются: с помощью таких технологий возможно обеспечивать целые города продукцией растениеводства, которая будет выращиваться в этом же городе на вертикальных фермах, в роботизированных тепличных многоэтажных комплексах. Данный тренд может снизить остроту проблемы привлечения кадров в село: работать и жить можно в городе, но при этом заниматься высокотехнологичным сельским хозяйством.

Еще одним трендом в современном АПК является развитие систем рециркулятивной аквакультуры. Возможности рыборазведения в контролируемых замкнутых резервуарах с переработкой отфильтрованных отходов жизнедеятельности рыб представляют интерес с

точки зрения экологии, а также с точки зрения контроля различных инфекций (в замкнутой среде проще обеспечить контроль заболеваемости).

Таблица 1

Тренды в технологическом развитии АПК

Тренд	Возможности/угрозы
Активное развитие «платформенных технологий» в АПК (информационно-коммуникационные, авиакосмические, биотехнологии)	<u>Возможности:</u> снижение стоимости и трудоемкости восстановления почв, повышение сохранности семян и др. на основе нанотехнологий в АПК; расширение возможностей борьбы с патогенными микроорганизмами; повышение эффективности исследований проб биоматериалов и др. на основе аграрных технологий; автоматизация управления, роботизация работ в АПК за счет когнитивных технологий.
Снижение темпов роста урожайности и продуктивности в сельском хозяйстве	<u>Угрозы:</u> возможности снижения конкурентоспособности из-за «технологического отставания и относительно слабой материально-технической базы»
Усиление роли информационно-коммуникационных технологий и новых форматов отношений в условиях их использования	<u>Возможности:</u> повышение интенсивности использования техники; сокращение простоев техники; снижение материальных затрат; ускорение инновационных циклов в машиностроении.
Расширение применения адаптивно-ландшафтного земледелия	<u>Угрозы:</u> рост потерь компаний в связи с выплатой штрафов и компенсацией ущерба пострадавших от употребления продукции АПК с высоким содержанием вредных веществ в условиях применения традиционных методов химизации в производстве сельскохозяйственной продукции. <u>Возможности:</u> повышение качества контроля концентрации вредных веществ в продуктах питания, объема вносимых удобрений.
Увеличение потребности АПК в технологических решениях, учитывающих специфику региона с точки зрения специализации и климата	<u>Возможности:</u> создание сортов растений, пород животных, химикатов, техники с учетом конкретного биома в ускоренные сроки за счет применения моделей гибкого производства, роботизации, информационных и авиакосмических технологий.
Рост спроса на технологии «урбанизированного сельского хозяйства» (агроурбанистику)	<u>Возможности:</u> достижение городами уровня самообеспечения продуктами растениеводства (вертикальные фермы, роботизированные теплицы, аквапоника).
Развитие систем рециркулятивной аквакультуры	<u>Возможности:</u> увеличение объемов производства продовольствия за счет разведения рыбы в замкнутых контролируемых емкостях без загрязнения окружающей среды (отходы жизнедеятельности фильтруются и применяются в производстве побочных продуктов).
Потери продовольствия на этапах хранения, транспортировки	<u>Угрозы:</u> загрязнение окружающей среды, снижение продовольственной безопасности, рост себестоимости продовольствия.
Производство топлива из агрокультур.	<u>Угрозы:</u> обострение продовольственной проблемы <u>Возможности:</u> рост эффективности агробизнеса за счет развития агробиотопливной промышленности
Угрозы биотерроризма	<u>Угрозы:</u> вероятность снижения сельскохозяйственного потенциала страны, вероятность поражения населения биологическим оружием

Составлено по данным: [7]

Современным трендом в развитии мирового АПК являются потери продовольствия на этапах хранения, транспортировки и в розничной торговле, что повышает себестоимость продукции, обостряет проблему продовольственной безопасности и проблему загрязнения окружающей среды. Решение проблемы в стимулировании ресурсосбережения, внедрении технологий биохимической переработки отходов, развитие технологий бережного хранения и транспортировки продовольствия и формировании общественного мнения о бережном отношении к продовольствию, снижению объемов и сортировке отходов.

К трендам развития мирового АПК относится дилемма «продовольствие-топливо», смысл которой состоит в том, что биотопливо первого поколения изготавливается из сельскохозяйственных культур, которые могли бы использоваться в качестве

продовольствия. Альтернативой может быть биотопливо второго поколения, которое производится из отходов, в том числе сельскохозяйственных. В этом случае возможно повышение эффективности решения не только проблемы продовольственной безопасности, но и проблемы загрязнения окружающей среды, а также деятельности агробизнеса.

И включает список трендов наличие угрозы биотерроризма, которая заключается в наличии вероятности поражения населения биологическим оружием, снижения потенциала АПК. Решение проблемы заключается в развитии отечественной генетики, отечественных исследований в области биотехнологий, росте качества контроля материалов, привозимых из-за границы, ужесточении и обновлении технологий фитосанитарного и ветеринарного контроля [7].

Совокупность тенденций в развитии АПК определяет как его текущий уровень развития, так и возможности трансформации в будущем. Технологический инновационный потенциал АПК – совокупность возможностей развития АПК за счет использования всех имеющихся в данный момент и в перспективе технических и технологических преимуществ АПК.

Технологический инновационный потенциал можно рассматривать с позиции времени его реализации, учитывая возможности и риски развития по каждому виду потенциала: реализованному, реализуемому и нереализованному явному и скрытому (табл. 2).

Таблица 2

Направления развития технологического инновационного капитала по его видам

Вид	Сущность	Направления развития
Реализованный	Технические и технологические возможности АПК, которые сформированы и использовались в прошлые периоды, результаты использования которых позволили достичь существующего уровня эффективности комплекса. Наименьшие риски использования, так как есть опыт применения.	Применение лучших (наиболее эффективных) традиционных технологий и технических средств, практик, идей из прошлого опыта (изучение опыта за период развития агропромышленного комплекса страны), их развитие через финансирование
Реализуемый	Технические и технологические возможности АПК, которые формируются и реализуются на данный момент. Низкие риски использования, так как есть некоторый опыт применения.	Выявление наилучших практик современного ведения агробизнеса; наиболее удачного применения технических и технологических новинок.
Нереализованный явный	Возможности технического и технологического развития, формируемые на данный момент в процессе научных исследований и разработок, пробных запусков, апробации, в процессе формирования технических и технологических идей на производстве. Высокие риски, обусловленные наличием неопределенности.	Финансирование наиболее перспективных идей, проводимых в текущем периоде в области технологического развития АПК.
Нереализованный скрытый	Технические и технологические возможности развития АПК в будущем, которые могут раскрыться, сформироваться при создании необходимых условий (финансирование исследований, разработок, инвестиции в человеческий капитал, в том числе мотивация креативности). Наибольшие риски, высокая неопределенность.	Выявление и раскрытие данного вида технологического потенциала возможно на основе стимулирования креативности, генерации технических и технологических идей кадровыми ресурсами комплекса, научно-исследовательскими организациями.

Составлено авторами

От величины технологического потенциала зависит текущий уровень технологического развития АПК. Его определяет как технологический реализованный потенциал, так и технологический реализуемый потенциал. Будущий уровень технологического развития АПК также зависит от технологического потенциала, причем от

всех его видов, включая скрытый и явный нереализованный технологический потенциал. Кроме того, на него влияет и уровень текущего технологического развития, так как именно он является отправной ступенькой, с которой начинается новый уровень развития (рис. 1).

Рис. 1. Взаимосвязь технологического потенциала, текущего и будущего уровня развития АПК

Разработано авторами

Для устойчивого развития агропромышленного комплекса (АПК) критически важно не только поддерживать существующий производственный потенциал, но и целенаправленно формировать его на принципиально новой основе. Ключевым фактором становления и совершенствования технологического потенциала АПК выступают фундаментальные и прикладные научные исследования, а также внедрение инновационных решений. Реализация обоих направлений сопряжена с необходимостью значительных финансовых вложений.

Финансирование данных инициатив может осуществляться за счет мультиисточниковой модели, предполагающей комплексное использование средств, включая как частные инвестиции агробизнеса, так и целевые государственные субсидии, что обеспечит синергию между рыночной инициативой и институциональной поддержкой.

Следует отметить, что снизить затраты на научные исследования и получить результат, в наибольшей степени соответствующий особенностям данного агробизнеса, позволяет создание условий (материальных и моральных) для генерирования идей работниками предприятия. Работники регулярно видят производственный процесс, участвуют в нем и, зачастую, замечают проблемные места производства, устранение которых позволит повысить его эффективность. Создание условий для креативности наемных работников включает материальные стимулы (вознаграждение, карьерный рост) и моральные (внимание к идеям, уважение, признание), а также возможности для проверки идей (время, место, материалы).

Развитие технологического инновационного потенциала повышает инновационно-инвестиционную и технологическую привлекательность АПК. Инновационно-инвестиционную привлекательность можно рассмотреть через призму видов технологического инновационного потенциала. Так, реализованный технологический

инновационный потенциал является явной детерминантой текущего уровня инновационно-инвестиционной и технологической привлекательности АПК. Реализуемый инновационный технологический потенциал является явной детерминантой формирования инновационно-инвестиционной и технологической привлекательности в будущем. Явный нереализованный технологический потенциал также является явной детерминантой формирования инновационно-инвестиционной привлекательности, но в более отдаленном будущем, так как идеи, результаты исследований и разработок еще должны апробироваться, найти своего инвестора и реализоваться на практике. Скрытый нереализованный технологический потенциал следует отнести к скрытым детерминантам, так как они еще не сформированы, но могут сформироваться при соответствующих условиях (рис. 2).

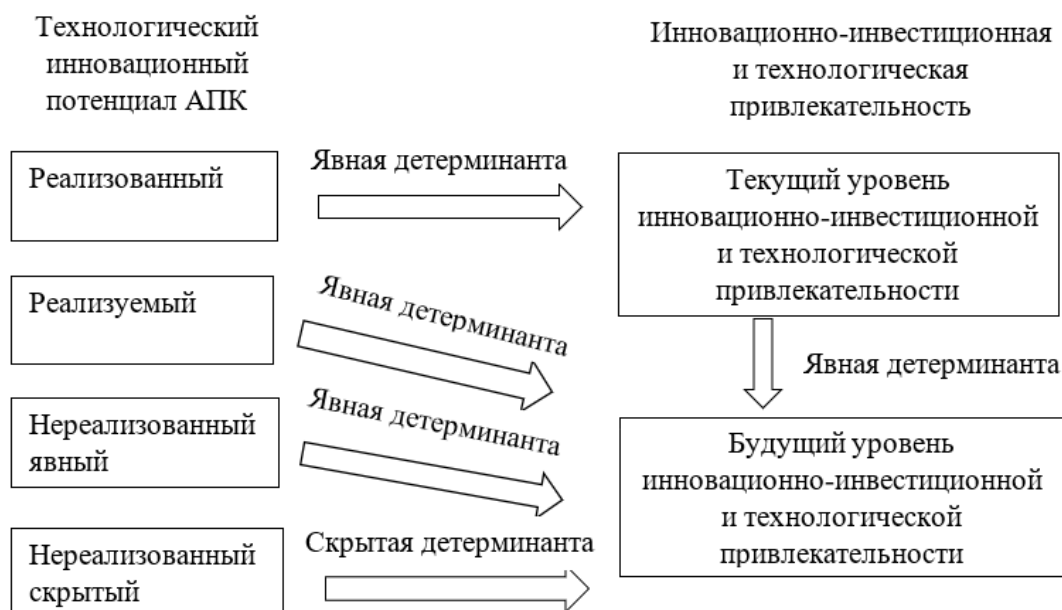

Рис. 2. Влияние разновременных технологических детерминант на формирование инновационно-инвестиционной и технологической привлекательности АПК

Следует отметить, что для инвесторов важна оценка и текущего, и будущего уровня инвестиционной привлекательности АПК, так как такая оценка дает наиболее полное представление об инвестиционных доходах. Использование предложенного методического подхода позволяет рассматривать взаимосвязь технологических детерминант и инновационно-инвестиционной привлекательности в различных временных периодах: в текущем периоде, в ближайшем и отдаленном будущем. Результаты такого исследования дают инвестору возможности прогнозирования инвестиционных возможностей, а для агробизнеса возможности реализации соответствующих направлений развития, в том числе за счет привлечения новых инвесторов.

Заключение

По результатам проведенного исследования сформулированы следующие выводы:

1. В современном АПК наблюдаются тренды, формирующие угрозы и возможности для его развития. Стимулирование развития инноваций, в т.ч. технологических, научных исследований способствует снижению угроз и расширению возможностей развития АПК;
2. Технологический инновационный потенциал АПК – совокупность возможностей развития АПК за счет использования всех имеющихся в данный момент и в перспективе технических и технологических преимуществ АПК

3. Технологический потенциал является одной из детерминант текущего и будущего уровня технологического развития АПК

4. Предложенный механизм влияния разновременных технологических детерминант на формирование текущей и будущей инновационно-инвестиционной и технологической привлекательности АПК позволяет формировать научно обоснованные рекомендации для агропредприятий по выбору стратегий технологического развития; органов государственного управления при разработке программ поддержки инноваций в АПК; инвестиционных фондов и финансовых институтов при оценке перспективных направлений вложения капитала.

Список источников

1. Валинурова, Л.С. Оценка уровня инновационного развития отраслей промышленности – Л.С. Валинурова, Н.А. Кузьминых // Инновации. - 2007. - № 5. - С. 42-47. - EDN: KWGWXB.

2. Методические положения по повышению инновационно-инвестиционной привлекательности хозяйствующих субъектов АПК / под ред. И.С. Санду, Н.Е. Рыженковой. М.: «Научный консультант», 2017. - 210 с. - EDN: ZIIXEV.

3. Можаяев, Е.Е., Лившиц И.Л. Инновационный потенциал техносферы сельскохозяйственного производства/ Е.Е. Можаяев, И.Л. Лившиц // Евразийский союз ученых (ЕСУ). – 2018. - № 3(53). - С. 41-43. - EDN: QTUHOД.

4. Никитская, Е.Ф., Валишвили М.А. Взаимобусловленность инновационного и инвестиционного потенциалов регионов / Е.Ф. Никитская, М.А. Валишвили // Путеводитель предпринимателя. 2016. - № 32. - С. 156-167. - EDN: WZJOAT.

5. Обеспечение устойчивого развития региональных экономических систем в современных условиях : монография / И.Н. Макаров, Е.Е. Володина, О.Ю. Смыслова [и др.]. – Уфа : Аэтерна, 2024. – 176 с. – ISBN 978-5-00249-109-4. – EDN ECEVGI.

6. Особенности развития социально-экономических систем: проблемы, тенденции, перспективы : коллективная монография / Ю.П. Башаримов, Н.Н. Березина, Д.Л. Богдановский [и др.]. Том Книга 2, Часть 1. – Москва : Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, 2013. – 196 с. – ISBN 978-5-7942-1113-9. – EDN TAYLJB.

7. Прогноз научно-технологического развития агропромышленного комплекса Российской Федерации на период до 2030 [Электронный ресурс] URL:<https://mcx.gov.ru/upload/iblock/264/264dfabe7e526b6a79ffe5697c34ed4f.pdf>.

8. Региональные хозяйственные системы и риски современности / Б. О. Хашир, О. Ф. Алехина, О. Ю. Смыслова [и др.]. – Москва: Общество с ограниченной ответственностью "Русайнс", 2023. – 256 с. – ISBN 978-5-466-03709-8. – EDN HWAYYYV.

9. Савенкова, О.Ю. Стратегия социально ориентированного развития сельских территорий / О.Ю. Савенкова. – Липецк: Типография «Липецк-Плюс», 2015. - 244 с. - EDN: UIMOAZ.

10. Савенкова, О.Ю. Формирование организационно-экономических механизмов инновационного развития аграрной сферы / О.Ю. Савенкова // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. – 2012. – № 11. – С. 129-132. - EDN: PUXAWT.

11. Сергеева, А.В. Инвестиционно-инновационный потенциал АПК: подходы к определению / А.В. Сергеева // Аграрная наука – сельскому хозяйству // Сб. материалов XX Международной (заочной) научно-практической конференции. Барнаул: Изд-во Алтайский государственный аграрный университет, 2025. С. 80-81. - EDN AIRKYN.

12. Сергеева, А.В. Инновации и инвестиции: трансформация бизнес-процессов в агропромышленном комплексе / А.В. Сергеева, О.Ю. Смыслова // Вопросы отраслевой экономики. 2024. - № 4(8). - С. 39-46. - EDN JTZTOT – DOI 10.24888/2949-2793-2024-8-39-46.

13. Смыслова, О.Ю. Особенности развития агропромышленного комплекса России в направлении инновационного обновления / О.Ю. Смыслова, А.В. Сергеева, П.Н. Юрова //

Экономика, предпринимательство и право. – 2024. – Т. 14. № 12. – С. 7421-7436. – DOI 10.18334/epp.14.12.122275.

14. Смыслова, О.Ю. Развитие региональных инновационных систем в условиях пространственно-экономических трансформаций / О.Ю. Смыслова, Н.В. Иванова // Вестник НГИЭИ. – 2021. – № 8(123). – С. 96-111. – DOI 10.24412/2227-9407-2021-8-96-111. – EDN UBLGCB.

15. Формирование инновационной модели развития АПК: теоретические основы и инструменты реализации: монография / О.Н. Бурунчиков, С.Г. Сафонова, М.А. Холодова, М.С. Шейхова; Донской ГАУ; ФГБНУ Федеральный Ростовский аграрный центр (ФРАНЦ). Персиановский: Донской ГАУ, 2020. - 188 с. - EDN YTCMBI.

16. Щепакин, К.М. Инвестиционно-инновационный потенциал как основа регионального инновационного предпринимательства / К.М. Щепакин // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки / К.М. Щепакин, Е.С. Щербакова. - 2011. - № 2-1. - С. 31-41. - EDN TMMDDP.

17. Щеткин, Б.Н. Триада системное моделирование в процессе разработки новых технологий в АПК /Б.Н. Щеткин // Вектор научной мысли. - 2023. - № 4(4). - С. 232-237. - EDN KJRRJT. - DOI 10.58351/2949-2041.2023.4.4.020.

References

1. Valinurova, L.S. Assessment of the level of innovative development of industrial sectors - L.S. Valinurova, N.A. Kuzminykh // Innovations. - 2007. - No. 5. - P. 42-47. - EDN: KWGWXB.

2. Methodological provisions for increasing the innovation and investment attractiveness of economic entities in the agro-industrial complex / edited by I.S. Sandu, N.E. Ryzhenkova. Moscow: "Scientific consultant", 2017. - 210 p. - EDN: ZIIXEV.

3. Mozhaev, E.E., Livshits I.L. Innovative potential of the technosphere of agricultural production / E.E. Mozhaev, I.L. Livshits // Eurasian Union of Scientists (ESU). - 2018. - No. 3 (53). - P. 41-43. - EDN: QTUHOD.

4. Nikitskaya, E.F., Valishvili M.A. Interdependence of Innovation and Investment Potential of Regions / E.F. Nikitskaya, M.A. Valishvili // Entrepreneur's Guide. 2016. - No. 32. - P. 156-167. - EDN: WZJOAT.

5. Ensuring Sustainable Development of Regional Economic Systems in Modern Conditions: monograph / I.N. Makarov, E.E. Volodina, O.Yu. Smyslova [et al.]. - Ufa: Aeterna, 2024. - 176 p. - ISBN 978-5-00249-109-4. - EDN ECEVGI.

6. Features of the development of socio-economic systems: problems, trends, prospects: collective monograph / Yu. P. Basharimov, N. N. Berezina, D. L. Bogdanovsky [et al.]. Volume Book 2, Part 1. - Moscow: Financial University under the Government of the Russian Federation, 2013. - 196 p. - ISBN 978-5-7942-1113-9. - EDN TAYLJB.

7. Forecast of scientific and technological development of the agro-industrial complex of the Russian Federation for the period up to 2030 [Electronic resource] URL: <https://mcx.gov.ru/upload/iblock/264/264dfabe7e526b6a79ffe5697c34ed4f.pdf>.

8. Regional economic systems and risks of our time / B. O. Khashir, O. F. Alekhina, O. Yu. Smyslova [et al.]. - Moscow: Limited Liability Company "Rusains", 2023. - 256 p. - ISBN 978-5-466-03709-8. - EDN HWAYYV.

9. Savenkova, O. Yu. Strategy of socially oriented development of rural areas / O. Yu. Savenkova. Lipetsk: Printing house "Lipetsk-Plus", 2015. - 244 p. - EDN: UIMOAZ.

10. Savenkova, O. Yu. Formation of organizational and economic mechanisms of innovative development of the agricultural sector / O. Yu. Savenkova // Actual problems of the humanitarian and natural sciences. - 2012. - No. 11. - P. 129-132. - EDN: PUXAWT.

11. Sergeeva, A.V. Investment and innovation potential of the agro-industrial complex: approaches to definition / A.V. Sergeeva // Agrarian science - to agriculture / Collection of

materials of the XX International (correspondence) scientific and practical conference. Barnaul, 2025. Publisher: Altai State Agrarian University, pp. 80-81. - EDN AIRKYN.

12. Sergeeva, A.V. Innovations and investments: transformation of business processes in the agro-industrial complex / A.V. Sergeeva, O.Yu. Smyslova // Issues of industry economics. 2024. - No. 4 (8). - pp. 39-46. - EDN JTZTOT – DOI 10.24888/2949-2793-2024-8-39-46.

13. Smyslova, O. Yu. Features of the development of the agro-industrial complex of Russia in the direction of innovative renewal / O. Yu. Smyslova, A. V. Sergeeva, P. N. Yurova // Economy, entrepreneurship and law. - 2024. - Vol. 14, No. 12. - P. 7421-7436. - DOI 10.18334/epp.14.12.122275.

14. Smyslova, O. Yu. Development of regional innovation systems in the context of spatial and economic transformations / O. Yu. Smyslova, N. V. Ivanova // Bulletin of NGIEI. - 2021. - No. 8 (123). - P. 96-111. – DOI 10.24412/2227-9407-2021-8-96-111. – EDN UBLGCB.

15. Formation of an innovative model for the development of the agro-industrial complex: theoretical foundations and implementation tools: monograph / O.N. Burunchikov, S.G. Safonova, M.A. Kholodova, M.S. Sheykhova; Donskoy SAU; Federal Rostov Agrarian Center (FRAC). Persianovsky: Donskoy SAU, 2020. - 188 p. - EDN YTCMBI.

16. Shchepakina, K.M. Investment and innovation potential as the basis for regional innovative entrepreneurship / K.M. Shchepakina // Bulletin of Tula State University. Economic and legal sciences / K.M. Shchepakina, E. S. Shcherbakova. - 2011. - No. 2-1. - P. 31-41. - EDN TMMDPD.

17. Shchetkin, B.N. Triad system modeling in the process of developing new technologies in the agro-industrial complex / B.N. Shchetkin // Vector of scientific thought. - 2023. - No. 4 (4). - P. 232-237. - EDN KJRRJT. - DOI 10.58351/2949-2041.2023.4.4.020.

Научная статья

УДК 331.5

DOI 10.24888/2949-2793-2025-10-37-45

РАЗВИТИЕ РЫНКА ТРУДА С УЧЕТОМ ГЕНДЕРНЫХ АСПЕКТОВ ТРУДОВОЙ МИГРАЦИИ

П.В. Панькин

Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина
(Россия, г. Елец)

***Аннотация.** В современных условиях развитие экономики любой страны в значительной степени зависит от эффективности рынка труда, что определяется его структурой, высокой степенью адаптации к экономическим тенденциям, развитой законодательной базой, а также статистическими изменениями в трудовой миграции. В статье изучаются теоретические основы в области миграционных процессов, рассматриваются и характеризуются различные виды «гендерной сегрегации», кроме этого, особое внимание уделяется гендерной специфике в миграционных процессах, оказывающих определенное воздействие на рынок труда. Проведенный статистический анализ определил реальное состояние рынка труда в России, учитывающий особенности гендерных аспектов. В процессе работы были выявлены тенденции, оказывающие негативное воздействие на существующую трудовую миграцию среди женщин, а также выделены ключевые барьеры, ограничивающие доступ на отечественный рынок труда женщин трудовых иммигрантов. На основе проведенного исследования были сформулированы конкретные меры, направленные на снижение уровня гендерного дисбаланса и формирование постоянного увеличения занятости на рынке труда в России.*

***Ключевые слова:** миграция, рынок труда, трудовая миграция, женская миграция, сегрегация, феминизация миграции.*

LABOUR MARKET DEVELOPMENT WITH GENDER ASPECTS OF LABOR MIGRATION

P.V. Pankin

Bunin Yelets State University
(Yelets, Russia)

***Abstract.** In modern conditions, the development of any country's economy largely depends on the efficiency of the labor market, which is determined by its structure, high degree of adaptation to economic trends, a developed legislative framework, as well as statistical changes in labour migration. The article examines theoretical foundations in the field of migration processes, considers and characterizes different types of «gender segregation», besides this, special attention is paid to gender specificity in migration processes having a certain impact on the labor market. The statistical analysis determined the real state of the labor market in Russia, taking into account gender aspects. The work has identified trends that negatively impact on existing labour migration among women, as well as highlighted key barriers that restrict access to domestic labour market of female labour immigrants. Based on the study, concrete measures aimed at reducing the level of*

gender imbalance and formation of a permanent increase in employment in the labor market in Russia were formulated.

Keywords: *migration, labour market, labour migration, female migration, segregation, feminization of migration.*

Эффективное развитие экономики в современных условиях всеобщей глобализации невозможно представить без разнонаправленных и дифференцированных по интенсивности миграционных процессов. Важным фактором, влияющим на состояние и развитие российского рынка труда, выступает трудовая миграция. Рассматривая иммиграционные потоки трудовой миграции, можно отметить, что для страны-реципиента они выступают новым источником рабочей силы, а с высококвалифицированными специалистами в страну поступают новые технологии, что в итоге обеспечивает рост производительности труда и развитие экономики любой страны. Обратный процесс, именуемый эмиграцией, несет с собой не только отток рабочей силы, но и рост дисбаланса между спросом и предложением. Среди главных негативных факторов рынка труда, и для России в том числе, отдельно выделяется отток квалифицированных специалистов («утечка мозгов»). Кроме этого, существуют определенные гендерные особенности, которые в совокупности с развивающейся асимметрией на рынке труда и в миграционных процессах, отрицательным образом воздействуют на эффективное развитие отечественного рынка труда.

Выделяют значительное количество факторов, оказывающих определенное воздействие на трудовую миграцию по своей интенсивности и направленности подвергается воздействию определенных факторов, среди которых первостепенное значение имеет уровень социально-экономических условий. С одной стороны, данный фактор выступает притягивающим фактором для мигрантов в случае более высокого уровня, чем в стране выбытия. С другой стороны - выталкивающим фактором, способствующим эмиграции из страны-донора из-за низкого уровня социально-экономических условий.

Процесс международной миграции в современных условиях имеет определенные тенденции, отличительной особенностью которого является «феминизация миграции» [10, 13]. Каждый год наблюдается устойчивый рост женщин-мигрантов, входящих в трудовую миграцию на добровольной основе или по вынужденным причинам [9]. Исследования в области женской трудовой миграции выявили следующие основные ее формы:

- легальная – малочисленная форма, но наиболее безопасная, так как женщины находятся в принимающей стране на законных основаниях путем заключения трудового контракта;

- нелегальная – самая многочисленная форма, но самая опасная, в связи с тем, что женщины-мигранты незаконно попадают на территорию принимающего государства и могут работать только на нелегальных условиях, в связи с чем чаще подвергаются притеснениям и различным дискриминациям;

- полуполегалная – характеризуется тем, что до момента перемещения в принимающую страну женщинам-мигрантам обещают легальное трудоустройство, однако после переезда у них могут отобрать документы, поэтому они могут стать жертвами торговли любви [7].

По итогам 2020 года около 135 млн. женщин участвовали в международной миграции, что по данным Международной организации по миграции (МОМ) больше, чем в прошлом году на 5 млн. человек. «В глобальном масштабе уровень занятости женщин составил 47,4 процента в 2022 году по сравнению с 72,3 процента для мужчин. Этот разрыв в 24,9 процентных пункта означает, что на каждого безработного приходится две экономически неактивные женщины» [4].

Среди основных причин женской миграции и расширения явления феминизации миграции выделяют растущую безработицу, повышение уровня бедности, появление разладов в семье, отсутствие или потерю жилья, недостаток финансовых средств на воспитание детей и лечение близких, а также появление или растущие долги.

Изучение гендерного аспекта в составе иммигрантов Российской Федерации показывает положительную динамику роста доли женщин на 6,8% в общем потоке иммигрантов за 2014-2023 годы (рисунок 1).

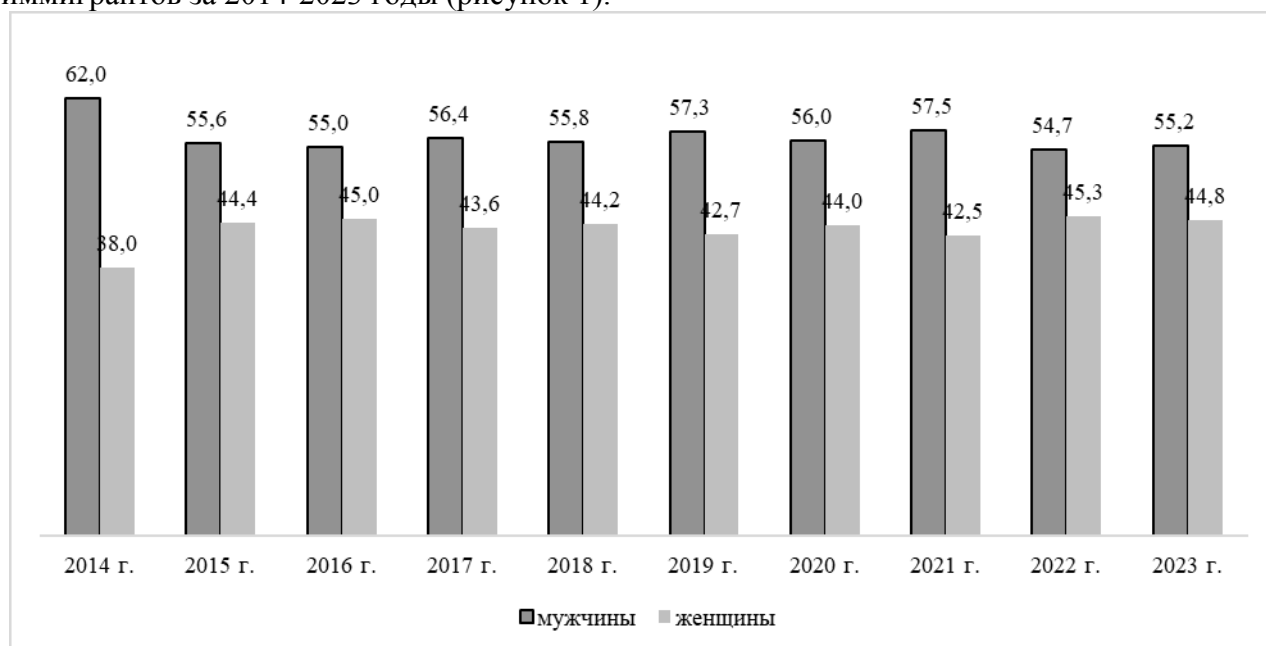

Рис. 1. Гендерное разделение иммигрантов в России за 2014-2023 годы, % [14]

Согласно рисунку 1, заметно увеличение доли женщин среди иммигрантов, обусловленное изменениями социальной и экономической позиции женщин в современном обществе. Женщины демонстрируют большую активность и готовность к переезду, а также претерпевают изменения своей роли внутри семьи и общества. За период с 2014 по 2023 годы уменьшилась доля мужчин, въезжающих в Россию, снизившись с 62% до 55,2%.

При этом основными поставщиками рабочей силы остаются такие страны, как Узбекистан, Таджикистан и Украина, чья общая численность мигрантов превышает 96% от общего числа иностранцев, работающих в России в 2023 году [14]. Большинство женщин-иммигрантов находят работу в сфере досуга и развлечений, домашнего обслуживания (например, уход за детьми, пожилыми людьми, инвалидами, работа нянями и помощницами по хозяйству), а также общественных услуг (уборка помещений в гостиницах, ресторанах, жилых домах и пансионатах).

В процессе женской трудовой миграции могут проявляться следующие риски: оказаться жертвами торговли людьми, испытывать унижения, потерять семью и детей, остаться без карьеры, сложность реинтеграции в общество, а также сложности с получением пенсии.

За анализируемый период 2014-2023 годы показатель уровня занятости женщин в России сократился до 54,4 на 5,9% (рисунок 2).

Следует отметить, что к 2020 году данный показатель сократился до 52,1% и немного увеличился к 2023 году до 54,4%. Значительное падение уровня занятости было в период с 2017-2018 годы, когда показатель сократился до 53,2% с 60,1%. Такая тенденция объясняется специалистами, как последствия экономического кризиса и существующими изменениями в миграционном учете. Кроме этого, экономисты объясняют снижение процента работающих женщин наблюдающимся спадом экономической активности и увольнениями женского персонала. По статистике женщины преимущественно первыми попадают под сокращения, так как выступают «дискриминируемой категорией». В 2018 году было введено требование к постановке на миграционный учет, что привело к необходимости регистрироваться по адресу фактического проживания, а не по адресу юридической компании [1].

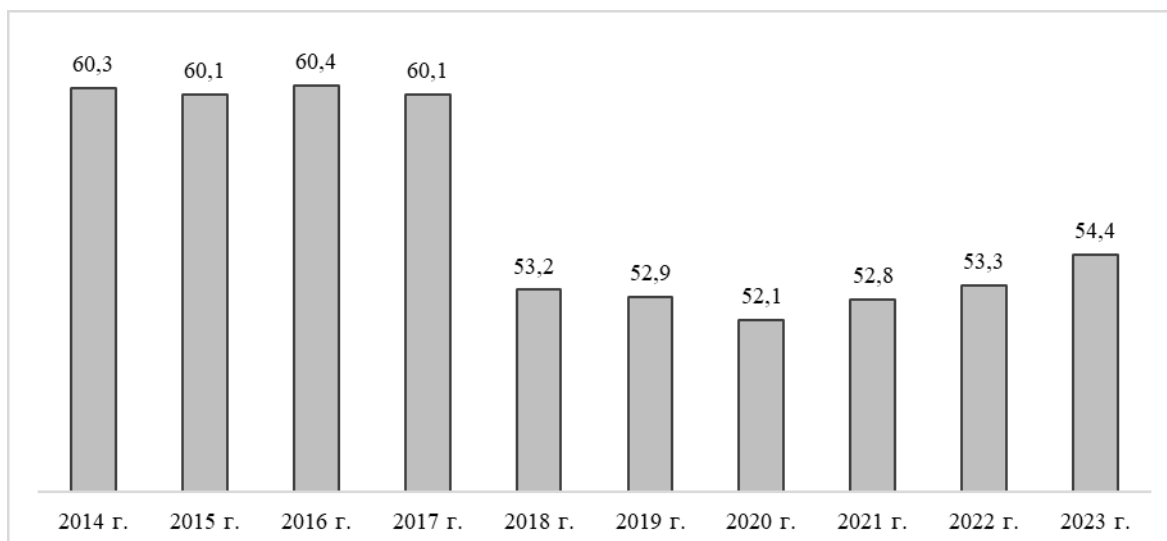

Рис. 2. Динамика занятости женщин в экономике России в период с 2013 по 2023 год, % [15]

Изучение занятости по гендерному признаку и по группам занятий за 2023 год позволило сделать вывод о том, что преобладающая доля женщин занята в сферах обслуживания и торговли, а также являются специалистами среднего и высшего уровня квалификации (рисунок 3).

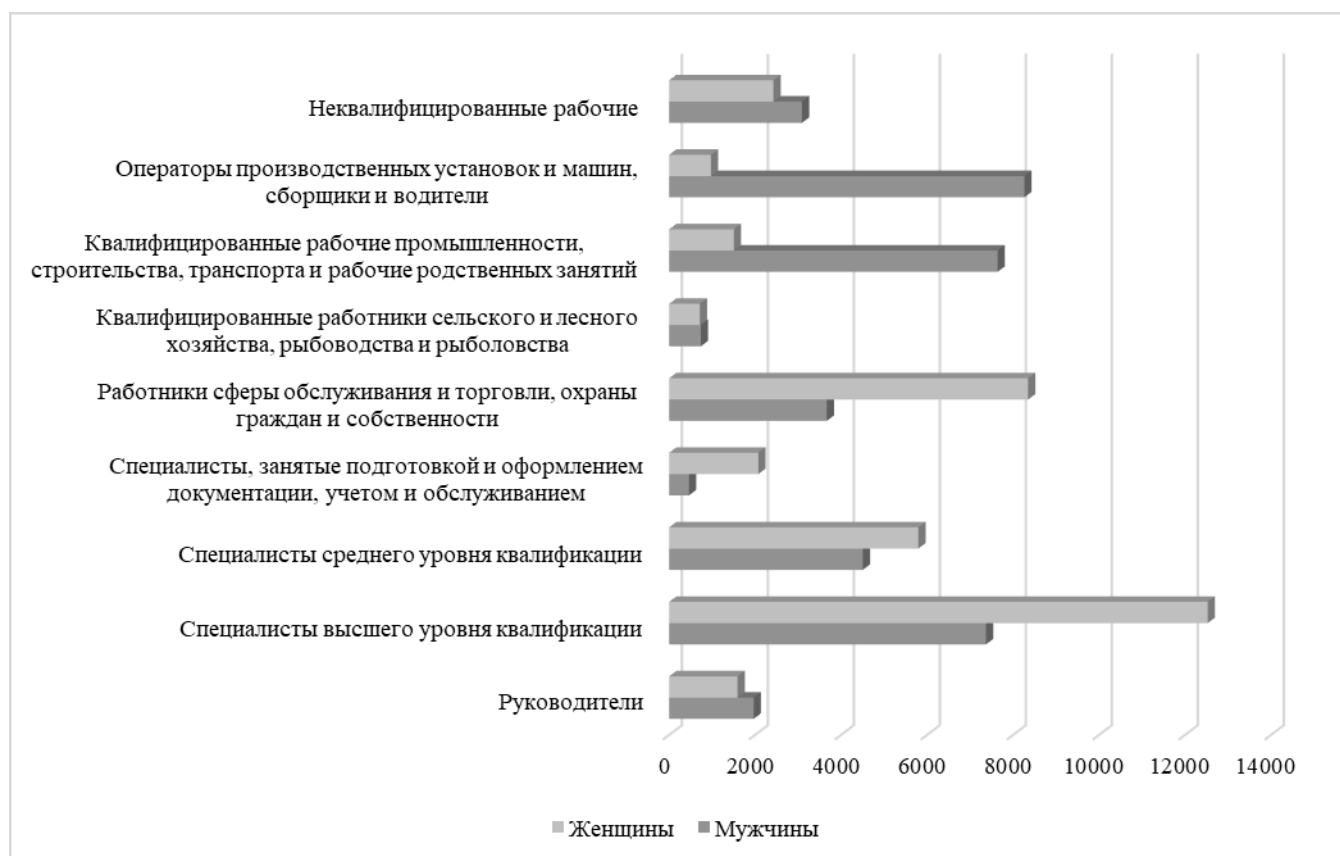

Рис. 3. Численность занятых в России по гендерному признаку по группам занятий в экономике за 2023 год, тыс. человек [14]

По данным рисунка 3 большую часть трудоустроенных женщин составляют специалисты высшего уровня квалификации (34,85%). С 2014 по 2023 годы их доля увеличилась почти на 10%. Более 23% составляет доля работников сферы обслуживания и

торговли, охраны граждан и собственности. Кроме этого, отмечается увеличение потребности в домработницах и нянях (в сфере обслуживания) в пандемийный период, что связано с принятыми ограничениями, однако данная тенденция прослеживается и в последующие годы [15].

Также наблюдается сокращение на 3,1% доли неквалифицированных рабочих женского пола, величина которой в 2023 году составила 6,75%. Такая тенденция говорит о имеющемся качественном росте рабочей силы на рынке труда, что в определенной степени формирует рост требований доступа на отечественный рынок труда для трудовых иммигрантам-женщинам.

Кроме этого, на миграционные потоки оказывает воздействие уровень безработицы в исследуемом секторе [12]. Безработица выступает сдерживающим фактором, когда с ростом уровня безработицы наблюдается сокращение трудового миграционного потока. Уровень женской безработицы имеет тенденцию роста (рисунок 4).

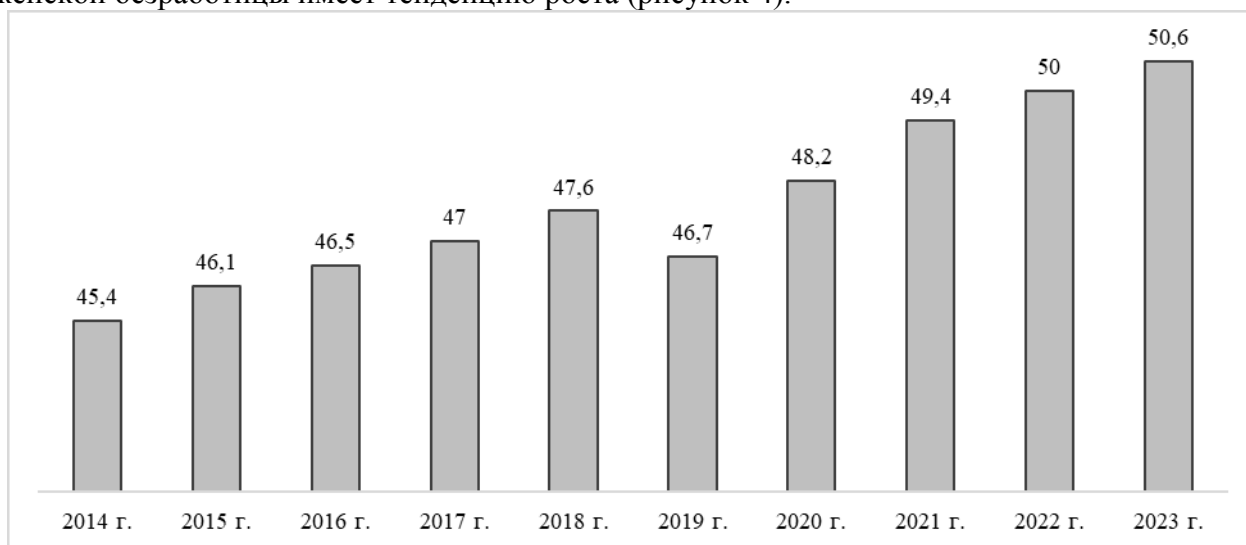

Рис. 4. Уровень женской безработицы в России за 2014-2023 годы, % [14]

Уровень женской безработицы за 2014-2023 годы увеличилась на 4,6% до 50,6% [15]. Существенное воздействие на такую динамику оказали пандемийные ограничения и последствия экономического кризиса.

Следует отметить, что данная тенденция будет ухудшаться и в совокупности с развитием автоматизации и искусственного интеллекта в дальнейшей перспективе к 2030 году в мире планируется сокращение 20% женщин (около 107 млн. человек), в соответствии с проведенным исследованием McKinsey Global Institute «Будущее женской занятости».

Таким образом, в нашей стране усиливается необходимость разработки и осуществления целостной государственной стратегии, нацеленной на регулирование вопросов пола и связанных с ними аспектов, направленных на сокращение существующих различий и смягчение последствий феминизации. Без такого подхода на рынке труда усилится тенденция к разделению профессий по половому признаку («гендерная сегрегация»). Такое явление снижает эффективность развития рынка труда и приводит к созданию определенных профессий и отраслей в экономики с характерными женскими и мужскими чертами [2,6]. Таким образом, возникает ситуация неравномерного распределения возможностей для самовыражения, достижений в профессиональной сфере и уровня заработной платы между мужчинами и женщинами. Гендерное неравенство становится дополнительным источником увеличения социального напряжения и возникновения различных конфликтных ситуаций [5].

С точки зрения теории гендерная сегрегация делится на два типа: горизонтальная и вертикальная.

Горизонтальная сегрегация проявляется, когда мужчин и женщин распределяют по разным профессиональным группам. Это может выражаться в нескольких формах (рисунок 5).

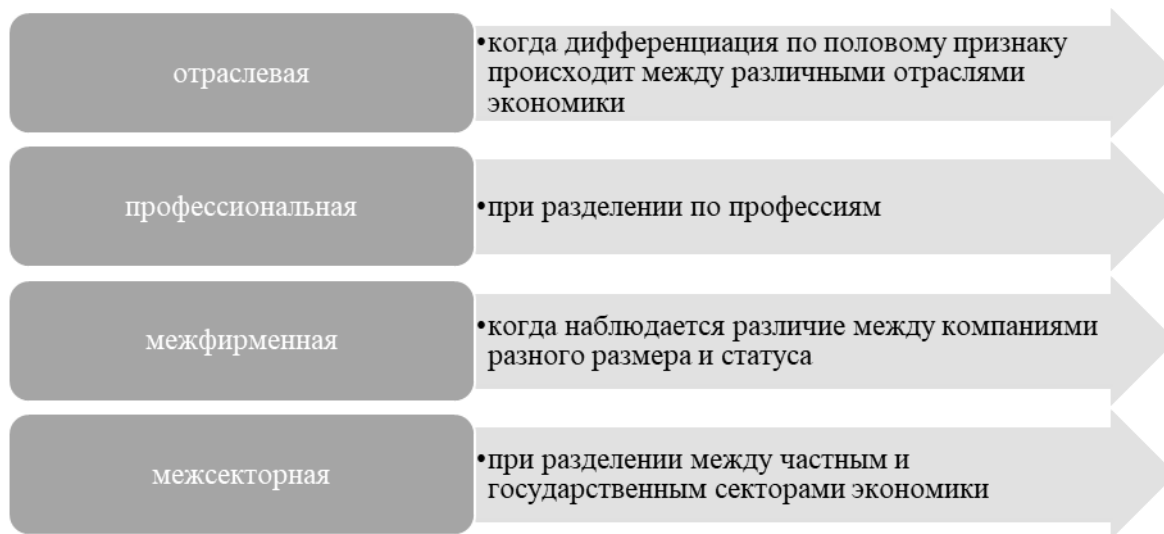

Рис. 5. Формы горизонтальной сегрегации

Вертикальная сегрегация имеет место, когда распределение мужчин и женщин происходит неравномерно по уровням иерархии. В таких условиях возникают искусственные барьеры, которые ограничивают возможности карьерного роста для женщин и их шансы на занятие высоких руководящих должностей. Именно поэтому среди топ-менеджеров и руководителей высшего звена часто наблюдается значительное гендерное неравенство.

Проведенное исследование позволило сформулировать следующие основные проблемы, характерные для иммигрантов-женщин в нашей стране (рисунок 6).

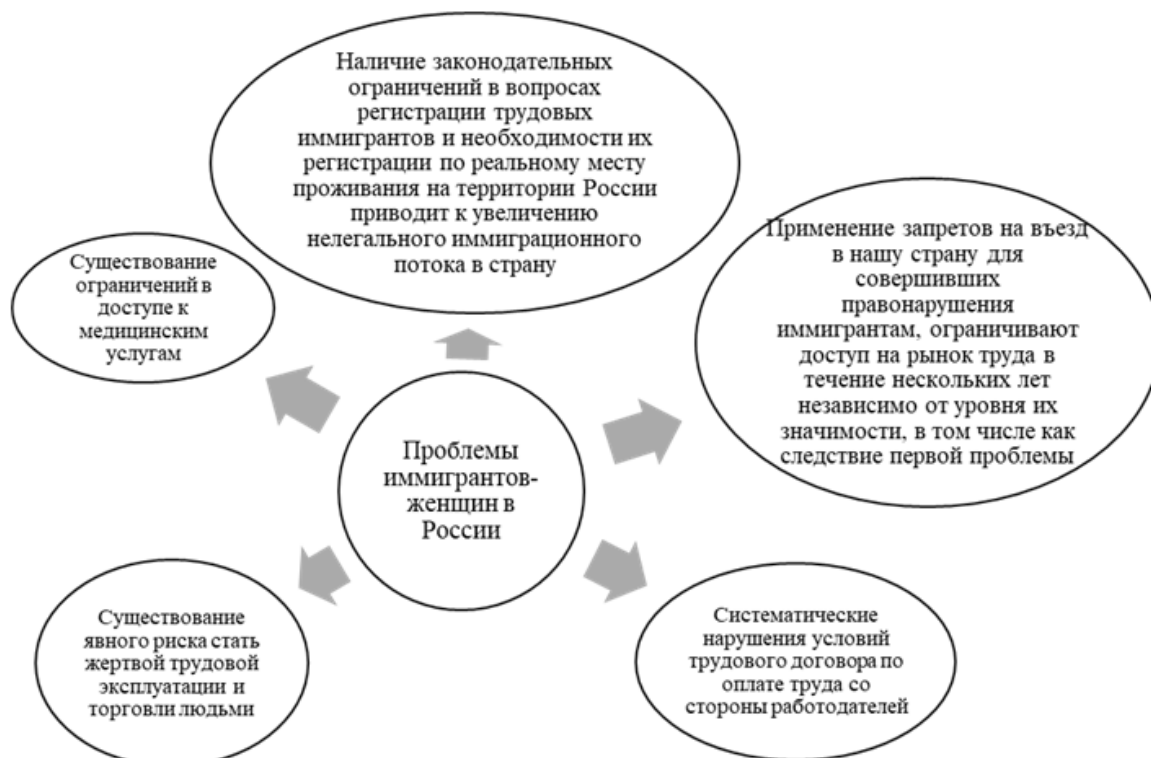

Рис. 6. Ключевые проблемы иммигрантов-женщин в нашей стране [2]

Эти проблемы являются существенным препятствием, которое ограничивает возможности выхода на российский рынок труда как для женщин-мигрантов, так и для иностранных работников в целом.

Для оптимизации миграционной политики в сфере труда и минимизации её негативного влияния на национальный рынок занятости можно предложить следующие меры (рисунок 7).

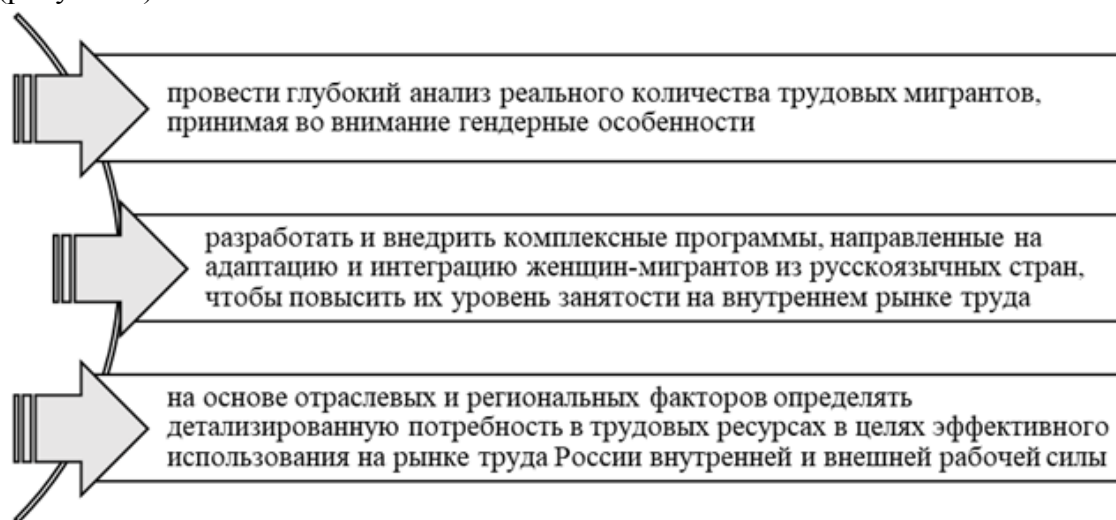

Рис. 7. Меры оптимизации миграционной политики в России

Следовательно, важная роль в формировании рынка труда принадлежит гендерным аспектам в условиях миграционных процессов, как в мире, так и внутри страны.

Современная мировая тенденция глобализации приводит к тому, что в миграционные процессы всё чаще включаются женщины по определенным причинам, причем и в трудовую миграцию, где активно проявляется феминизация. В связи с чем возникает необходимость постоянного совершенствования и модернизации в области миграционной политики. Таким образом, для эффективного увеличения уровня занятости на российском рынке труда рекомендуется предпринять следующие меры:

- своевременно обновлять законодательство в соответствии с новыми политическими реалиями и состоянием рынка труда, обеспечивая равный доступ к нему мужчин и женщин;
- разрабатывать государственные программы по сокращению гендерной сегрегации и уменьшению напряжения на отечественном рынке труда.

Реализация указанных мер с учетом комплексного подхода и особенностей полов позволит эффективно задействовать миграционный потенциал для стимулирования роста российского рынка труда и экономики государства в целом.

Список источников

1. Федеральный закон «О внесении изменений в Федеральный закон «О миграционном учете иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации» от 27.06.2018 № 163-ФЗ [электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_301047/ (дата обращения: 10.11.2024).

2. Аракелян И.А. Гендерные аспекты трудовой миграции / И.А. Аракелян, Р.М. Погосян // Znanstvena Misel. – 2022. – № 65(65). – С. 49-53.

3. Гневашева В.А. Миграционные процессы рынка труда // Экономика и управление народным хозяйством. Серия: Экономика и Право. 2017. № 5. С. 10-14.

4. Доклад о миграции в мире 2022 / Международная организация по миграции (МОМ) [электронный ресурс]. - URL: www.iom.int/wmr (дата обращения: 10.11.2024).

5. Даджонова М.Ш. Проблема гендерного неравенства на рынке труда в рамках современной экономической теории / М.Ш. Даджонова // Вестник Таджикского государственного университета права, бизнеса и политики. Сер.: Общественные науки. – 2019. – № 1 (78). – С. 18-26.
6. Колесникова О.А. Снижение гендерной асимметрии рынка труда как важная социально-экономическая проблема современной России / О.А. Колесникова, О.А. Зенкова // ФЭС: Финансы. Экономика. Стратегия. – 2022. – Т. 19. № 7. – С. 5-9.
7. Пескова Д.Р. Причины, риски и последствия распространения женской трудовой миграции: исследование на региональном уровне / Д. Р. Пескова, Б. Абреу // Фундаментальные исследования. – 2014. – № 11-3. – С. 596-600.
8. Пришляк Е.А. Международная трудовая миграция женщин: проблемы и тенденции / Е.А. Пришляк, Л.В. Нефедова // Самоуправление. – 2022. – № 5(133). – С. 661-665.
9. Рычихина Н.С. Современные тенденции женской международной трудовой миграции // Женщина в российском обществе. 2020. № 1. С. 45-54.
10. Рязанцев С.В. Гендерные аспекты трудовой миграции в России: тренды, последствия, регулирования // Женщины в российском обществе, 2019. №4. С. 53-65.
11. Сигарева Е.П. Феминизация миграции и ее последствия // Гендерные отношения в современном мире: управление, экономика, социальная политика: Материалы Международной научной конференции. 2019. - Издательство: Ивановский государственный университет (Иваново). С. 281-287.
12. Топилин А.В. Миграционные процессы и безработица на региональных рынках труда России / А.В. Топилин, О.Д. Воробьева // Научные труды: Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН. – 2017. – Т. 15. – С. 424-441.
13. Флоринская Ю.Ф. Женская трудовая миграция в Россию: численность, страны-доноры, ниши на рынке труда / Ю.Ф. Флоринская // Проблемы прогнозирования. – 2022. – № 1(190). – С. 78-90.
14. Федеральная служба государственной статистики [электронный ресурс]. URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13283> (дата обращения 11.11.2024).
15. Федеральная служба по труду и занятости РФ [электронный ресурс]. URL: https://rostrud.gov.ru/rostrud/deyatelnost/?CAT_ID=14283 (дата обращения 11.11.2024).

References

1. Federal Law «On the amendment of the Federal Law «On the migration registration of foreign citizens and stateless persons in the Russian Federation» from 27.06.2018 163-FZ [electronic resource] // SFS KonsultantPlug. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_301047/ (Date of request: 10.11.2024).
2. Arakelyan I.A. Gender aspects of labor migration/ I. A. Arakelyan, R. M. Pogosian // Znanstvena Misel. - 2022. - 65(65). - Pp. 49-53.
3. Navosheva V.A. Migration processes of the labor market // Economy and management of the people's economy. Series: Economy and Law. 2017. 5. pp. 10-14.
4. Global Migration Report 2022 / International Organization for Migration (IOM) [e-resource]. - URL: www.iom.int/wmr (date of request: 10.11.2024).
5. Dadojonova M.S. The problem of gender inequality in the labor market within the framework of modern economic theory/ M.S. Dadojonova // Bulletin of the Tajik State University of Law, Business and Politics. Sir: Social sciences. - 2019. - 1 (78). - Pp. 18-26.
6. Kolesnikova O. Reduction of gender asymmetry of the labor market as an important socio-economic problem of modern Russia/ O.A. Kolesnikova, O.A. Zenkova // F.E.: Finance. Economy. Strategy. - 2022. - 19, 7. - Pp. 5-9.
7. Peskova D.R. Causes, risks and consequences of the spread of female labor migration: a study at regional level/ D. R. Пескова, B. Abreu // Fundamental research. - 2014. - 11-3. - Pp. 596-600.

8. Zavlyov E.A. International Labour Migration of Women: Problems and Trends/ E.A. Zavlyov, L.V. Nefedov // Self-Government. - 2022. - 5(133). - Pp. 661-665.
9. Rychikhina N.S. Current trends of women international labour migration // Woman in the Russian society. 2020. 1. pp. 45-54.
10. Ryazantsev S.V. Gender aspects of labor migration in Russia: trends, consequences, regulation // Women in Russian society, 2019. 4. Pp. 53-65.
11. Cigareva E.P. Feminization of migration and its consequences // Gender relations in the modern world: governance, economy, social policy. International scientific conference. 2019. - Publishing house: Ivanovsky State University (Ivanovo). Pp. 281-287.
12. Topylin A.V. Migration processes and unemployment in regional labor markets of Russia/ A.V. Topylin, O.D. Vorobyev // Scientific papers: National Economic Forecasting Institute of RAN. - 2017. - 15. - Pp. 424-441.
13. Florinskaya Y.F. Female labour migration to Russia: number, donor countries, niches in the labor market/ Y.F. Florinskaya // Problems of forecasting. - 2022. - 1(190). - Pp. 78-90.
14. Federal State Statistics Service [electronic resource]. URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13283> (date of application 11.11.2024).
15. Federal Service for Labor and Employment of the Russian Federation [electronic resource]. URL: https://rostrud.gov.ru/rostrud/deyatelnost/?CAT_ID=14283 (date of application 11.11.2024).

УСТОЙЧИВОЕ РАЗВИТИЕ НЕУРБАНИЗИРОВАННЫХ ТЕРРИТОРИЙ: СОВРЕМЕННЫЕ ПОДХОДЫ НА ОСНОВЕ ФОРМИРОВАНИЯ ОПОРНЫХ НАСЕЛЕННЫХ ПУНКТОВ

М.А. Юшков

Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина
(Елец, Россия)

***Аннотация.** В данной статье рассмотрены современные подходы к управлению развитием неурбанизированных территорий. Выполнен анализ основных теоретических подходов к определению понятия и признаков неурбанизированных территорий. На основе анализа литературных источников и нормативных актов выявлены актуальные тенденции в области классификации территорий и муниципальных образований. Определены основные направления и промежуточные результаты реформы местного самоуправления, предусматривающей переход на одноуровневую систему. Представлена структура местного самоуправления в различных регионах России. Определены ключевые направления реализации действующей Стратегии пространственного развития в области обеспечения развития неурбанизированных территорий. Отмечена особая роль единого перечня опорных населенных пунктов (ОНП) как одного из ключевых механизмов реализации Стратегии. Проведен сравнительный анализ подходов к формированию ОНП в различных документах стратегического планирования. Выполнена оценка структуры единого перечня ОНП. Отмечена роль ОНП, являющихся основными центрами предоставления социальных услуг, в обеспечении развития неурбанизированных территорий. Определены основные аспекты инфраструктурного обеспечения развития ОНП данного типа в условиях реформы местного самоуправления. Сделаны выводы об актуальных проблемах и перспективах развития неурбанизированных территорий в рамках функционирования единого перечня ОНП.*

***Ключевые слова:** пространственное развитие, пространственная политика, устойчивое развитие, неурбанизированные территории, реформа местного самоуправления, инфраструктура, опорные населенные пункты.*

SUSTAINABLE DEVELOPMENT OF NON-URBANIZED TERRITORIES: MODERN APPROACHES BASED ON THE FORMATION OF KEY SETTLEMENTS

M.A. Yushkov

Bunin Yelets State University
(Yelets, Russia)

***Abstract.** This article discusses modern approaches to managing the development of non-urbanized territories. The analysis of the main theoretical approaches to the definition of the concept and features of non-urbanized territories is carried out. Based on the analysis of literary sources and regulations, current trends in the classification of territories and municipalities have been identified. The main directions and intermediate results of the reform of local self-government, which provides for the transition to a single-level system, have been identified. The structure of local self-government in various regions of Russia is presented. The key directions of the*

implementation of the current Spatial Development Strategy in the field of ensuring the development of non-urbanized territories have been identified. The special role of the unified register of key settlements is noted as one of the key mechanisms for implementing the Strategy. A comparative analysis of approaches to the formation of key settlements in various strategic planning documents has been carried out. An assessment of the structure of the unified register of key settlements has been carried out. The role of key settlements, which are the main centers for the provision of social services, in ensuring the development of non-urbanized territories is noted. The main aspects of infrastructural support for the development of key settlements of this type in the context of local self-government reform are identified. Conclusions are drawn about the current problems and prospects for the development of non-urbanized territories within the framework of the unified register of key settlements.

Keywords: *spatial development, spatial policy, sustainable development, non-urbanized territories, local government reform, infrastructure, key settlements.*

Вопросы обеспечения устойчивого пространственного развития России продолжают оставаться наиболее актуальными на современном этапе. Для достижения национальных целей развития Российской Федерации, обеспечения устойчивого экономического роста и национальной безопасности необходимо сбалансированное развитие всех регионов, сокращение межрегиональной и внутрирегиональной дифференциации с учетом специфики различных типов территорий. Особое место в пространственной политике занимает управление развитием неурбанизированных территорий, поскольку они составляют наибольшую часть России. Так, согласно исследованию А.Д. Жуковского и С.Л. Орлова, они занимают «около 98,4% от всей территории страны» [6, с. 34].

Вопросы развития неурбанизированных территорий находят отражение в многочисленных работах отечественных ученых. На текущий момент ввиду отсутствия понятия «неурбанизированные территории» в российском законодательстве сформировалось множество подходов к определению сущности данного термина. Подходы авторов различаются в зависимости от применяемых критериев, и, как отмечают вышеуказанные авторы А.Д. Жуковский и С.Л. Орлов, «определение неурбанизированных территорий не является универсальным и может различаться в зависимости от контекста и целей исследования» [6, с. 37]. Так, А.Н. Семин отмечает, что понятие неурбанизированных территорий «имеет сильную корреляцию с понятиями «сельская территория», «сельская местность» [10, с. 21]. Ряд авторов в качестве ключевого критерия рассматривают расположение этих территорий «вне средних, больших и крупных городов...» [7, с. 3527], что позволяет относить к ним малые города, а также территории без постоянного населения. М.А. Николаев и М.Ю. Махотаева выделяют такие признаки неурбанизированных территорий, как «низкая плотность населения и производств различного типа, преобладание сельскохозяйственных видов занятости, профессиональная и социальная однородность населения» [9, с. 57], что также позволяет соотносить данное понятие с понятием сельских территорий, однако не отождествлять их. По мнению Р.Н. Шевелевой неурбанизированные территории представляют собой «обширные пространства, занятые территориально рассредоточенными муниципальными образованиями с численностью населения менее 100 000 человек и соответствующие межселенные территории» [12, с. 697]. Представленное определение содержит в себе количественный признак (численность населения), устанавливающий конкретную границу отнесения территорий к данному типу. Как можно заметить, в качестве основных критериев, на основании которых формируется сущность понятия «неурбанизированные территории», выступают демографические, географические, социально-экономические признаки этих территорий.

Несмотря на отсутствие общепринятого понимания сущности данного термина, можно обнаружить общие закономерности, присущие территориям данного типа. Определяющими факторами могут служить плотность и численность населения, размеры

территории и степень расселения, преобладание определенных видов экономической деятельности. При этом разделение территорий на урбанизированные и неурбанизированные не равносильно традиционному противопоставлению городских и сельских. Тенденция к установлению схожей классификации территорий отмечается в рамках государственного управления. В частности, это наблюдается в недавно принятом Федеральном законе от 20.03.2025 № 33-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти» [2].

Новый закон окончательно устанавливает городские и муниципальные округа в качестве основных единиц местного самоуправления. В определении муниципального округа прямо подразумевается нахождение в его составе сельских населенных пунктов, при этом не исключается наличие городских. При этом отмечается, что «площадь территорий сельских населенных пунктов и территорий, предназначенных для развития социальной, транспортной и иной инфраструктуры муниципального округа, <...>, должна в два и более раза превышать площадь городских населенных пунктов» [2]. Кроме того, новым законом в отношении городских округов сохраняются ограничения по плотности населения, доле городского населения и соотношению территорий, на основании которых в 2019-2025 гг. они преобразовывались в муниципальные округа [1,2]. Таким образом, можно заметить, что подходы к определению сущности понятий «городской округ» и «муниципальный округ» округа основываются на применении показателей урбанизации и во многом совпадают с подходами ученых к определению сущности урбанизированных и неурбанизированных территорий.

Рассматривая реформу местного самоуправления, следует отметить, что в ходе реформы в 2019-2025 гг. в муниципальные округа помимо городских округов, не отвечавших вышеперечисленным требованиям, также преобразовывались муниципальные районы. Это влекло за собой переход с двухуровневой на одноуровневую систему муниципальных образований, упразднение городских и сельских поселений. При этом данный переход проходил в субъектах РФ неравномерно. В таблице 1 представлены данные по федеральным округам по состоянию на 1 апреля 2025 года.

Таблица 1

Системы местного самоуправления в субъектах РФ на 1 апреля 2025 г.
(составлено автором на основе [14])

Федеральный округ	Количество субъектов	Одноуровневая система (муниципальные округа, а также образования городов федерального значения)		Существуют обе системы		Двухуровневая система (муниципальные районы; городские и сельские поселения)	
		Число	Доля	Число	Доля	Число	Доля
Российская Федерация	89	21	23,6%	39	43,8%	29	32,6%
Центральный	18	4	22,2%	10	55,6%	4	22,2%
Северо-Западный	11	3	27,3%	7	63,6%	1	9,1%
Южный	8	1	12,5%	3	37,5%	4	50%
Северо-Кавказский	7	1	14,3%	-	-	6	85,7%
Приволжский	14	4	28,6%	4	28,6%	6	42,8%
Уральский	6	2	33,3%	3	50%	1	16,7%
Сибирский	10	-	-	6	60%	4	40%
Дальневосточный	11	2	18,2%	6	54,5%	3	27,3%
Новые субъекты	4	4	100%	-	-	-	-

Как можно заметить, на текущий момент муниципальные округа представлены в большинстве субъектов РФ. При этом в 43,8% регионов они существуют наряду с муниципальными районами, в то время как процент субъектов, полностью осуществивших

переход, невысок. Кроме того, примерно в трети регионов полностью сохранена двухуровневая система.

Наиболее консервативным выступил Северо-Кавказский федеральный округ, где переход осуществился только в Ставропольском крае, а во всех шести республиках сохранилась система с муниципальными районами, городскими и сельскими поселениями. Также высокий процент субъектов, в которых не осуществлялась реформа, отмечен в Приволжском и Сибирском федеральных округах. В то же время, наиболее активный переход отмечен в Северо-Западном, Уральском и Центральном округах. Полностью двухуровневая система в перечисленных макрорегионах сохранена только в четырех областях ЦФО, Ненецком и Ханты-Мансийском автономных округах.

Неравномерный переход на одноуровневую систему местного самоуправления наблюдается не только между субъектами, но и внутри одного субъекта. Различная ситуация наблюдается в 39 регионах, сохраняющих обе системы. Так, Тверская область на текущий момент сохраняет 1 муниципальный район при 35 муниципальных округах, в то время как во Владимирской, Волгоградской областях первые муниципальные округа образовались в 2025 году, а основу продолжают составлять муниципальные районы [14].

Приведенные выше примеры свидетельствуют о неоднородности развития системы местного самоуправления в РФ. Очевидна необходимость в продолжении реформы уже в рамках принятого 33-ФЗ и в первую очередь осуществление полного перехода на одноуровневую систему в субъектах, перешедших лишь частично. При этом следует отметить, что новый Федеральный закон предусматривает возможность сохранения двухуровневой системы в субъектах, «имеющих социально-экономические, исторические, национальные и иные особенности» [2]. Таким образом, новый закон направлен на централизацию системы местного самоуправления, однако в то же время содержит элементы децентрализации, позволяя ряду регионов сохранить традиционную систему. При этом данное решение в каждом отдельном субъекте следует принимать с учетом особенностей развития различных типов территорий рамках обеспечения пространственной политики, в частности реализации Стратегии пространственного развития.

Тенденция к применению централизованного подхода также наблюдается в действующей Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2030 года с прогнозом до 2036 года (далее – Стратегия) [4]. Одним из пространственных приоритетов выступает система опорных населенных пунктов (ОНП). При этом по сравнению с предыдущим документом наблюдаются существенные изменения. В первую очередь, в рамках реализации Стратегии создан единый перечень опорных населенных пунктов, на основании которого реализуется приоритетная поддержка их развития [4]. Кроме того, изменились подходы к определению понятия ОНП.

В Стратегии, действовавшей в 2019-2024 гг., определение ОНП предполагало его нахождение вне границ городских агломераций [3], что позволяло противопоставлять агломерации и опорные населенные пункты как урбанизированные и неурбанизированные территории [11]. Кроме того, ОНП рассматривались «как драйверы развития качества жизни неурбанизированных территорий» [8, с. 7319].

В действующем документе опорный населенный пункт представляет собой «населенный пункт, приоритетное развитие которого способствует достижению национальных целей и обеспечению национальной безопасности, в том числе за счет обеспечения доступности образования, медицинской помощи, услуг в сфере культуры и реализации иных потребностей для жителей прилегающей территории» [4]. Сущность исследуемого понятия была существенно расширена, при этом возможность нахождения ОНП в составе городской агломерации не исключается, а напротив прямо предусмотрена Стратегией [4]. Таким образом, вместо первоначального противопоставления центров агломераций и опорных населенных пунктов на текущий момент за счет расширения понятия они функционируют в рамках единой централизованной системы. Эти изменения

более не позволяют относить опорные населенные пункты исключительно к неурбанизированным территориям, однако определяют единый перечень ОНП в качестве ключевого механизма обеспечения пространственного развития территорий данного типа.

Единый перечень ОНП в настоящее время включает в себя 2160 пунктов, при этом существует 17 оснований отнесения пункта к опорным [13]. Населенные пункты могут быть классифицированы по ряду признаков. Вариант классификации представлен на рис. 1.

Рис. 1. Классификация опорных населенных пунктов (составлено автором на основе [4, 13])

Следует отметить, что перечень ограничивает опорные населенные пункты, расположенные в агломерациях, от остальных. Так, для их включения в перечень выделено 8 из 17 оснований, отличающихся в зависимости от его функционального назначения, а также показателей абсолютной и относительной численности населения. К примеру, различными являются основания «входит в состав городской агломерации и обеспечивает национальную безопасность» и «иной населенный пункт, обеспечивающий национальную безопасность» [13]. Наиболее подробно соотношение опорных населенных пунктов представлено на рис. 2. В одну группу были объединены населенные пункты, расположенные в городских агломерациях, а также центры субъектов РФ и наукограды.

Рис. 2. Структура опорных населенных пунктов ([составлено автором на основе [13])

Как можно заметить по данным рис. 2., подавляющее большинство опорных населенных пунктов являются центрами предоставления социальных услуг. К ним относятся 1548 из 2160 населенных пунктов, что составляет более 70% единого перечня. В объединенную группу, основную часть которой составляют пункты в составе городских агломераций, суммарно входят около 10%. Также относительно высокое число – 8,5%, составляют населенные пункты, в которых реализуются новые инвестиционные проекты. Около 10% приходится на остальные населенные пункты.

Таким образом, несмотря на расширение сущности понятия ОНП, более 70% единого перечня составляют населенные пункты, являющиеся центрами предоставления услуг социального характера для прилегающей территории, что по-прежнему позволяет соотносить их с центрами развития неурбанизированных территорий. Данное соотношение свидетельствует о ведущей роли данных ОНП в достижении национальных целей и реализации Стратегии. Ключевой задачей их развития является «развитие соответствующей инфраструктуры с учетом численности населения прилегающей территории для сокращения оттока населения из малых и средних городов, сельских населенных пунктов» [4]. Большинство опорных населенных пунктов данного типа совпадают с центрами муниципальных округов или районов [13, 14]. При этом состав населенных пунктов, включенных в перечень на данном основании, определяется высшим должностным лицом субъекта РФ [13], что повышает ответственность региональных властей в обеспечении устойчивого развития данных ОНП, в частности в рамках реализации национального проекта «Инфраструктура для жизни». Как отмечает И.В. Герсонская, «...эти обстоятельства требуют выработки совершенно иных траекторий социально-экономического развития...разработки новых методов...долгосрочных стратегий и механизмов обеспечения...» [5, с. 51].

Анализ действующей Стратегии как ключевого документа стратегического планирования показал, что современные подходы к управлению развитием неурбанизированных территорий базируются на развитии системы опорных населенных пунктов. При этом на основе сопоставления данных ОНП с центрами муниципальных образований, а также в условиях продолжения реформы местного самоуправления можно рассматривать муниципальный округ как базовую единицу муниципальных образований неурбанизированных территорий. Данный подход, с одной стороны, позволяет сконцентрировать ресурсы, в том числе бюджетные средства для концентрации основных инфраструктурных объектов в опорных населенных пунктах с целью обеспечения централизованного устойчивого развития территорий неурбанизированных территорий, но в то же время централизация влечет за собой определенные риски за счет сокращения количества муниципальных образований.

Одним из перспективных направлений обеспечения реализации Стратегии может стать конкретизация сущности понятия «неурбанизированные территории» на основе имеющейся теоретической и нормативно-правовой базы, а также внесение данного понятия в важнейшие нормативные документы стратегического планирования развития регионов страны и разработка методических рекомендаций с установлением критериев отнесения территорий к данному типу. Результатом такой деятельности может стать выделение опорных населенных пунктов неурбанизированных территорий в рамках функционирования единого перечня с целью обеспечения приоритетного развития этих территорий в рамках обеспечения реализации государственной пространственной политики.

Таким образом, функционирование единого перечня опорных населенных пунктов, а также продолжение перехода на одноуровневую систему местного самоуправления с учетом нового законодательства свидетельствуют о применении централизованного подхода в управлении пространственным развитием неурбанизированных территорий. В то же время, существенные аспекты обеспечения устойчивого развития находятся в ведении регионов, такие как возможность сохранения двухуровневой системы муниципальных образований, а также определение опорных населенных пунктов, включаемых в единый перечень и

составляющих его наибольшую часть. Данное сочетание централизованного и децентрализованного подходов дает возможности для обеспечения устойчивого пространственного развития России с учетом особенностей различных регионов и территорий.

Список источников

1. Федеральный закон от 06.10.2003 № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации». Режим доступа: СПС Гарант. URL: <https://base.garant.ru/186367/> (дата обращения: 29.04.2025).

2. Федеральный закон от 20.03.2025 № 33-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти». Режим доступа: СПС Гарант. URL: <https://www.garant.ru/hotlaw/federal/1803457/?ysclid=m91rcx7ee4410351292> (дата обращения: 29.04.2025).

3. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 13 февраля 2019 г. № 207-р «Об утверждении Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года». Режим доступа: СПС Гарант. URL: <https://base.garant.ru/72174066/> (дата обращения: 29.04.2025).

4. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 28 декабря 2024 г. № 4146-р «Об утверждении Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2030 года с прогнозом до 2036 года». Режим доступа: СПС Гарант. URL: <https://base.garant.ru/411243583/> (дата обращения: 29.04.2025).

5. Герсонская, И. В. Концепция инклюзивного экономического роста: новые возможности для развития российского общества / И. В. Герсонская // Вестник Челябинского государственного университета. – 2021. – № 6(452). – С. 51-60. – DOI: 10.47475/1994-2796-2021-10606.

6. Жуковский, А.Д. Условия и принципы реализации потенциала преференциальных зон как инструмента развития неурбанизированных территорий / А.Д. Жуковский, С.Л. Орлов // Модели, системы, сети в экономике, технике, природе и обществе. – 2023. – № 4(48). – С. 32-55. – DOI 10.21685/2227-8486-2023-4-2.

7. Исследование специфики формирования ресурсного потенциала инфраструктуры неурбанизированных территорий Российской Федерации / Е.В. Дробот, О.Ю. Смылова, И.Н. Макаров [и др.] // Экономика, предпринимательство и право. – 2023. – Т. 13, № 9. – С. 3525-3540. – DOI 10.18334/err.13.9.118814.

8. Межрегиональное взаимодействие как фактор пространственного развития неурбанизированных территорий / В.В. Колесников, И.Н. Макаров, В.С. Назаренко [и др.] // Экономика, предпринимательство и право. – 2024. – Т. 14, № 12. – С. 7313-7328. – DOI 10.18334/err.14.12.122178.

9. Николаев, М.А. Факторы устойчивого развития неурбанизированных территорий / М.А. Николаев, М.Ю. Махотаева // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Экономические науки. – 2021. – Т. 14, № 6. – С. 53-66. – DOI 10.18721/JE.14604.

10. Семин, А.Н. Рурбанизация и рурализация как факторы успешного развития неурбанизированных территорий России / А.Н. Семин // Вестник Национального Института Бизнеса. – 2022. – № 1(45). – С. 20-24. – EDN OYKGNJ.

11. Современные подходы к управлению пространственным развитием неурбанизированных территорий России / И.Н. Макаров, В.В. Колесников, В.С. Назаренко [и др.] // Экономика, предпринимательство и право. – 2024. – Т. 14, № 10. – С. 5573-5582. – DOI 10.18334/err.14.10.121919.

12. Шевелева, Р.Н. Понятие и признаки неурбанизированных территорий / Р.Н. Шевелева // Молодой ученый. – 2015. – № 8 (88). – С. 696-698.
13. Единый перечень опорных населенных пунктов // Министерство экономического развития Российской Федерации: официальный сайт. – 2025. – URL: https://www.economy.gov.ru/material/file/b941182ed4b1c06707b31a18756689d1/edinyy_perechen_opornyh_naselennyh_punktov_rf.pdf (дата обращения: 29.04.2025).
14. Общероссийский классификатор территорий муниципальных образований (ОКТМО) // Федеральная служба государственной статистики: официальный сайт. – 2025. – URL: <https://rosstat.gov.ru/opendata/7708234640-oktmo?source=subscribe&ysclid=m91tlycjn4903989636> (дата обращения: 29.04.2025).

References

1. Federal Law No. 131-ФЗ dated 06.10.2003 "On the General Principles of the Organization of Local Self-Government in the Russian Federation". Access mode: Garant system. URL: <https://base.garant.ru/186367/> (date of issue: 29.04.2025).
2. Federal Law No. 33-ФЗ dated 20.03.2025 "On the General Principles of the organization of local Self-government in the Unified System of Public Authority". Access mode: Garant system. URL: <https://www.garant.ru/hotlaw/federal/1803457/?ysclid=m91rcx7ee4410351292> (date of issue: 29.04.2025).
3. Decree of the Government of the Russian Federation dated 13.02.2019 No. 207-п "On Approval of the Spatial Development Strategy of the Russian Federation for the period up to 2025". Access mode: Garant system. URL: <https://base.garant.ru/72174066/> (date of issue: 29.04.2025).
4. Decree of the Government of the Russian Federation dated December 28, 2024 No. 4146-п "On Approval of the Spatial Development Strategy of the Russian Federation for the period up to 2030 with a forecast up to 2036". Access mode: Garant system. URL: <https://base.garant.ru/411243583/> (date of issue: 29.04.2025).
5. Gersonskaya, I.V. The concept of inclusive economic growth: new opportunities for the development of Russian society / I.V. Gersonskaya // Bulletin of the Chelyabinsk State University. – 2021. – No 6(452). – pp. 51-60. – DOI: 10.47475/1994-2796-2021-10606.
6. Zhukovsky, A.D. Conditions and principles of realizing the potential of preferential zones as a tool for the development of non-urbanized territories / A.D. Zhukovsky, S. L. Orlov // Models, systems, networks in economics, technology, nature and society. – 2023. – No 4(48). – pp. 32-55. – DOI 10.21685/2227-8486-2023-4-2.
7. A study of the specifics of the formation of the resource potential of the infrastructure of non-urbanized territories of the Russian Federation / E. V. Drobot, O. Y. Smyslova, I. N. Makarov [et al.] // Economics, entrepreneurship and law. – 2023. – Vol. 13, No. 9. – pp. 3525-3540. – DOI 10.18334/epp.13.9.118814.
8. Interregional interaction as a factor of spatial development of non-urbanized territories / V. V. Kolesnikov, I. N. Makarov, V. S. Nazarenko [et al.] // Economics, entrepreneurship and Law. – 2024. – Vol. 14, No. 12. – pp. 7313-7328. – DOI 10.18334/epp.14.12.122178.
9. Nikolaev, M.A. Factors of sustainable development of non-urbanized territories / M.A. Nikolaev, M.Yu. Makhotaeva // Scientific and Technical Bulletin of St. Petersburg State Pedagogical University. Economic sciences. – 2021. – Vol. 14. No. 6. – pp. 53-66. – DOI 10.18721/JE.14604.

10. Semin, A. N. Rurbanization and ruralization as factors of successful development of non-urbanized territories of Russia / A. N. Semin // Bulletin of the National Institute of Business. – 2022. – № 1(45). – pp. 20-24. – EDN OYKGNJ.

11. Modern approaches to managing the spatial development of non-urbanized territories of Russia / I.N. Makarov, V.V. Kolesnikov, V.S. Nazarenko [et al.] // Economics, Entrepreneurship and Law. – 2024. – Vol. 14, No. 10. - pp. 5573-5582. – DOI 10.18334/epp.14.10.121919.

12. Sheveleva, R.N. The concept and signs of non-urbanized territories / R.N. Sheveleva // Young Scientist. – 2015. – № 8 (88). – pp. 696-698.

13. Unified register of key settlements // Ministry of Economic Development of the Russian Federation: official website. – 2025. – URL: https://www.economy.gov.ru/material/file/b941182ed4b1c06707b31a18756689d1/edinyy_perechen_opornyh_naselennyh_punktov_rf.pdf (date of issue: 29.04.2025).

14. Russian Classification of Territories of Municipal Formations // Federal State Statistics Service: official website. – 2025. – URL: <https://rosstat.gov.ru/opendata/7708234640-oktmo?source=subscribe&ysclid=m91tlycjn4903989636> (date of issue: 29.04.2025).

Научная статья

УДК 33

DOI 10.24888/2949-2793-2025-10-55-65

МОДЕЛИ УПРАВЛЕНИЯ СОЦИАЛЬНЫМ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВОМ: МЕЖДУНАРОДНЫЙ ОПЫТ И РОССИЙСКАЯ ПРАКТИКА

Э.К. Гусейнов, П.Н. Машегов

Московский финансово-промышленный университет «Синергия»
(Москва, Россия)

***Аннотация.** Современные социально-экономические реалии требуют поиска эффективных инструментов для решения общественно значимых проблем. Одним из таких инструментов выступает социальное предпринимательство, сочетающее бизнес-методы с реализацией социальной миссии. Актуальность исследования обусловлена необходимостью выработки действенных моделей управления социальными предприятиями, способствующих их устойчивому функционированию и масштабированию. Целью настоящего исследования является формулирование практических рекомендаций по совершенствованию управления социальными предприятиями на основе анализа международного опыта и российской практики. В рамках поставленной цели решались следующие задачи: классификация существующих моделей управления социальным предпринимательством, оценка влияния государственной поддержки и цифровизации, а также анализ успешных кейсов из разных стран. Методологическую основу исследования составили сравнительный анализ, кейс-стади и элементы системного подхода. В результате исследования обобщены модели управления, выявлены ключевые факторы эффективности и предложены рекомендации, применимые в российском контексте социального предпринимательства.*

***Ключевые слова:** социальное предпринимательство, модели управления, государственная поддержка, цифровизация, международный опыт, устойчивость.*

SOCIAL ENTREPRENEURSHIP MANAGEMENT MODELS: INTERNATIONAL EXPERIENCE AND RUSSIAN PRACTICE

E.K. Guseynov, P.N. Mashegov

Moscow Financial and Industrial University «Synergy»
(Moscow, Russia)

***Abstract.** Modern socio-economic realities call for effective tools to address socially significant challenges. One such tool is social entrepreneurship, which combines business methods with a strong social mission. The relevance of this study stems from the need to develop effective management models for social enterprises to ensure their sustainability and scalability. The aim of the research is to formulate practical recommendations for improving the management of social enterprises based on the analysis of international experience and Russian practices. The following objectives were pursued: classification of existing social enterprise management models, assessment of the role of government support and digitalization, and analysis of successful cases from different countries. The methodological basis of the study includes comparative analysis, case study method, and elements of a systems approach. As a result, management models were*

systematized, key success factors were identified, and recommendations applicable to the Russian context of social entrepreneurship were proposed.

Keywords: *social entrepreneurship, management models, government support, digitalization, international experience, sustainability.*

Введение

Современные социально-экономические процессы обуславливают поиск новых инструментов решения общественно значимых проблем. Одним из таких инструментов является социальное предпринимательство, которое сочетает предпринимательские подходы с реализацией социальной миссии. В отличие от традиционного бизнеса, цель которого заключается в максимизации прибыли, социальное предпринимательство ориентировано на долгосрочное решение социальных, культурных и экологических задач. В последние десятилетия социальное предпринимательство становится важным элементом экономических систем многих стран. В развитых странах, таких как Великобритания, США, Германия и Канада, социальные предприятия уже заняли прочные позиции в экономике, обеспечивая занятость и создавая инновационные модели решения социальных проблем. В России же этот сектор только формируется, однако его потенциал оценивается как значительный. Государственная поддержка, появление специализированных образовательных и финансовых программ, а также растущий интерес со стороны бизнеса и общества способствуют его активному развитию.

Актуальность темы исследования обусловлена необходимостью формирования эффективных моделей управления социальными предприятиями, которые позволят обеспечить их устойчивое развитие и максимальную социальную отдачу. В современных условиях перед социальными предпринимателями встают вызовы, связанные с обеспечением финансовой устойчивости, эффективностью операционной деятельности, взаимодействием с государственными и коммерческими структурами, а также с цифровой трансформацией.

Целью данного исследования – Разработка рекомендаций по совершенствованию моделей управления социальным предпринимательством в России на основе анализа международного опыта и отечественной практики.

Для достижения данной цели в рамках работы решаются следующие задачи:

- Обобщить теоретические подходы к социальному предпринимательству и его отличия от традиционного бизнеса;
- Разработать классификацию моделей управления социальными предприятиями и выявить их ключевые характеристики;
- Описать особенности управления социальными предприятиями в различных условиях, включая влияние государственной поддержки и цифровых технологий;
- Систематизировать и проанализировать успешные практики социального предпринимательства в России и за рубежом;
- Сформулировать предложения по повышению эффективности управления социальными предприятиями в российском контексте.

Структура работы включает в себя обзор теоретических основ социального предпринимательства, классификацию моделей управления, исследование влияния внешних факторов на управление социальными предприятиями, а также анализ успешных кейсов из международной и российской практики. В результате исследования будут предложены рекомендации по повышению эффективности управления социальными предприятиями в условиях современной экономики.

1. Теоретические основы управления социальным предпринимательством

Социальное предпринимательство – это предпринимательская деятельность, направленная на разработку и реализацию решений социальных, культурных или экологических проблем с помощью бизнес-подходов. В отличие от благотворительности,

социальные предприятия стремятся к самокупаемости и достигают двойной цели – одновременно социальной и экономической. Ключевым критерием успеха для социального предпринимательства – социальная отдача: вклад в решение общественной проблемы, а не только получение прибыли [5]. Прибыль рассматривается как средство для дальнейшего развития социальной миссии, а не как самоцель. Для социальных предприятий характерны инновационность в подходах, финансовая устойчивость за счет генерирования собственных доходов, а также потенциал масштабирования и тиражирования успешных решений.

Главное отличие социального предпринимательства от традиционного коммерческого бизнеса – приоритет общественно полезной цели над максимизацией прибыли. Традиционный предприниматель измеряет успех бизнес-показателями (выручка, прибыль, рост стоимости компании), тогда как социальный предприниматель ориентируется прежде всего на достижение социального эффекта. Кроме того, социальные предприниматели часто работают там, где присутствуют «провалы» рынка или государства – то есть в сферах, где обычный бизнес не удовлетворяет потребности общества, а государственные услуги недостаточны. Социальное предприятие может принимать различные организационно-правовые формы – от некоммерческих организаций до коммерческих фирм. [1, с. 207]. Также для социальных предприятий характерна более широкая вовлеченность стейкхолдеров – бенефициаров, сообществ, сотрудников – в управление и принятие решений, поскольку успех измеряется общественным благом, затрагивающим эти группы.

Управление социальным предприятием основывается на интеграции бизнес-подходов и ценностных ориентиров социального сектора. Миссия и ценности организации являются определяющими при стратегическом планировании: каждое управленческое решение оценивается с точки зрения его влияния на достижение социальной цели. Одним из ключевых принципов управления является прозрачность и подотчетность: социальные предприниматели открыто информируют сообщество, инвесторов и партнёров о распределении ресурсов и достигнутых результатах. Ещё один важный принцип – вовлечение заинтересованных сторон: бенефициары и сообщества часто участвуют в совместном управлении или дают обратную связь, что повышает эффективность проектов и укрепляет доверие.

Социальные предприятия применяют специальные механизмы оценки эффективности, ориентированные на социальные результаты. Например, используется индекс SROI (Social Return on Investment) – показатель социального возврата на инвестиции, позволяющий измерять общественную отдачу от вложенных средств. Финансовое управление строится на принципах устойчивости: диверсификации источников доходов (продажи товаров/услуг, пожертвования, гранты, кредиты и др.) и тщательном контроле затрат, чтобы обеспечить долгосрочную работу проекта. Часто практикуются партнерства – с государством, бизнесом, некоммерческими организациями – для объединения ресурсов и экспертизы. Социальное предприятие действует на открытом рынке, применяя эффективные бизнес-процессы, однако полученная прибыль преимущественно направляется на реализацию социальной миссии. Одним из примеров может служить модель повышения доступности товаров и услуг: организация продаёт продукцию по минимально возможной цене для социально уязвимых групп, компенсируя затраты за счёт увеличения объёмов продаж.

2. Классификация моделей управления

Социальные предприятия разнообразны по своим моделям ведения деятельности. Их подходы к управлению можно условно разделить на традиционные модели и инновационные. Традиционные опираются на уже зарекомендовавшие себя схемы – либо ориентированные на рыночные механизмы, либо на государственное участие. Инновационные модели появились сравнительно недавно и представляют новые сочетания и формы организации (гибриды, кооперативы, цифровые платформы и др.). Ниже рассмотрены ключевые модели управления и приведены примеры международного опыта [7]:

1. Бизнес-ориентированная модель. В этой модели социальное предприятие управляется по логике коммерческого бизнеса: основным источником финансовой устойчивости являются рыночные продажи товаров или услуг для решения социальной проблемы. Бизнес-ориентированные социальные предприятия стремятся к полной самоокупаемости; внешние инвестиции и субсидии играют вспомогательную роль. Управление фокусируется на эффективности и масштабируемости: социальный эффект достигается путем роста бизнеса. Многие микрофинансовые организации работают по этой модели, предоставляя финансовые услуги малоимущим на устойчивой основе (классический пример – Grameen Bank Мухаммеда Юнуса, выдающий микрокредиты бедным и помогший миллионам людей начать свое дело и выйти из бедности).

2. Государственно-ориентированная модель. Данная модель предполагает тесную связь социального предприятия с государством – через финансирование, заказы или интеграцию в систему социальных услуг. Источником средств здесь часто выступают государственные субсидии, гранты или социальный заказ, а само предприятие может действовать как поставщик услуг для государства или партнер в реализации социальных программ. В России примером такой модели служат организации, включенные в реестры поставщиков социальных услуг и получающие бюджетное финансирование за обслуживание льготных категорий граждан. Управление в государственно-ориентированной модели во многом подчинено требованиям и стандартам государственных программ: необходимо соответствовать критериям отчетности, обеспечивать качество услуг согласно госзаказу. С одной стороны, такая модель гарантирует стабильную поддержку и легитимность (государство признает социальное предприятие своим партнером). С другой – гибкость в предпринимательских решениях может снижаться из-за бюрократических ограничений. Тем не менее, сочетание бизнеса и государственной поддержки позволяет решать социальные задачи, которые ранее лежали исключительно на бюджете. Например, частные социальные предприятия могут открывать центры реабилитации, дома престарелых, детские сады для особых категорий, получая частичное финансирование от государства и привлекая дополнительно благотворительные средства. Такая модель особенно распространена там, где формируется государственно-частное партнерство в социальной сфере. Международным примером могут служить социальные кооперативы в Италии: они часто работают в сфере социальных услуг (образование, здравоохранение) и получают контракты или поддержку от местных властей, оставаясь при этом самостоятельными предприятиями, управляемыми сотрудниками и участниками сообщества.

3. Инновационные модели управления: смешанные, кооперативные, платформенные. Смешанные модели объединяют черты коммерческого и некоммерческого подходов. Управление строится так, чтобы использовать многообразие источников финансирования: одновременно доходы от собственной предпринимательской деятельности и средства от благотворителей, фондов или государства. Например, НКО создаёт при себе коммерческое подразделение (социальное предприятие), которое зарабатывает деньги, а прибыль направляется на финансирование социальных программ. Такой гибрид обеспечивает баланс между миссией и рынком. Финансовая устойчивость достигается за счёт бизнеса, а масштаб социального воздействия – за счёт реинвестирования дохода и привлечения грантов. В России значительная часть социальных предприятий возникла на базе некоммерческих организаций, которые начали частично финансировать свою деятельность за счёт платных услуг или продажи продукции. Например, центры поддержки людей с инвалидностью, предлагающие обучающие курсы за оплату, или экологические инициативы, реализующие переработанные товары. Основная задача смешанной модели – сохранить ориентацию на социальную миссию при постепенной коммерциализации. Руководство таких предприятий должно отслеживать как финансовые, так и социальные показатели, чтобы достигать двойного эффекта: устойчивости и общественной пользы. Благодаря своей гибкости смешанные модели позволяют находить оптимальный баланс между доходами от рыночной

деятельности и привлечёнными средствами – такими как гранты, пожертвования или иные формы благотворительной поддержки. Международный опыт подтверждает высокую распространённость подобных моделей: большинство социальных предприятий в мире являются гибридными структурами, сочетающими предпринимательские механизмы с социальной направленностью. Например, британские Community Interest Companies (CIC) работают по принципу ограничения распределения прибыли и преимущественного её реинвестирования в реализацию социальных задач, при этом оставаясь полноценными участниками рыночной экономики.

4. *Кооперативная модель.* Управление в кооперативной модели осуществляется демократически: каждый член кооператива имеет право голоса при принятии решений, а прибыль (или излишек доходов) распределяется между участниками либо реинвестируется в развитие кооператива и расширение спектра предоставляемых им услуг. Такой подход особенно эффективен в ситуациях, когда необходимо объединить людей с общими интересами и социальными потребностями – например, кооперативы малых фермеров, ремесленников, людей с инвалидностью. Совместно они решают задачи сбыта, закупок, логистики, достигая эффекта масштаба и экономии. Кооперативная модель, как правило, органично связана с социальной миссией предприятия, поскольку его деятельность напрямую направлена на удовлетворение потребностей самих членов – в трудоустройстве, профессиональной поддержке, доступе к социальным или бытовым услугам. Яркий пример – итальянские социальные кооперативы типа В, которые трудоустраивают людей из уязвимых социальных групп (например, инвалидов, лиц с опытом зависимости и т.д.). Такие кооперативы часто принадлежат и управляются как обычными работниками, так и самими бенефициарами, тем самым способствуя их интеграции в общество через совместный труд и предпринимательство.

В международной практике кооперативы доказали свою устойчивость и широко применяются – от сельскохозяйственных кредитных кооперативов в развивающихся странах до взаимных страховых и финансовых организаций на Западе. Ключевыми принципами управления кооперативами являются демократичность, участие и равенство членов, а также стабильное финансовое планирование, позволяющее предоставлять необходимые услуги своим участникам на устойчивой и долгосрочной основе [8].

5. *Платформенная модель.* С развитием технологий появилась возможность управлять социальным предприятием по типу цифровой платформы. В платформенной модели организация выступает посредником, соединяя напрямую производителей/поставщиков социальных товаров или услуг с потребителями/бенефициарами, зачастую посредством онлайн-сервиса. Социальный предприниматель, по сути, создает площадку обмена и облегчает взаимодействие между сторонами, которые без платформы не смогли бы найти друг друга. Например, платформа ремесленников может объединять мастеров из сельской местности и городских покупателей, помогая первым реализовать свою продукцию по справедливой цене (пример – «Нижегородская галерея ремесел», объединяющая мелких производителей и предоставляющая им доступ к рынку сбыта). Другой вариант – краудфандинговая платформа для социальных проектов, где предприниматели представляют инициативы, а граждане финансируют их небольшими суммами через интернет. Управление платформенной моделью требует компетенций в области ИТ, сетевого взаимодействия и маркетинга в цифровой среде. Главная ценность такой модели – масштаб через сеть: благодаря эффекту масштаба платформа может охватить тысячи пользователей без географических границ. Платформенные социальные предприятия активно используют данные и цифровые инструменты для повышения эффективности своей деятельности – например, алгоритмы подбора предложений под запросы пользователей, мобильные приложения для доступа к услугам и другие технологии. В последние годы получили развитие платформенные кооперативы – цифровые платформы, которые принадлежат самим участникам (например,

водителям, курьерам, фрилансерам) и управляются на принципах кооперации, включая демократичное участие и коллективное распределение доходов. Таким образом, платформенная модель представляет собой инновационный и гибридный формат, сочетающий в себе социальную миссию и потенциал цифровых технологий. Международная практика социального предпринимательства демонстрирует большое разнообразие организационных моделей и активную поддержку со стороны государства и общества. Лидерами в развитии сектора социального предпринимательства являются Великобритания, США, Италия, страны Скандинавии, Южная Корея, Индия, Бангладеш и другие. Во многих из них были созданы специальные правовые формы, облегчающие деятельность социальных предприятий. Например, в Великобритании это статус Community Interest Company (CIC), в Италии – социальные кооперативы, во Франции – предприятия формы SCIC, а в США – модели B-Corp и L3C, сочетающие бизнес-деятельность с обязательной социальной или экологической целью. Такие законодательные инициативы обеспечивают более благоприятные условия для работы социальных предпринимателей (в том числе налоговые льготы, специальные режимы регулирования) и повышают их узнаваемость и доверие со стороны общества. Опыт Великобритании нередко рассматривается как один из наиболее успешных. По данным правительства, к концу 2010-х годов в стране насчитывалось около 130 тысяч социальных предприятий, и их вклад в экономику оказался весьма существенным. Если доступны более свежие данные, их желательно использовать. Британские социальные предприятия активно работают в различных сферах: от трудоустройства уязвимых групп до экологических инноваций. Один из известных примеров – журнал *The Big Issue*, который распространяется бездомными и помогает им зарабатывать. Развитие сектора поддерживается через создание благоприятной инфраструктуры: в частности, инвестиционный фонд Big Society Capital направляет средства в проекты с высоким общественным эффектом, способствует развитию impact-инвестиций и формированию экосистемы поддержки [6].

Некоторые развивающиеся страны также показывают успешные стратегии: в Бангладеш модель микрофинансирования (Grameen) положила начало множеству социальных бизнесов в сельском хозяйстве, здравоохранении, образовании для беднейших слоев. В Кении и ряде африканских стран через мобильные технологии (например, платформа M-Pesa) удалось запустить тысячи микропредприятий, дающих услуги в удаленных регионах. Малайзия и Сенегал недавно внедрили юридические рамки и программы для поддержки социального бизнеса, признавая его роль в достижении Целей устойчивого развития ООН. Важно отметить, что обмен международным опытом происходит постоянно. Крупные глобальные организации (Schwab Foundation, Ashoka и др.) распространяют лучшие практики, финансируют и соединяют социальных предпринимателей из разных стран. Успешные стратегии обычно включают комбинацию инновационной бизнес-модели – доступ к финансированию, поддержка со стороны правительства или общества, измерение и демонстрация социального эффекта для формирования доверия инвесторов и партнеров. Международный опыт показывает: социальное предпринимательство жизнеспособно, когда оно реально решает острую социальную проблему, имеет устойчивую модель монетизации и пользуется доверием сообщества. В таких условиях социальные предприятия способны расти и масштабировать свою деятельность даже на международный уровень, как это сделали, например, Fair Trade организации, распространившие практики справедливой торговли по всему миру, или сеть школ BRAC из Бангладеш, обеспечивающая образование миллионам детей.

3. Особенности управления социальными предприятиями в различных условиях

Социальное предпринимательство в мире набирает обороты, но его распространенность существенно варьируется по странам. В развитых экономиках доля социальных предприятий значительно выше, чем в странах, где этот сектор только формируется. Например, в Западной Европе до 25% компаний ведут деятельность, которую

можно отнести к социальному предпринимательству, в то время как в России этот показатель порядка 1%. По оценкам Агентства стратегических инициатив, на 2017 год в России насчитывалось лишь около 6,8 тысяч социальных предприятий. К 2023 году, число зарегистрированных социальных предприятий возросло до почти 8 000 [4, с. 183]. Для сравнения, в Великобритании количество социальных предприятий превышает 130 тысяч, а в США широкий круг организаций, подпадающих под определение социального бизнеса, исчисляется сотнями тысяч.

Российская статистика свидетельствует, что вклад социальных предпринимателей в экономику пока скромный – порядка 0,36% ВВП (оценка 2015 года). Тем не менее, наблюдается положительная динамика: появление новых предприятий, рост выручки действующих проектов, расширение занятости. Примечательно, что более половины российских социальных предпринимателей – женщины в возрасте 30–60 лет, что отражает общемировой тренд гендерного баланса в этой сфере [10]. В глобальном масштабе социальное предпринимательство часто дает женщинам возможность проявить лидерство в бизнесе на благо общества даже там, где в традиционном бизнесе для них меньше возможностей.

Для России характерна очаговая концентрация социального предпринимательства: наиболее активны те регионы, где сформирована инфраструктура поддержки – такие как Москва, Санкт-Петербург, Татарстан, Приморский край и другие. В то же время в ряде субъектов Российской Федерации сектор социального предпринимательства пока практически отсутствует. Однако в целом наблюдается положительная тенденция: растёт интерес к социальным проектам, увеличивается число инициатив и организаций, действующих в данной сфере. Экспертное исследование условий для развития социального предпринимательства, проведённое Thomson Reuters Foundation в 2019 году (следует обновить при наличии более свежих данных), показало, что Россия значительно улучшила свои позиции в международном сравнении. По уровню государственной поддержки социальный сектор занял 7-е место среди 45 крупнейших экономик, а по темпам роста – 23-е, поднявшись с 43-го места, занимаемого тремя годами ранее. Это свидетельствует о формировании более благоприятной экосистемы, несмотря на сохраняющиеся барьеры в сфере ведения бизнеса – такие как сложность продаж частным потребителям, высокая административная нагрузка, ограниченный доступ к финансированию и недостаточная осведомлённость населения о возможностях сектора. В мировом контексте лидирующие позиции по условиям для социального предпринимательства занимают Великобритания, Канада, США и другие страны с развитой системой государственной и частной поддержки. Вместе с тем, в России постепенно укрепляются институциональные и организационные модели, которые позволяют социальным проектам выживать, развиваться и вносить вклад в решение значимых общественных задач [2, стр. 143].

Роль государства в развитии социального предпринимательства сложно переоценить. Государственная поддержка может придать импульс становлению сектора, особенно на начальных этапах. В разных странах применяются разнообразные формы поддержки: прямое финансирование (гранты, субсидии, премии), налоговые льготы, льготное кредитование, обучение и консалтинг, законодательное закрепление статуса социальных предприятий, квоты или преимущества при госзакупках.

Ключевым событием для развития социального предпринимательства в России стало внесение в 2019 году поправок в Федеральный закон от 24 июля 2007 года № 209-ФЗ «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации». Впервые на законодательном уровне были даны определения *социального предпринимателя* и *социального предприятия*, а также закреплены меры государственной поддержки таких субъектов как на федеральном, так и на региональном уровне. Закон предоставил правительствам субъектов Федерации право устанавливать дополнительные льготы – налоговые, имущественные, образовательные. Также он стал основанием для формирования

официального перечня (реестра) социальных предприятий. На практике это позволило региональным властям разработать и внедрить программы поддержки: компенсацию процентных ставок по кредитам, грантовое финансирование, акселерационные программы и менторское сопровождение. Такие меры реализуются, в частности, в Московской области, Краснодарском крае, Республике Башкортостан и других субъектах.

На федеральном уровне Министерство экономического развития ежегодно проводит конкурс на предоставление грантов социальным предпринимателям. Так, в 2022 году было снижено требование софинансирования с 50% до 25%, что позволило большему количеству проектов получить поддержку. Важную роль также играет Фонд региональных социальных программ «Наше будущее», который совместно с институтами развития предоставляет беспроцентные займы и проводит конкурсы. В ряде регионов функционируют Центры инноваций социальной сферы (ЦИССы), оказывающие консультационные, образовательные и организационные услуги для социальных предпринимателей.

Международный опыт показывает эффективность налоговых стимулов и льготного финансирования. Например, в Бельгии и Франции социальные предприятия могут получать статус интеграционных мастерских с компенсацией части зарплат сотрудников из уязвимых групп. В США модель *L3C* (low-profit limited liability company) даёт благотворительным фондам уверенность для инвестиций, поскольку такая компания юридически обязана преследовать социальные цели прежде прибыли. В Великобритании инвестиции в зарегистрированные соцпредприятия сопровождаются налоговым вычетом для инвестора. В странах Азии – Южной Корее, Малайзии – правительства учреждают специальные агентства по продвижению социального предпринимательства, финансируют инкубаторы, образовательные программы, создают онлайн-платформы для сбыта продукции социальных предприятий.

Государственная поддержка бывает как прямой, так и косвенной. Прямые меры – финансирование, льготы – дают ресурсную основу. Косвенные – информационная поддержка, признание на высоком уровне, включение соцпредпринимательства в нацпроекты – формируют благоприятный социальный климат. Например, учреждение ежегодных премий или конкурсов (как *Social Entrepreneur of the Year* от Schwab Foundation глобально, или премии от правительства РФ) повышает престиж сферы и мотивирует новых участников. Важна также регуляторная поддержка: упрощение отчетности для малых социальных предприятий, гибкость в отношении сочетания коммерческой и некоммерческой деятельности.

Однако чрезмерная поддержка со стороны государства может приводить к избыточной зависимости социальных предприятий от бюджетного финансирования. Наилучшие результаты наблюдаются в тех случаях, когда после получения стартовой поддержки социальные предприятия переходят на устойчивую модель деятельности и продолжают развиваться самостоятельно. Именно поэтому современные программы всё чаще делают акцент не только на финансовой помощи, но и на обучении самих предпринимателей – в сферах управления, маркетинга, фандрайзинга и привлечения инвестиций.

Государство, таким образом, становится не только источником ресурсов, но и полноправным партнёром социального бизнеса – заказчиком услуг (через механизм социального заказа) и соучастником в достижении общественно значимых результатов. Это требует от управленцев в социальных предприятиях компетенций взаимодействия с государственными структурами, соблюдения процедур и стандартов, а также способности выстраивать продуктивный диалог. В России такой формат сотрудничества только формируется, но уже можно отметить примеры успешной кооперации: частные детские сады для детей с ОВЗ, функционирующие по муниципальному заказу, социальные столовые и кухни, обеспечивающие питание льготных категорий граждан по контрактам с органами власти.

Цифровизация открывает для социальных предприятий новые возможности в области эффективного управления и расширения аудитории. Современные технологии позволяют сократить издержки, автоматизировать процессы и упростить взаимодействие с целевыми группами. Одним из наиболее заметных трендов стало использование онлайн-платформ и маркетплейсов для продвижения социально значимых товаров и услуг. Через интернет даже небольшой проект способен охватить широкую аудиторию, в том числе за пределами региона присутствия, что ранее было затруднительно. Например, ремесленные изделия, продукция инклюзивных мастерских или экологически ориентированные товары находят клиентов по всей стране и за рубежом, позволяя авторам получать стабильный доход и масштабировать деятельность.

Социальные сети и цифровой маркетинг стали важными инструментами для продвижения социальных проектов и повышения узнаваемости инициатив. Грамотно выстроенное онлайн-присутствие помогает малобюджетным проектам привлекать внимание широкой аудитории, рассказывать истории бенефициаров, демонстрировать достигнутые результаты и социальный эффект. Это способствует не только увеличению объемов продаж или пожертвований, но и формированию устойчивого сообщества сторонников вокруг инициативы. Многие социальные проекты изначально появляются в онлайн-среде – например, через краудфандинг. Платформы вроде Planeta.ru, Kickstarter, Boomstarter и другие позволили собрать средства на сотни инициатив, минуя традиционные конкурсные и грантовые процедуры. Явление так называемой «электронной филантропии» значительно увеличило объем частных пожертвований, при этом одновременно снижая транзакционные издержки и ускоряя сбор средств. Сегодня, чтобы профинансировать социально значимую инициативу, необязательно искать одного крупного спонсора – сотни людей могут внести небольшие суммы онлайн, что существенно упрощает старт и развитие социального предприятия [3, с. 394].

Новые технологии также повышают операционную эффективность учета и мониторинга (CRM, ERP) доступны в виде облачных сервисов, их могут внедрять даже небольшие организации для учета бенефициаров, доноров, финансов. Аналитические инструменты и сбор больших данных помогают оценивать социальный эффект более точно и в режиме реального времени – например, отслеживать успехи учеников на образовательной онлайн-платформе, изменение качества жизни у клиентов социального предприятия и т.д. Мобильные приложения делают услуги более доступными: от телемедицины для отдаленных поселков до приложений, помогающих людям с инвалидностью ориентироваться в городе (часто разрабатываются соцпредпринимателями).

Отдельное направление – использование технологий для массового вовлечения людей в решение социальных задач. Платформы краудсорсинга позволяют распределять задачи (например, перевод образовательных материалов, юридические консультации, наставничество для сирот) между волонтерами через интернет. Это расширяет масштаб деятельности без эквивалентного роста штата. Блокчейн и смарт-контракты начинают применяться для повышения прозрачности благотворительных пожертвований и социальных инвестиций, укрепляя доверие доноров (например, отслеживание пути денег до конкретного получателя).

Для управленцев социальных предприятий цифровизация ставит новые вызовы: необходимо развивать компетенции в сфере информационных технологий, кибербезопасности, а также в работе с онлайн-аудиторией. Существенную сложность представляет высокая конкуренция в цифровой среде, где множество проектов борются за внимание и вовлеченность пользователей. Чтобы выделиться, необходимо креативно подходить к созданию контента и грамотно выстраивать коммуникацию. Тем не менее, преимущества цифровых технологий перевешивают: они значительно снижают барьеры для входа в сферу социального предпринимательства. Сегодня, чтобы запустить социальный проект, зачастую достаточно иметь идею и доступ в интернет – можно

протестировать гипотезу в социальных сетях, собрать предварительное финансирование на платформе, найти единомышленников и первых партнёров. Это делает социальное предпринимательство более доступным и способствует росту числа инициатив.

Цифровизация также содействует международной кооперации в сфере социального предпринимательства. Онлайн-сообщества, профессиональные платформы и экспертные форумы позволяют обмениваться лучшими практиками, получать консультации, находить партнёров и инвесторов за рубежом. Таким образом, новые технологии становятся катализатором роста социальных предприятий. При грамотном управлении с их использованием они могут быстрее достигать целей, преодолевая ограниченность ресурсов. Всё больше социальных стартапов позиционируются как *Tech for Good* (технологии во благо) – например, мобильные приложения для инклюзивного образования, платформы для прозрачной благотворительности, а также датчики и гаджеты для мониторинга состояния окружающей среды в рамках экологических проектов. Их опыт демонстрирует, что внедрение инноваций в управление усиливает как социальную отдачу, так и устойчивость предприятий в рыночной среде.

Заключение

Модели управления субъектами социального предпринимательства продолжают эволюционировать, отражая специфику решаемых проблем и изменений во внешней среде. Теория и практика сходятся во мнении, что успешное социальное предприятие должно сочетать четкую социальную миссию с профессиональным менеджментом и инновационным подходом к организации бизнеса. В российском контексте социальное предпринимательство выходит из стадии формирования: уже есть правовая основа, растет число проектов, формируются поддерживающие институты. Предстоит перенять и адаптировать лучший международный опыт – от кооперативных моделей до платформенных решений – чтобы социальные предприятия стали неотъемлемой частью экономики и системы социальных услуг. Эффективное правление бизнесом, подкрепленное государственным содействием и возможностями цифровой эпохи, позволит социальным предпринимателям максимально реализовать свой потенциал в улучшении жизни людей и общества в целом.

Список источников

1. Альтер К. Типология социального предпринимательства. Virtue Ventures LLC, 2007., с. 207.
2. Борнштейн Д., Дэвис С. Социальное предпринимательство: что должен знать каждый. Oxford University Press, 2023., с. 143.
3. Гравшина И.Н., Кострова Ю.Б., Швайка О.И., Шибаршина О.Ю. Разработка практических инструментов реализации ESG-стратегии в рамках бизнес-моделей социального предпринимательства. 2024, Московский университет имени С .Ю. Витте, Москва.
4. Дис Дж.Г. Значение социального предпринимательства. Стэнфордский университет, 1998., с. 394.
5. Европейская комиссия. Социальные предприятия и их экосистемы в Европе. 2021., стр. 183.
6. Николлс А. Социальное предпринимательство: новые модели устойчивых социальных изменений. Oxford University Press, 2006., с. 83.
7. Остин Дж., Стивенсон Х., Вэй-Скиллерн Дж. Социальное и коммерческое предпринимательство: одинаковые, разные или и то, и другое? // Теория и практика предпринимательства. 2006. Том 30. № 1. С. 1–22.
8. Патракеева, О.Ю. Социальное предпринимательство в России: возможности и перспективы развития / О.Ю. Патракеева // Социальное предпринимательство и корпоративная социальная ответственность. – 2021. – Т. 2. № 3. – С. 149-160.

9. Томпсон Дж., Догерти Б. Разнообразный мир социальных предприятий: сборник историй социальных предприятий // Международный журнал социальной экономики. 2006. Том 33. № 5/6. С. 361–375.

10. Юнус М. Создание социального бизнеса: новый вид капитализма, служащий самым насущным потребностям человечества. PublicAffairs, 2010.

11. Общественная палата Российской Федерации. Доклад о состоянии гражданского общества в Российской Федерации за 2023 год. [Электронный ресурс]. URL: <https://report2023.oprf.ru>.

References

1. Alter K. Typology of social entrepreneurship. Virtue Ventures LLC, 2007., p. 207.

2. Bornstein D., Davis S. Social entrepreneurship: what everyone should know. Oxford University Press, 2023., p. 143.

3. Gravshina I.N., Kostrova Yu.B., Shvaika O.I., Shibarshina O.Yu. Development of practical tools for implementing ESG strategy within the framework of social entrepreneurship business models. 2024, Moscow University named after S.Yu. Witte, Moscow.

4. Dis J.G. The importance of social entrepreneurship. Stanford University, 1998., p. 394.

5. European Commission. Social enterprises and their ecosystems in Europe. 2021., p. 183.

6. Nicholls A. Social entrepreneurship: new models of sustainable social change. Oxford University Press, 2006., p. 83.

7. Austin J., Stevenson H., Wei-Skillern J. Social and Commercial Entrepreneurship: The Same, Different, or Both? // Theory and Practice of Entrepreneurship. 2006. Vol. 30, No. 1. Pp. 1–22.

8. Patrakeeva, O. Yu. Social Entrepreneurship in Russia: Opportunities and Development Prospects / O. Yu. Patrakeeva // Social Entrepreneurship and Corporate Social Responsibility. – 2021. – Vol. 2, No. 3. – Pp. 149–160.

9. Thompson J., Dougherty B. The Diverse World of Social Enterprise: A Collection of Social Enterprise Stories // International Journal of Social Economics. 2006. Vol. 33, No. 5/6. Pp. 361–375.

10. Yunus M. Creating a social business: a new type of capitalism serving the most pressing needs of humanity. PublicAffairs, 2010.

11. Public Chamber of the Russian Federation. Report on the state of civil society in the Russian Federation for 2023. [Electronic resource] URL: <https://report2023.oprf.ru>.

РАЗВИТИЕ ПРОИЗВОДСТВЕННЫХ СИСТЕМ В КОНТЕКСТЕ МОБИЛИЗАЦИОННОЙ ЭКОНОМИКИ: ПОДХОДЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

О.Ю. Смыслова^{1,2}, Р.А. Хачатрян², К.А. Мелконян²

Липецкий филиал Финансового университета при Правительстве РФ
(Липецк, Россия)

Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина
(Елец, Россия)

***Аннотация.** В статье рассматриваются современные подходы к развитию производственных систем в условиях мобилизационной экономики. Проанализированы ключевые факторы, влияющие на эффективность производственных процессов, включая доступность ресурсов, технологические инновации и управление кадровым потенциалом. Особое внимание уделяется адаптации стратегий управления в условиях кризисных ситуаций и нестабильной экономической среды. Исследованы перспективы внедрения цифровых технологий и автоматизации для повышения гибкости и устойчивости производственных систем. Авторы предлагают модель интеграции различных методов оптимизации, таких как бережливое производство и теория ограничений, для достижения максимальной эффективности.*

***Ключевые слова:** производственные системы, мобилизационная экономика, производственные процессы, технологические инновации, цифровые технологии.*

DEVELOPMENT OF PRODUCTION SYSTEMS IN THE CONTEXT OF A MOBILIZATION ECONOMY: APPROACHES AND PERSPECTIVES

O.Y. Smyslova^{1,2}, R.A. Khachatryan², K.A. Melkonyan²

Lipetsk Branch of the Financial University under the Government of the Russian Federation
(Lipetsk, Russia)

Bunin Yelets State University
(Yelets, Russia)

***Abstract.** This article discusses modern approaches to the development of production systems in a mobilization economy. The key factors influencing the efficiency of production processes, including resource availability, technological innovation and human resource management, are analyzed. Special attention is paid to the adaptation of management strategies in crisis situations and unstable economic environment. The prospects of introducing digital technologies and automation to increase the flexibility and sustainability of production systems are explored. The authors propose a model for integrating various optimization methods, such as lean manufacturing and constraint theory, to achieve maximum efficiency. In conclusion, recommendations on the implementation of the proposed approaches are presented using the example of a number of industries, with an emphasis on possible obstacles and ways to overcome them.*

***Keywords:** production systems, mobilization economy, production processes, technological innovations, digital technologies.*

Введение

В условиях нарастающей геополитической нестабильности и перехода к мобилизационной модели экономики, тема развития производственных систем приобретает особую актуальность, поскольку эффективность и гибкость промышленных предприятий становятся ключевыми факторами для обеспечения национальной безопасности, стабильности и возможности оперативного реагирования на возникающие вызовы. Это требует переосмысления подходов к организации производства, внедрения инновационных технологий и оптимизации использования ресурсов для достижения максимальной производительности в условиях ограниченности и повышенных требований. В этой связи необходимость рассмотрения путей повышения устойчивости, адаптивности и эффективности производственных систем, а также выработки стратегий по их развитию в условиях мобилизационной экономики, представляется актуальной задачей и целью данного исследования.

Основная часть

Исследованию мобилизационной экономики посвящено в настоящее время достаточно много научных работ. Одними из первых о мобилизационной экономике высказался американский экономист Сеймур Эдвин Харрис, который в 1950 году в работе «Инфляция и антиинфляционная политика американских штатов» [1] ввёл в научный оборот понятие «мобилизационная экономика». В России данный термин получил приставку инфляция и стал использоваться совместно как «мобилизационная экономика и инфляция». В дальнейшем «дать определение именно мобилизационной экономике попытался С.Ю. Глазьев, предложив понимать под ней такую систему регулирования экономической деятельности, которая позволяет обеспечить максимально полное использование имеющихся производственных ресурсов» [2].

С категорией «мобилизационная экономика» связано понятие «мобилизационный путь развития», трактуемое как «один из способов адаптации социально-экономической системы к реальностям изменяющегося мира и заключающееся в систематизации обращения в условиях стагнации или кризиса к чрезвычайным мерам для достижения экстраординарных целей, представляющих собой выраженные в крайних формах условия выживания общества и его институтов» [10].

Если сопоставить эти и ряд других определений, можно выделить главные особенности мобилизационной экономики: наличие внешней угрозы и мобилизацию ресурсов для ее устранения посредством неэкономических методов. Рассмотрим их более подробно.

Первый фактор – наличие внешних угроз. В рамках влияния данного фактора мобилизационная экономика обычно возникает в ответ на реальную или мнимую угрозу, такую как война, экономический кризис или стихийное бедствие. Эта угроза становится главным аргументом для концентрации ресурсов и перераспределения их в приоритетные отрасли. Так, в период Второй мировой войны многие страны, включая СССР, США и Великобританию, перешли к мобилизационной экономике, чтобы максимально эффективно использовать свои ресурсы для военных нужд. Производство гражданских товаров было сокращено, а приоритет отдавался выпуску оружия, техники и амуниции. Во время Великой депрессии в 1930-х годах США приняли ряд мер по мобилизации экономики в рамках «Нового курса» Франклина Рузвельта. Это включало в себя масштабные государственные инвестиции в инфраструктуру, создание рабочих мест и регулирование финансовой системы. После масштабного землетрясения и цунами в Японии в 2011 году правительство страны предприняло шаги по мобилизации ресурсов для восстановления пострадавших районов, включая перераспределение бюджетных средств и привлечение дополнительных трудовых ресурсов. Таким образом, в каждом из этих случаев наличие внешней угрозы (война, кризис, стихийное бедствие) послужило стимулом для концентрации ресурсов и их перенаправления

в приоритетные отрасли, что является ключевой характеристикой мобилизационной экономики.

Второй фактор – мобилизация ресурсов для устранения угрозы. Здесь главной целью мобилизационной экономики выступает концентрация и перенаправление ресурсов (трудовых, финансовых, материальных) на устранение или смягчение последствий внешней угрозы. Это может включать в себя увеличение производства военной продукции, развитие стратегических отраслей, строительство инфраструктуры и т.д. В качестве примера может служить переход заводов на круглосуточный режим работы для выпуска танков, самолетов, боеприпасов и другого необходимого для обороны оборудования, перепрофилирование автомобильных заводов на производство военной техники. В продолжении этого, для быстрой переброски войск и техники, а также для обеспечения поставок ресурсов могут возводиться новые дороги, мосты, железные дороги, аэродромы и другие объекты. Примером также может быть срочное строительство железной дороги к стратегически важному месторождению полезных ископаемых. Еще одним примером может выступать перераспределение Правительством бюджетных средств в пользу оборонных и стратегических отраслей, сокращая финансирование других сфер; могут вводиться дополнительные налоги или займы для финансирования мобилизационных мероприятий.

Третий фактор – преобладание неэкономических методов. Как показывает практика, в мобилизационной экономике приоритет отдается не рыночным механизмам, а командно-административным методам управления. Государство играет ключевую роль в распределении ресурсов, планировании производства и контроле за ценами. Экономическая эффективность и конкурентоспособность отходят на второй план. Так, например, вместо того, чтобы позволить рынку определить, куда направлять сталь, государство директивно направляет ее на производство танков и артиллерии, даже если гражданские отрасли испытывают дефицит. Правительство может установить производственные квоты для каждого завода, определяя, сколько и какой продукции они должны произвести. Осуществляя контроль за ценами государство фиксирует цены на ключевые продукты питания, чтобы обеспечить их доступность для населения. Иначе может наступить дефицит продуктов. Еще одним примером может выступать переход под государственной контроль ключевые отрасли экономики, такие как энергетика и оборонная промышленность, ограничивая частный сектор возможности участвовать в их развитии и управлении.

Таким образом, мобилизационная экономика представляет собой систему, которая активизируется в условиях внешней угрозы и характеризуется концентрацией и перераспределением ресурсов, часто с использованием административных и директивных методов, для достижения приоритетных целей, связанных с устранением этой угрозы. В этих условиях мобилизационная экономика предполагает переориентацию производственных систем на удовлетворение потребностей государства, особенно в военной сфере. Это влечет за собой перераспределение ресурсов, изменение структуры производства, внедрение новых технологий и методов управления, а также увеличение объемов производства продукции, необходимой для достижения целей мобилизации. Производственные системы, в свою очередь, являются основным инструментом реализации задач мобилизационной экономики, обеспечивая выпуск требуемой продукции в необходимые сроки и объемах.

Производственная система представляет собой «систему взаимосвязанных и взаимообусловленных элементов производственного процесса, техническая и организационная упорядоченность производства, совокупность методов, используемых компанией для производства и доставки своих товаров и услуг потребителям» [4]. Многие специалисты [5-7] в понятие «производственная система» включают все технологические элементы (инструменты, оборудование, машины), процессы, связанные с созданием ценности для потребителя (производство, финансовый блок, закупки и продажи, логистику, коммуникации с потребителями), организационное поведение (разделение труда, процессы управления). При этом главным элементом в производственной системе выступает человек.

Машины, оборудование и прочие элементы призваны лишь поддерживать людей и процессы. Таким образом, в общем виде производственные системы рассматриваются экспертами как сложные человеко-машинные системы, предназначенные для преобразования ресурсов (материалов, энергии, информации) в готовую продукцию или услуги с использованием различных технологий и процессов. Эти системы включают в себя не только оборудование и программное обеспечение, но и людей, организационную структуру, методы управления и потоки информации.

Эффективность производственной системы напрямую зависит от слаженности работы всех ее компонентов и их способности адаптироваться к изменяющимся условиям рынка и требованиям потребителей. Ключевыми задачами при проектировании и управлении производственными системами выступают оптимизация использования ресурсов, повышение производительности, снижение затрат и обеспечение высокого качества продукции или услуг.

Проанализируем ключевые факторы, влияющие на эффективность производственных процессов (см. табл.1).

Таблица 1

Влияние ключевых факторов на эффективность производственных процессов

Описание	Влияние на эффективность	Меры по повышению эффективности
Доступность ресурсов		
Наличие и своевременное поступление необходимых материалов, энергии, оборудования и информации.	Высокое влияние: недостаток ресурсов приводит к простоям, задержкам производства, снижению качества продукции и увеличению затрат. Избыток ресурсов может привести к неоправданным затратам на хранение и утилизацию.	Оптимизация логистических цепочек поставок. Внедрение систем управления запасами (например, Just-in-Time). Поиск альтернативных поставщиков. Эффективное планирование потребности в ресурсах. Использование энергосберегающих технологий. Прогнозирование спроса и планирование производства на его основе.
Технологические инновации		
«Внедрение новых технологий, автоматизация, роботизация, цифровизация, использование современных методов производства» [10].	Высокое влияние: «устаревшие технологии снижают производительность, увеличивают затраты, повышают риск ошибок и травм, ухудшают качество продукции. Современные технологии позволяют увеличить объемы производства, снизить себестоимость, повысить точность и качество, улучшить условия труда» [10].	Постоянный мониторинг технологических трендов. Инвестиции в новое оборудование и программное обеспечение. Обучение персонала работе с новыми технологиями. Внедрение систем автоматизации и роботизации. Использование методов цифрового производства (например, 3D-печать). Повышение энергоэффективности оборудования.
Управление кадровым потенциалом		
«Квалификация персонала, мотивация, организация труда, обучение, безопасность на рабочем месте, управление знаниями и опытом». [10]	Высокое влияние: «недостаточная квалификация персонала приводит к ошибкам, браку, снижению производительности. Низкая мотивация персонала приводит к снижению инициативности, прогулам, текучести кадров. Неэффективная организация труда приводит к простоям, задержкам, переутомлению. Отсутствие обучения и развития персонала приводит к устареванию знаний и навыков». [10]	Разработка программ обучения и повышения квалификации. Совершенствование системы стимулирования персонала. Создание безопасных и комфортных условий труда. Оптимизация организации труда. Внедрение систем управления знаниями. Развитие корпоративной культуры, способствующей инновациям и сотрудничеству. Обеспечение баланса между автоматизацией и человеческим трудом.

Управление качеством		
«Система контроля качества на всех этапах производства, соответствие продукции стандартам и требованиям» [10].	Среднее влияние: «низкое качество продукции приводит к возвратам, рекламациям, потере клиентов, увеличению затрат на исправление брака. Высокое качество продукции повышает конкурентоспособность, увеличивает лояльность клиентов, снижает затраты на устранение дефектов» [10].	Внедрение систем управления качеством (например, ISO 9001). Постоянный мониторинг качества продукции на всех этапах производства. Внедрение методов статистического контроля качества. Обучение персонала принципам управления качеством. Использование современного оборудования для контроля качества. Проведение аудитов и анализа причин возникновения дефектов.
Планирование и управление производством		
«Точное планирование, оперативное управление производственными процессами, учет затрат, оптимизация графиков» [10].	Среднее влияние: «неэффективное планирование приводит к простоям, задержкам, нехватке или избытку запасов. Плохое управление производством приводит к увеличению затрат, снижению производительности, ухудшению качества продукции» [10].	Внедрение систем планирования производства (например, ERP, MRP). Оптимизация графиков производства. Точный учет затрат. Оперативное управление производственными процессами. Внедрение систем визуализации данных (например, дашборды). Использование методов анализа данных для выявления узких мест и оптимизации процессов.
Инфраструктура		
Состояние производственных помещений, инженерных сетей, транспортной инфраструктуры.	Среднее влияние: недостаточное или устаревшее состояние инфраструктуры приводит к простоям оборудования, снижению безопасности труда, увеличению затрат на ремонт и обслуживание.	Регулярное техническое обслуживание оборудования и инфраструктуры. Модернизация устаревшего оборудования и инфраструктуры. Обеспечение безопасных условий труда. Оптимизация логистики внутри предприятия. Энергоаудит и внедрение энергосберегающих решений.
Внешние факторы		
Экономическая ситуация, законодательство, конкуренция, потребительский спрос, политическая стабильность.	Влияние зависит от ситуации: влияние внешних факторов может быть как положительным, так и отрицательным. Необходимо учитывать эти факторы при планировании и управлении производством. Важно быть гибким и адаптироваться к изменяющимся условиям.	Анализ внешней среды (PESTEL-анализ). Адаптация к изменяющимся условиям рынка. Диверсификация производства. Развитие экспортных рынков. Сотрудничество с другими компаниями. Лоббирование интересов компании в органах власти.

* составлено авторами на основе исследований [5-10]

В дополнении к материалам представленной таблицы важно отметить, что влияние каждого фактора может варьироваться в зависимости от конкретной отрасли, размера предприятия и других факторов. В этой связи важно проводить комплексный анализ и разрабатывать индивидуальные решения для повышения эффективности производственных процессов.

В качестве перспективных направлений повышения гибкости и устойчивости производственных систем многие исследователи указывают на внедрение цифровых технологий и автоматизации. Связано это с тем, что «цифровые технологии обеспечивают сбор и анализ данных в реальном времени, что позволяет оперативно отслеживать изменения в спросе, состоянии оборудования и цепочках поставок, давая возможность быстро адаптироваться к новым условиям. Более того, автоматизация, включая роботизацию и

использование автоматизированных систем управления, снижает зависимость от человеческого фактора, уменьшает вероятность ошибок и повышает скорость выполнения производственных операций. Также цифровые платформы и облачные решения упрощают интеграцию различных этапов производства, от проектирования до поставки, обеспечивая прозрачность и координацию между отделами и партнерами. Наконец, внедрение таких технологий, как искусственный интеллект и машинное обучение, позволяет прогнозировать сбои, оптимизировать процессы и принимать более эффективные решения, тем самым повышая общую устойчивость производственной системы к внешним воздействиям и внутренним проблемам» [9].

Рассмотрим перспективы внедрения цифровых технологий и автоматизации для повышения гибкости и устойчивости производственных систем.

Первое направление – повышение гибкости производства за счет создания цифровых двойников (Digital Twins), систем управления производством (MES), использования алгоритмов машинного обучения для прогнозирования спроса, выявления потенциальных узких мест в производстве и оптимизации логистических цепочек. Также сюда можно отнести внедрение автоматизированных систем переналадки (SMED – Single-Minute Exchange of Die) оборудования, развитие гибких роботизированных комплексов, а также кастомизацию и персонализацию продукции.

Второе направление – повышение устойчивости производства. Данное направление возможно осуществить посредством разработки систем предотвращения сбоев и простоев, оптимизации логистических цепочек, внедрения системы кибербезопасности.

Третье направление – повышение эффективности и оптимизации использования ресурсов (системы мониторинга энергопотребления, оптимизация маршрутов и перемещений, повторное использование и переработка отходов) улучшения качества продукции (система машинного зрения, статистический контроль процессов (SPC), обратная связь от потребителей), повышение производительности (автоматизация рутинных операций, оптимизация рабочих процессов, обучение персонала).

Таким образом, можно сделать вывод, что внедрение цифровых технологий и автоматизации выступают ключевым фактором повышения гибкости и устойчивости современных производственных систем. Цифровизация позволяет создать «умное» производство, где данные в режиме реального времени собираются и анализируются, что обеспечивает оперативное принятие решений, оптимизацию процессов и адаптацию к изменяющимся условиям рынка. Автоматизация, в свою очередь, позволяет сократить зависимость от человеческого фактора, повысить скорость и точность выполнения операций, а также снизить затраты. Интеграция этих двух подходов позволяет предприятиям быстро перенастраивать производственные линии, внедрять новые продукты и услуги, а также эффективно реагировать на внезапные сбои и колебания спроса, тем самым обеспечивая устойчивость бизнеса в динамичной среде.

Для достижения максимальной эффективности организации бизнес-процессов необходимо комплексно подходить к их оптимизации. Интеграция таких мощных инструментов, как бережливое производство (Lean Manufacturing) и теория ограничений (Theory of Constraints – TOC), позволяет создать синергетический эффект, устраняя потери и фокусируясь на критических узких местах.

Интеграция Lean и TOC основывается на признании, что эти методологии не противоречат друг другу, а скорее дополняют. TOC определяет и устраняет наиболее существенные ограничения, которые мешают организации достичь своих целей. Lean, в свою очередь, обеспечивает постоянное улучшение процессов, снижает потери и повышает гибкость, особенно после устранения ключевых ограничений.

На первом этапе интеграции используется методология TOC для выявления самого узкого места (ограничения) в системе. Это может быть физическое ограничение (оборудование, персонал), политика или даже рынок. Далее, после определения ограничений

необходимо максимально эффективно использовать его текущие возможности. Это может включать оптимизацию графика работы, перераспределение ресурсов и устранение простоев. Все остальные процессы и ресурсы должны быть подчинены ограничению. Это означает, что темп работы других участков должен быть синхронизирован с темпом работы ограничения, чтобы избежать образования излишних запасов перед ним. Если после эксплуатации и подчинения ограничение все еще остается самым узким местом, необходимо рассмотреть возможности его расширения. Это может включать инвестиции в новое оборудование, обучение персонала или изменение бизнес-процессов. После расширения ограничения необходимо вернуться к первому шагу и повторить процесс.

Параллельно с процессом ТОС (и особенно после снятия основных ограничений) внедряются инструменты Lean для постоянного улучшения процессов, устранения потерь и повышения гибкости во всех областях, кроме текущего ограничения. Это позволяет поддерживать высокую эффективность системы в целом.

Основными преимуществами интеграции можно назвать следующие:

1. «Концентрация усилий на устранении ограничений с помощью ТОС, которые оказывают наибольшее влияние на результаты.
2. Обеспечение постоянного улучшения процессов на основе Lean, что снижает потери и повышает эффективность использования ресурсов.
3. Интеграция Lean и ТОС позволяет компании быстро адаптироваться к изменениям на рынке и в потребностях клиентов.
4. Устойчивое повышение производительности и рентабельности за счет постоянного устранения ограничений и совершенствования процессов.
5. Сочетание лучших практик обеих методологий позволяет добиться результатов, которых невозможно достичь при использовании каждой из них в отдельности» [10].

Таким образом, предлагаемая модель Lean и ТОС – это инструмент для обеспечения устойчивого роста экономики организации. Ключевым является понимание того, что обе методологии работают лучше всего в синергии, а не как отдельные инструменты.

Заключение

В заключение проведенного исследования следует отметить, что развитие производственных систем в условиях мобилизованной экономики - сложная и многогранная задача. Проведенный анализ современных подходов и перспектив развития выявил ключевые факторы, влияющие на эффективность производственных процессов в условиях мобилизационной экономики. Результаты исследования подтверждают, что адаптация стратегий управления, гибкость и устойчивость производственных систем играют решающую роль в развитии мобилизационной экономики. При этом внедрение цифровых технологий и системы автоматизации, а также интеграция методов оптимизации, таких как бережливое производство и теория ограничений, являются перспективными направлениями для повышения эффективности работы производственных систем.

Предложенная в завершении исследования модель интеграции различных методов оптимизации производственных элементов системы может служить основой для разработки комплексных стратегий ее развития, способных эффективно функционировать в условиях мобилизационной экономики. Проведение дальнейших исследований в этой области позволит углубиться в оценку влияния специфических отраслевых факторов и разработку конкретных рекомендаций для различных типов производств.

Список источников

1. Harris S.E. Inflation and anti-inflationary policies of American states. N.Y., 1950.
2. Берсенев В.Л. Мобилизационная модель экономического развития в контексте историографического анализа // *Magistra Vitae: электронный журнал по историческим наукам и археологии*. 2016. № 1. С. 15–20.

3. Мобилизационное развитие общества. – URL: [Электронный ресурс] <http://voluntary.ru/dictionary/1109/word/mobilizacionoe-razvitie-obschestva> Режим доступа свободный. (Дата обращения 01.03.2025).

4. Совершенствование и развитие производственной системы: разбираем методы и алгоритм [Электронный ресурс] <https://www.finkont.ru/blog/sovershenstvovanie-i-razvitie-proizvodstvennoy-sistemy/> Режим доступа свободный. (Дата обращения 01.03.2025).

5. Устойчивое развитие России в условиях глобальных изменений / М.Ю. Евсин, И.В. Измалкова, Т.Ю. Исмаилова [и др.]. – Тамбов : Издательский дом «Державинский», 2023. – 106 с. – ISBN 978-5-00078-704-5. – EDN AIWGAL.

6. Юдин, О.И. Система управления рисками в условиях нестабильности экономики / О.И. Юдин, О.Ю. Савенкова // Современные проблемы эффективного использования социально-экономического потенциала региона и пути их решения : Материалы международной научно-практической конференции, Липецк, 11–12 апреля 2013 года / рецензенты: Нечаев Н.Г., Меркулов Н.Д. – Липецк: Издательство Першина Р.В., 2013. – С. 179-181. – EDN TBZGOJ.

7. Обеспечение устойчивого развития региональных экономических систем в современных условиях : монография / И.Н. Макаров, Е.Е. Володина, О.Ю. Смыслова [и др.]. – Уфа : Аэтерна, 2024. – 176 с. – ISBN 978-5-00249-109-4. – EDN ECEVGI.

8. Пути и механизмы преодоления социально-экономических диспропорций регионов России : монография / И.Н. Макаров, О.Ю. Смыслова, Э.А. Авдеева [и др.]. – Уфа : Аэтерна, 2025. – 186 с. – ISBN 978-5-00249-148-3. – EDN OQRKSL.

9. Смыслова, О.Ю. Национальные цели и государственная политика пространственного развития в условиях ресурсных ограничений / О.Ю. Смыслова // Современное государственное и муниципальное управление: проблемы, технологии, перспективы : сборник материалов X Международной научно-практической конференции, Донецк, 25 апреля 2024 года. – Донецк: Донецкий национальный технический университет, 2024. – С. 467-474. – EDN JWUGJA.

10. Смыслова, О.Ю. Региональные производственные системы в мобилизационной экономике: риски и условия развития / О.Ю. Смыслова, Р.А. Хачатрян, К.А. Мелконян // ЭФО: Экономика. Финансы. Общество. – 2024. – № 4(12). – С. 62-74. – DOI 10.24412/2782-4845-2024-12-62-74. – EDN QHRVXR.

References

1. Harris S.E. Inflation and anti-inflationary policies of the American states. N.Y., 1950.
2. Bersenev V.L. The mobilization model of economic development in the context of historiographical analysis // *Magistra Vitae: electronic journal of Historical Sciences and Archeology*. 2016. No. 1. pp. 15-20.
3. Mobilization development of society. – URL: [Electronic resource] <http://voluntary.ru/dictionary/1109/word/mobilizacionoe-razvitie-obschestva> Access mode is free. Date of request 03/01/2025
4. Improvement and development of the production system: analyzing methods and algorithm [Electronic resource] <https://www.finkont.ru/blog/sovershenstvovanie-i-razvitie-proizvodstvennoy-sistemy/> / The access mode is free. Date of request 03/01/2025
5. Sustainable development of Russia in the context of global changes / M.Y. Evsin, I.V. Izmailkova, T.Y. Ismailova [et al.]. Tambov : Derzhavinsky Publishing House, 2023. 106 p. ISBN 978-5-00078-704-5. EDN AIWGAL.
6. Yudin, O. . Risk management system in conditions of unstable economy / O.I. Yudin, O.Yu. Savenkova // Modern problems of effective use of the socio-economic potential of the region and ways to solve them : Proceedings of the international scientific and practical conference, Lipetsk, April 11-12, 2013 / reviewers: Nechaev N.G., Merkulov N.D. Lipetsk: Pershina R.V. Publishing House, 2013. pp. 179-181. EDN TBZGOJ.

7. Ensuring the sustainable development of regional economic systems in modern conditions : a monograph / I.N. Makarov, E.E. Volodina, O.Y. Smyslova [et al.]. Ufa : Aeterna, 2024. 176 p. ISBN 978-5-00249-109-4. - EDN ECEVGI.

8. Ways and mechanisms of overcoming socio-economic imbalances in the regions of Russia : a monograph / I.N. Makarov, O.Y. Smyslova, E.A. Avdeeva [et al.]. Ufa : Aeterna, 2025. - 186 p. – ISBN 978-5-00249-148-3. – EDN OQRKSL.

9. Smyslova O.Y. National goals and state policy of spatial development in conditions of resource constraints / O.Y. Smyslova // Modern state and municipal management: problems, technologies, prospects : proceedings of the X International Scientific and Practical Conference, Donetsk, April 25, 2024. Donetsk: Donetsk National Technical University, 2024. pp. 467-474. EDN JWUGJA.

10. Smyslova, O.Y. Regional production systems in the mobilization economy: risks and conditions of development / O.Y. Smyslova, R.A. Khachatryan, K.A. Melkonyan // EFO: Economics. Finance. The Society. – 2024. – № 4(12). – Pp. 62-74. – DOI 10.24412/2782-4845-2024-12-62-74. – EDN QHRVXR.

МАЛЫЙ И СРЕДНИЙ БИЗНЕС В РОССИИ: СОСТОЯНИЕ, ВЫЗОВЫ, ТЕНДЕНЦИИ

Л.И. Черникова, С.А. Кирилевич, Я.Д. Минкин

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации
(Москва, Россия)

***Аннотация.** В статье рассматриваются состояние, вызовы и тенденции развития малого и среднего предпринимательства (МСП) в России в современных экономических условиях. На основе анализа научных публикаций и официальной статистики автором выявлены противоречия в развитии сектора, связанные с доминированием торговли и услуг, ростом количества микропредприятий и самозанятых при снижении их вклада в ВВП. Определены основные вызовы, которые представлены следующими направлениями: санкционное давление, административные и налоговые барьеры, низкая эффективность господдержки и др. В заключении обозначены перспективные направления развития МСП, сопряженные с идеями цифровизации, импортозамещения и структурной диверсификации государственной поддержки с целью повышения конкурентоспособности сектора МСП и вносимого им вклада в национальную экономику России.*

***Ключевые слова:** малый и средний бизнес, государственная поддержка, цифровизация, импортозамещение, санкции, самозанятые, экономическая политика.*

SMALL AND MEDIUM-SIZED BUSINESS IN RUSSIA: STATE, CHALLENGES, AND TRENDS

L.I. Chernikova, S.A. Kirilevich, Y.D. Minkin

Financial University under the Government of the Russian Federation
(Moscow, Russia)

***Abstract.** The article examines the state, challenges, and trends in the development of small and medium-sized enterprises (SMEs) in Russia under current economic conditions. Based on the analysis of scientific publications and official statistics, the author identifies contradictions in the sector's development, including the dominance of trade and services, the growth in the number of micro-enterprises and self-employed individuals, and the simultaneous decrease in their contribution to GDP. Key challenges are defined, such as sanction pressure, administrative and tax barriers, and low efficiency of state support. The conclusion outlines promising directions for SME development, including digitalization, import substitution, and structural diversification of government support aimed at enhancing the sector's competitiveness and its contribution to Russia's national economy.*

***Keywords:** small and medium-sized business, government support, digitalization, import substitution, sanctions, self-employed, economic policy.*

Введение

Стимулирование развития малого и среднего бизнеса в современной Российской Федерации представляется в качестве одной из фундаментальных задач, ориентированных на повышение эффективности социально-экономического развития ввиду вносимого малым и средним бизнесом вклада в темпы формирования национальной экономики. В последние

годы ввиду усиливающегося санкционного давления идеи развития субъектов малого и среднего предпринимательства (далее – МСП) напрямую связываются с повышением конкурентоспособности России, т.к. традиционно субъекты МСП оказываются наиболее «подвижными» с точки зрения готовности к реформированию условий своей деятельности. С другой стороны, в научной литературе [6; 9; 10] фиксируется неоднозначное и местами усугубляющееся положение МСП в России, что актуализирует необходимость конкретизации современного состояния, вызовов и тенденций функционирования субъектов МСП в национальной экономике.

Цель исследования – охарактеризовать современное состояние, вызовы и актуальные тенденции в развитии малого и среднего бизнеса в России.

Основная часть

Состояние МСП является предметом множества дискуссий, содержание которых связывается с уточнением концептуально-теоретического, потенциального и реального влияния деятельности МСП на эффективность экономики. Так, как верно выделяют Э.Ф. Галямова и Е.Ю. Злобина, функционирование МСП в экономике, действительно, характеризуется неоднозначно. Причина тому – происходящие противоречивые тенденции, связанные со стремлениями государства стимулировать рост сектора МСП, и при этом наблюдающиеся диспропорции в качестве и состоянии развития МСП. Авторы отмечают, что в целом за последние годы вносимый вклад МСП в формирование ВВП страны сокращается; подобное является негативной тенденцией, которая на перспективу приводит к укреплению дифференциации экономики. Вместе с тем количество МСП неуклонно растет – при этом сохраняется существенный разрыв в количественных и качественных показателях функционирования малого и среднего бизнеса относительно регионов [2].

Схожие аспекты современного состояния МСП в России приводятся и в работе С.В. Бекаревой и А.О. Черненко, которыми признается необходимость проведения обоснованной оценки вносимого вклада в развитие МСП в структурные преобразования экономики. На примере экономики региона авторы выделяют несколько групп факторов влияния на МСП в ракурсе региональной экономической системы (см. рис. 1).

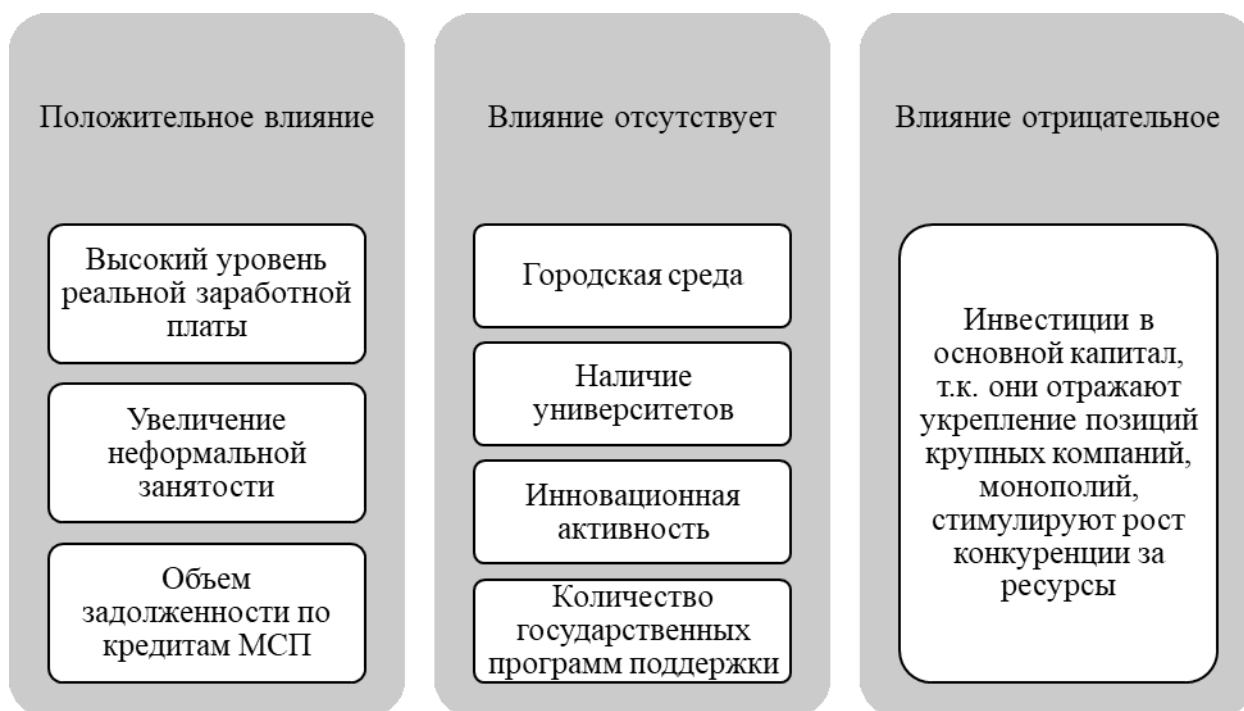

Рис. 1. Факторы, влияющие на состояние МСП в экономике региона, составлено автором по данным [1]

Тем не менее, несмотря на неоднозначные позиции о современном состоянии МСП в экономике, выразим согласие с точкой зрения А.А. Кочнева, который раскрывает опыт развитых и развивающихся стран по стимулированию качественных преобразований МСП. Автор отмечает, что МСП, как правило, функционируют с учетом особенностей конкретной экономики, однако доля и вносимый вклад МСП в успешных экономиках достаточно высок [7].

Для национального малого и среднего бизнеса характерными влияниями, тесно связанными с эффективностью, становятся проблемы отраслевого и макроэкономического характера, которые приводят к возникновению адресных проблем. На фоне турбулентности национальной экономики, по мнению Р.А. Шичиях, К.Д. Рожковой и Е.А. Ткаченко, ужесточается денежно-кредитная политика Центрального Банка, усиливаются мероприятия в области обеспечения экономической безопасности; оборотной стороной проявляется снижение доступности кредитов, высокая зависимость субъектов МСП от доступности государственной поддержки и снижение общего благосостояния населения [10]. Поэтому в условиях внешних ограничений развитие предпринимательства осуществляется, как верно подчеркивают И.Н. Корабейников, А.В. Курлыкова и И.В. Киргизова, в фокусе на предупреждение и преодоление фундаментальных ограничений функционирования. Основным в условиях санкций для сектора МСП авторы видят проблемы сокращения доступности человеческого капитала, недостаточно инновационный характер работы, а также зависимость от ресурсов, ограничение доступа к которым приводит к существенному ухудшению состояния МСП [6].

По этой же причине в современных условиях все большее внимание уделяется поддержке и сопровождению деятельности субъектов МСП, которая хотя и приобретает строго государственный характер, в конечном счете обеспечивает дополнительный вклад в функционирование национальной экономики, значима в ракурсе долгосрочных последствий стимулирования отдельных предпринимательских единиц. По данным исследования М.В. Шатохина и С.О. Новосельского, в интересах государства стоит задача развивать МСП и делать МСП как форму занятости более распространенной. По этой же причине сегодня все больший оборот приобретает самозанятость. Наиболее существенными рисками долгосрочного ухудшения состояния МСП авторы видят [9]:

- во-первых, снижение уровня потребительского спроса, за которым последует критическое сокращение доходов МСП; кроме того, потребительский спрос, как правило, «страдает» на фоне снижения реального благосостояния и доходов населения;

- во-вторых, свертывание программ государственной поддержки, их переориентация, снижение эффективности и доступности, которые сегодня, фактически, замещают многие независимые механизмы стимулирования деятельности МСП (привлечение капитала, в том числе кредитных денег);

- в-третьих, утрата доступа к зарубежным поставкам и каналам сбыта, что приводит к невозможности реализовывать традиционные форматы деятельности;

- в-четвертых, критическое ухудшение рентабельности – способности МСП формировать прибыль в ходе своей деятельности;

- в-пятых, логистические препятствия, связанные с тем, что на логистику приходится до 1/5 частей традиционных расходов, а в некоторых случаях логистика может формировать свыше половины конечной стоимости продукта.

Учитывая представленные риски, многие из проблем функционирования и развития малого и среднего бизнеса в России могут быть представлены в ракурсе следующих проявлений и перспектив их преодоления (см. рис. 2). Во многом они обосновываются в современной научной литературе интегрально; например, Н.З. Зотикова считает, что несмотря на амбициозные цели Национального проекта по развитию МСП, достижение многих из них оказывается затруднительным ввиду существующих противоречий в деятельности МСП. Структура предприятий недостаточно дифференцирована; количество

занятых в МСП сокращается, и многие компании ограничиваются строго малыми форматами деятельности [5].

Рис. 2. Проблемы долгосрочного стратегического развития МСП в условиях современной экономики, составлено автором по данным [5; 9]

Вместе с тем нельзя исключать и ряд успехов в развитии МСП, произошедших за последние годы. Согласно официальной информации Минэкономразвития, число МСП в России превысило отметку в 6,59 млн. ед.; в секторе на текущем этапе занято 39% работающего населения страны, а в ряде регионов данный показатель превышает или приближается к 50% [8].

По информации из Единого реестра субъектов МСП, общая структура МСП по федеральным округам и субъектам распределяется следующим образом (см. рис. 3):

Рис. 3. Количество субъектов МСП в разрезе федеральных округов и субъектов, по данным на 10.03.2025 г., составлено автором по данным [4]

В разрезе распределения субъектов МСП на юридических и физических лиц (ИП), их соотношение находится на уровне 34,14% и 65,86% соответственно; при этом преобладают среди МСП именно микропредприятия – их доля в суммарном количестве субъектов МСП составляет 96%. За ними следуют малые предприятия с чуть более 3% и средние предприятия с менее 1% [4].

Отметим, что одним из важных трендов развития МСП в современной экономике остается государственная поддержка; на момент 15.03.2025 г. согласно данным Единого реестра субъектов МСП – получателей поддержки, совокупно было оказано поддержки суммарным объемом свыше 3 трлн. руб. и более 66,9 млн. часов. Основными получателями поддержки выступили микропредприятия – на них приходится 87,59% поддержки; оставшаяся часть поддержки оказана малым предприятиями (5,21%) и средним предприятиям (0,53%). Чаще всего поддержку получают ИП – 64,65%, юридические лица (27,31%), самозанятые (8,79%) и главы крестьянского (фермерского) хозяйства (2,02%). В 99,95% случаев поддержка оказывается целевой и достаточной. При этом наиболее востребованной остается финансовая поддержка, структура которой отражена на рис. 4:

Рис. 4. Структура финансовой поддержки субъектов МСП в России по категориям, ед. случаев поддержки всего к 15.03.2025 г., составлено автором по данным [3]

Отметим, что в целом существующие данные по формам и видам оказанной поддержки субъектам МСП в России показывает что с момента запуска соответствующих программ основной упор сделан на финансовую помощь. Всего зафиксировано свыше 11,2 млн фактов поддержки, из которых почти половина (47,77%) приходится именно на финансовую поддержку. Данное направление включает прежде всего предоставление субсидий и грантов (38,01%), что значительно превышает другие формы финансовой помощи, например, возвратное финансирование составило 6,63%, а гарантийная поддержка лишь 2,61%. Остальные формы, связанные с инвестициями в капитал, лизингом, социальными выплатами, имели крайне низкую долю (менее 1%).

На втором месте по масштабам применения стоит консультационная поддержка, которая охватывает около 35,93% всех оказанных услуг. Наиболее востребованными в данной категории остаются иные консультационные услуги (10,12%), консультации по мерам господдержки (8,96%) и комплексные консультационные услуги (5,73%). Также востребованы правовая помощь, маркетинговые и финансовые консультации. В то же время консультации по инновациям, сертификации, образованию и имуществу остаются в числе наименее реализуемых, т.к. каждая из них занимает менее 0,3%.

Образовательная поддержка заняла третью позицию по объёму – составила 11,28% от общего числа; преобладают следующие формы поддержки – организация и проведение семинаров, тренингов, форумов (9,46%). Другое направление – информационная поддержка составила 4,37%, причем в ней преобладающим остается предоставление информации (3,2%) и проведение мероприятий, направленных на популяризацию предпринимательства (1%). Остальные направления реализовывались скорее эпизодически. Имущественная поддержка представлена менее чем 1% (0,52%) всех фактов. Основу здесь составляет передача в аренду недвижимости (0,33%); передача движимого имущества, льготы или отсрочки по арендным платежам при этом остаются точечными. Инновационная поддержка практически отсутствует – её доля составляет всего 0,13% от всех случаев и форм предоставляемой государственной помощи. Преобладают производственные работы (0,08%), с минимальным участием научно-исследовательских и опытно-конструкторских разработок [3].

Таким образом, сформировавшаяся государственная система поддержки МСП в России основное внимание уделяет идеям финансирования и проведения консультаций; в то же время инновационные и имущественные формы поддержки остаются крайне ограниченными. Слабо представлены мероприятия, непосредственно способствующие производственному и технологическому росту, что может объяснять доминирование торговых и сервисных направлений среди субъектов МСП и снижение доли сектора в структуре ВВП.

Заключение

Таким образом, обобщая результаты проведенного изучения состояния, вызовов и тенденций развития малого и среднего предпринимательства в современных экономических условиях, важным результатом исследования видится конкретизация современного состояния, основных вызовов и актуальных тенденций в развитии МСП в России:

1. Во-первых, современное состояние МСП характеризуется в ракурсе неравномерности и противоречивости развития, что проявляется в выраженной отраслевой диспропорции (доминировании торговых и сервисных предприятий над производственными), численном преобладании индивидуальных предпринимателей и микропредприятий над малыми и средними компаниями, а также сохранении существенного разрыва в уровнях развития субъектов МСП между регионами. Несмотря на количественный рост субъектов МСП, показатели, отражающие качество функционирования, (вклад в ВВП, уровень инновационной активности, выработка на одного занятого и др.) остаются низкими и демонстрируют негативную динамику.

2. Во-вторых, основными в развитии МСП остаются вызовы и проблемы, сопряженные с последствиями внешнего санкционного давления, которое ограничивает

доступ субъектов МСП к зарубежным рынкам, технологиям и ресурсам; сохраняющейся неэффективностью государственной поддержки, выраженной в ограниченной адресности и недостаточной диверсификации форм помощи; высоким уровнем административной и налоговой нагрузки, усиливающей тенденции ухода бизнеса в теневой сектор; устареванием критериев и нормативов, регулирующих отнесение субъектов к категориям МСП, а также слабо выраженной мотивацией местных органов власти к активной поддержке развития МСП.

3. В-третьих, перспективными тенденциями развития МСП стоит признать активную цифровизацию деятельности, выражающуюся в увеличении доли онлайн-торговли и продвижении на маркетплейсах, использовании электронного документооборота и сервисов автоматизации; ускоренные темпы роста числа самозанятых и микропредприятий, что отражает стремление субъектов бизнеса к упрощению организационно-правовых форм и налогового регулирования; ориентацию на внутренний рынок и импортозамещение с целью замещения ушедших с рынка иностранных компаний, а также усиливающееся осознание необходимости диверсификации форм государственной поддержки в сторону инновационных и производственных проектов, что может способствовать постепенному качественному изменению структуры МСП и укреплению его роли в российской экономике.

Таким образом, для устойчивого развития малого и среднего предпринимательства в России необходимо преодолеть существующие диспропорции и вызовы, повысить эффективность государственной поддержки, активизировать внедрение инновационных и цифровых технологий, а также адаптировать стратегические меры к новым реалиям, что в конечном итоге позволит повысить роль МСП в экономическом росте страны и обеспечить их конкурентоспособность на внутреннем и внешнем рынках.

Список источников

1. Бекарева С.В., Черненко А.О. Факторы, определяющие вклад малого и среднего бизнеса в экономику регионов России // Вестник Омского университета. Серия: Экономика. – 2024. – № 2. – С. 94–104.
2. Галямова Э.Ф., Злобина Е.Ю. Влияние сектора малого и среднего предпринимательства на развитие региональной экономики (на примере субъектов Приволжского федерального округа) // Вестник Удмуртского университета. Серия: Экономика и право. – 2023. – Т. 33. № 2. – С. 217–222.
3. Единый реестр субъектов малого и среднего предпринимательства – получателей поддержки [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://rmsp-pr.nalog.ru/statistics.html#statdate=15.03.2025> (дата обращения: 19.03.2025).
4. Единый реестр субъектов малого и среднего предпринимательства [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://rmsp.nalog.ru/index.html> (дата обращения: 20.03.2025).
5. Зотиков Н.З. Малое и среднее предпринимательство в ходе выполнения нацпроекта // Вестник Челябинского государственного университета. – 2024. – № 10 (492). – С. 104–115.
6. Корабейников И.Н., Курлыкова А.В., Киргизова И.В. Особенности развития предприятий малого и среднего бизнеса в условиях внешних ограничений // Интеллект. Инновации. Инвестиции. – 2023. – № 4. – С. 11–22.
7. Кочнев А.А. Малое и среднее предпринимательство в развитых странах: особенности и перспективы развития // Прогрессивная экономика. – 2023. – № 1. – С. 5–25.
8. Рекордных 6,59 млн достигло число малых и средних предприятий в России [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.economy.gov.ru/material/news/rekordnyh_659 mln_dostiglo_chislo_malyh_i_srednih_predpriyatij_v_rossii.html (дата обращения: 17.03.2025).

9. Шатохин М.В., Новосельский С.О. Государственная поддержка малого и среднего предпринимательства как важнейший фактор политической стабильности // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. – 2023. – Т. 13. № 4. – С. 106–114.
10. Шичиях Р.А., Рожкова К.Д., Ткаченко Е.А. Малый и средний бизнес в условиях санкций // Естественно-гуманитарные исследования. – 2023. – № 4 (48). – С. 369–374.

Reference

1. Bekareva S.V., Chernenko A.O. Factors determining the contribution of small and medium-sized businesses in the economy of Russian regions // Vestnik of Omsk University. Series: Economics. - 2024. - № 2. - С. 94-104.
2. Galiamova E.F., Zlobina E.Yu. Influence of the sector of small and medium entrepreneurship on the development of regional economy (by the example of the subjects of the Volga Federal District) // Vestnik of Udmurt University. Series: Economics and Law. - 2023. - Т. 33. № 2. - С. 217-222.
3. Unified register of small and medium-sized businesses - recipients of support [Electronic resource]. - Access mode: <https://rmsp-pp.nalog.ru/statistics.html#statdate=15.03.2025> (access date: 19.03.2025).
4. The unified register of subjects of small and medium business [Electronic resource]. - Access mode: <https://rmsp.nalog.ru/index.html> (date of address: 20.03.2025).
5. Zotikov N.Z. Small and medium-sized entrepreneurship during the implementation of the national project // Bulletin of Chelyabinsk State University. - 2024. - № 10 (492). - С. 104-115.
6. Korabeinikov I.N., Kurlykova A.V., Kirgizova I.V. Features of the development of small and medium-sized enterprises under external constraints // Intellect. Innovations. Investments. - 2023. - № 4. - С. 11-22.
7. Kochnev A.A. Small and medium-sized entrepreneurship in developed countries: features and prospects of development // Progressive Economics. - 2023. - № 1. - С. 5-25.
8. Record 6.59 million reached the number of small and medium-sized enterprises in Russia [Electronic resource]. - Access mode: https://www.economy.gov.ru/material/news/rekordnyh_659 mln_dostiglo_chislo_malyh_i_srednih_predpriyatiy_v_rossii.html (date of reference: 17.03.2025).
9. Shatokhin M.V., Novoselsky S.O. State support for small and medium-sized enterprises as a major factor of political stability // Humanities. Bulletin of the Financial University. - 2023. - Т. 13, № 4. - С. 106-114.
10. Shichiyakh R.A., Rozhkova K.D., Tkachenko E.A. Small and medium business under sanctions // Natural and Humanitarian Research. - 2023. - № 4 (48). - С. 369-374.

ТРАНСФОРМАЦИЯ РЫНКА ТРУДА ПОД ВЛИЯНИЕМ ГИГ-ЭКОНОМИКИ

К.В. Алтунин, Н.М. Степаненкова

Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина
(Елец, Россия)

***Аннотация.** В статье рассматривается трансформация рынка труда в условиях развития гиг-экономики – системы краткосрочных трудовых отношений, опосредованных цифровыми платформами. Актуальность темы статьи обусловлена стремительным ростом платформенной занятости в настоящее время.*

В работе анализируются ключевые факторы, способствующие росту применения гиг-модели занятости, включая глобализацию, цифровизацию, экономическую нестабильность и изменение ценностей новых поколений. Особое внимание уделяется сферам, где гиг-экономика получила наибольшее распространение: такси, доставка, IT, креативные индустрии, образование и медицина.

Исследование демонстрирует противоречивый характер гиг-экономики: с одной стороны, она предоставляет работникам гибкость и автономность, с другой – приводит к прекаризации труда, отсутствию социальных гарантий и нестабильности их доходов. В статье выделяются ключевые проблемы, с которыми сталкиваются гиг-работники: постоянно меняющиеся и непрозрачные алгоритмы условий работы на цифровых платформах, отсутствие карьерного роста, психологическая нагрузка и социальная изоляция.

В статье обобщены основные причины отставания российского сектора гиг-экономики от уровня развитых стран, прежде всего из-за наличия институциональных барьеров, технологического отставания, низких доходов населения и различных социокультурных факторов).

В заключении приводится описание задач, требующих первостепенного решения на государственном уровне и меры по их решению, что будет способствовать превращению гиг-экономики в драйвер устойчивого развития нашей страны

Статья представляет интерес для исследователей современного рынка труда, экономистов, социологов, а также представителей государственных органов, занимающихся трудовой политикой.

***Ключевые слова:** гиг-экономика, занятость, рынок труда, цифровизация, прекаризация.*

TRANSFORMATION OF THE LABOR MARKET UNDER THE INFLUENCE OF THE GIG ECONOMY

K.V. Altunin, N.M. Stepanenkova

Bunin Yelets State University
(Yelets, Russia)

***Abstract.** The article examines the transformation of the labor market in the context of the development of the gig economy – a system of short-term employment relationships mediated by*

digital platforms. The relevance of the topic is driven by the rapid growth of platform-based employment today.

The study analyzes key factors contributing to the rise of the gig employment model, including globalization, digitalization, economic instability, and shifting values among younger generations. Special attention is paid to the sectors where the gig economy has become most widespread: ride-hailing, delivery services, IT, creative industries, education, and healthcare.

The research highlights the contradictory nature of the gig economy: on one hand, it offers workers flexibility and autonomy, while on the other, it leads to labor precarization, lack of social protections, and income instability. The article identifies key challenges faced by gig workers: the risk of unstable income, absence of social guarantees, constantly changing and opaque algorithmic working conditions on digital platforms, lack of career growth, psychological stress, and social isolation.

The article summarizes the main reasons for the lag of Russia's gig economy sector behind developed countries, primarily due to institutional barriers, technological backwardness, low population incomes, and various socio-cultural factors.

In conclusion, the article outlines priority tasks requiring government-level solutions and proposes measures to address them, which could help transform the gig economy into a driver of sustainable development in the country.

The article is of interest to researchers of the modern labor market, economists, sociologists, and policymakers involved in labor regulation.

Keywords: *gig economy, employment, labor market, digitalization, precarization.*

В XXI веке рынок труда претерпел значительные изменения. Глобальные процессы цифровизации экономики привели к появлению качественно иных трудовых практик. В соответствии с Международной организацией труда такие практики и формы занятости классифицируются как нестандартные, несмотря на их масштабное развитие и распространение [12, с. 3]. Глобализация и цифровизация стали ключевыми драйверами, сделавшими возможным удаленную работу и кросс-границное взаимодействие. Финансовый кризис 2008 года ускорил переход компаний к гибким формам занятости, позволяющим сокращать издержки. Развитие интернета, мобильных технологий и облачных сервисов создало инфраструктуру для платформ, связывающих работников и заказчиков напрямую. Поколение миллениалов и зумеров, ценящее свободу и баланс между работой и личной жизнью, стало предпочитать проектный формат деятельности традиционной карьере. В сложившихся обстоятельствах отечественный и зарубежные рынки труда подвержены процессам фундаментальной трансформации – на первое место выходят такие формы занятости, как удаленная работа, фриланс, аутсорсинг, а главенствующей социально-экономической моделью становится гиг-экономика (гигономика) [9, с. 188].

Термины «гиг-экономика», «гиг-работник», «гиг-платформенная занятость» – относительно новые, возникшие в условиях становления цифрового общества, параллельно с прогрессом информационных технологий (ИТ), мобильных устройств и средств связи, широкополосным Интернетом и высокоскоростным соединением. Гиг-экономика – это система краткосрочных трудовых отношений, где работники выполняют отдельные задачи или проекты с использованием цифровых платформ.

Развитие занятости в гиг-экономике является наиболее знаковой трансформацией сферы труда последнего десятилетия. Представляя собой экономические отношения, осуществляемые на интернет-платформах, гиг-экономика, не замещая стандартной модели полной занятости, дополняет ее возможностями сетевого взаимодействия. По статистике, занятость в интернет-сети растет в три раза быстрее, чем традиционная. С помощью цифровых платформ бизнес находит исполнителя и заключает с ним краткосрочный договор, оплачивая не отработанные человеко-часы, а факт выполнения работ. Заказчик (компания-наниматель) может привлекать неограниченное число исполнителей под проекты, не

включая их в штат, что является средством снижения издержек и стимулом к развитию данной формы рыночных взаимоотношений.

В отличие от традиционной работы с фиксированным графиком и долгосрочным контрактом, гиг-экономика предлагает свободу выбора проектов, гибкий график и возможность работать на себя. Нередко гиг-экономике называют экономикой подработок и свободной занятости, ввиду краткосрочности связей и неформального характера сотрудничества между работодателем и исполнителем. Сегодня внештатно и удаленно работают специалисты финансовой, образовательной, строительной, транспортной – практически любой сферы. Ключевые черты гиг-модели: гибкость, автономия, зависимость от спроса и цифровых платформ, отсутствие долгосрочных обязательств, децентрализация, система рейтингов, минимизация социальных обязательств.

Рост данной формы занятости в последние десятилетия обусловлен рядом экономических, технологических и социальных факторов:

1. Гибкость и автономность. Одна из главных причин популярности гиг-экономики – возможность самостоятельно выбирать график работы, проекты и уровень нагрузки. Это особенно привлекательно для: студентов, которые могут подрабатывать в свободное от учебы время; матерей в декрете, совмещающих уход за ребенком с удаленной работой; людей с нестандартным образом жизни (путешественники, творческие работники); людей с хроническими заболеваниями или инвалидностью, для которых стандартный график недоступен. К тому же, представители молодого поколения ценят автономию и свободу в трудовой деятельности выше стабильности и предсказуемости, предпочитая проектную занятость и фриланс традиционной форме занятости на постоянном рабочем месте.

2. Развитие цифровых платформ. Развитие интернета, мобильных приложений и облачных технологий создало инфраструктуру для мгновенного взаимодействия между работниками и заказчиками. Сервисы такси (Uber, Яндекс.Такси) мгновенно связывают водителей с пассажирами. Биржи фриланса (Upwork, Fiverr, Kwork) помогают найти заказчиков по всему миру. Курьерские приложения (Delivery Club, Glovo) позволяют подрабатывать доставкой без собеседований. Цифровизация позволила масштабировать услуги, сделав гиг-модель экономически выгодной для компаний. Технологии также решают проблему доверия: рейтинги, отзывы и гарантия платежей снижают риски для обеих сторон.

3. Экономическая нестабильность и поиск дополнительного дохода. Катализатором гиг-экономической гегемонии послужила пандемия COVID-19, спровоцировавшая рост безработицы и перевод большей части персонала в режим удаленной работы: только за март 2020 г. количество соискателей увеличилось на четверть [12, с. 4]. В регионах с высоким уровнем безработицы, низким уровнем заработной платы и постоянно растущей стоимостью жизни (например, малые города России) работа в такси или доставке становится главным источником дохода. Кроме того, даже те, кто имеет основную работу, часто подрабатывают в гиг-экономике, чтобы компенсировать низкие зарплаты или накопить на крупные покупки, что отражает растущую прекаризацию труда (переход от постоянных гарантированных трудовых отношений к неустойчивым формам занятости, ведущий к практически полной потере работником социально-трудовых прав).

4. Доступ к глобальным рынкам. Компании все чаще нанимают специалистов независимо от их локации, а зачастую из других стран и даже континентов, что открывает возможности для: IT-специалистов (разработчиков, тестировщиков); виртуальных ассистентов, переводчиков, маркетологов, которые могут оказывать услуги полностью онлайн; экспертов в узких нишах, которые могут найти заказчиков через интернет.

5. Проблемы традиционного рынка труда. Многие уходят в гиг-экономике из-за таких недостатков обычной работы, как фиксированный график, медленный карьерный рост, конфликты с начальством, жесткие требования по офисному дресс-коду.

6. Ослабление регулирования и налоговая оптимизация. Во многих странах трудовое законодательство не успевает за новыми формами занятости, позволяя платформам

минимизировать социальные обязательства (медицинское страхование, пенсии). Это снижает затраты компаний, но повышает уязвимость работников, которые часто лишены социальных гарантий.

Структуру гиг-экономики составляют независимые работники, потребители услуг (работодатели) и платформы, организующие сотрудничество между ними [12, с. 5]. Как правило, независимые специалисты работают на гонорарной основе и получают оплату лишь за выполнение определенных задач. Однако работник может определять и стоимость своего рабочего времени. Коммуникацию между работодателем (потребителем услуги) и исполнителем обеспечивает независимый провайдер – платформа, на которой люди размещают информацию о получении или выполнении необходимой услуги. В общем смысле платформами выступают цифровые инфраструктуры, организующие коммуникацию между двумя и более группами [11, с. 41].

Область применения гиг-модели обширна. Рассмотрим основные сферы, где доля гиг-экономики является значительной и устойчивой.

Такси. Благодаря цифровым платформам, таким как Uber, Lyft, Bolt или российское Яндекс.Такси, где водители работают без официального трудоустройства, традиционные модели перевозок уступили место системе на условиях фриланса, а пассажиры получают услуги быстро и удобно через мобильные приложения. Платформы-агрегаторы не содержат собственный автопарк, а выступают посредниками между водителями и клиентами. Водители используют личные автомобили, работают по гибкому графику, а платформы распределяют заказы через приложения. Доход водителей зависит от спроса и комиссии платформы (20–30%). Данная модель позволяет водителям работать без найма в таксопарке, дает возможность быстро выйти на рынок, однако не гарантирует стабильный доход, лишает соцгарантий, а комиссия агрегаторов составляет значительную часть от стоимости поездки. Для пассажиров обеспечивается удобство заказа через приложение, прозрачные цены, снижение времени ожидания.

Доставка еды и товаров. Гиг-экономика трансформировала сферу доставки, сделав ее более гораздо более доступной. Благодаря цифровым платформам, таким как Uber Eats, Glovo, Деливери, Яндекс.Еда и другим, миллионы людей могут зарабатывать, выполняя заказы, а потребители – получать продукты быстро и с минимальными усилиями. Платформы-агрегаторы соединяют заказчиков, курьеров и рестораны/магазины. Они разрабатывают приложения, управляют логистикой и обеспечивают безопасность транзакций. Помимо еды, курьеры доставляют посылки через Amazon Flex, DHL MyFlex или «СДЭК Курьер». Например, в Amazon Flex водители забирают грузы со складов и развозят их по адресам, получая оплату за рейс. В сегменте продуктовых заказов выделяется Instacart в США или «Самокат» в России, где сборщики и курьеры сотрудничают через мобильные приложения.

Сфера информационных технологий. ИТ стала одной из ключевых отраслей, где гиг-экономика развивается особенно активно. Это связано с высокой востребованностью цифровых специалистов, возможностью удаленной работы и глобализацией проектов. Работать в таком формате могут фрилансеры (разработчики, дизайнеры, тестировщики, DevOps-инженеры); удаленные сотрудники на временных проектах (например, через Upwork, Toptal, Freelancer); специалисты на аутсорсе (работающие через агентства или напрямую с заказчиками). Популярными направлениями ИТ в гиг-экономике выступают веб- и мобильная разработка, кибербезопасность, Data Science и AI, DevOps и облачные технологии, контент и маркетинг.

Креативные индустрии. Платформы позволяют представителям творческих профессий продавать контент, услуги или подписки напрямую аудитории, минуя традиционных посредников (издателей, лейблы). Художники, музыканты и дизайнеры зарабатывают через Behance, 99designs или SoundBetter. Видеограф может снять рекламный ролик для бренда, найденного через Fiverr, а автор комиксов – опубликовать контент на

Patreon. Писатели публикуют книги на Amazon Kindle или ведут блоги на Substack, получая доход от количества подписчиков.

Медицина. Телемедицина расширяет возможности: врачи консультируют пациентов через Teledoc или «Яндекс.Здоровье». Медсестры и сиделки находят заказы через Care.com, а лабораторные курьеры, перевозящие анализы, часто трудятся как гиг-работники через сервисы вроде LabCorp OnDemand.

Образование. Репетиторы преподают языки на Preply или Skyeng, а эксперты проводят корпоративные тренинги через LinkedIn Learning. Преподаватели вузов получают дополнительный доход, создавая курсы на Udemy или Coursera. Даже ниша академического консалтинга (например, помощь в написании диссертаций через EduBirdie) существует в гиг-формате.

Другие сектора также представлены в формате гиг-экономики.

Юриспруденция. Платформы LegalZoom или «Правовед» соединяют юристов с клиентами для разовых консультаций.

Консалтинг. Эксперты в области маркетинга или менеджмента работают через Catalant или «Профи.ру».

Недвижимость. Агенты-фрилансеры сотрудничают с агентствами на проектной основе, используя CRM-системы вроде Zoho.

Бытовые услуги. Мастера по ремонту находят заказы через YouDo или «Профи», а уборщики – через Helpling.

Ивент-индустрия. Аниматоры, официанты или ведущие мероприятий нанимаются через GigSalad или локальные Telegram-чаты.

Следует отметить, что гиг-экономика все еще не является объектом официальных статистических наблюдений. Источниками эмпирических данных, характеризующих ее масштаб, динамику и структуру, являются результаты немногочисленных исследований научных организаций и консалтинговых компаний [2]. Согласно результатам одного из них (данные Исследовательского института ADP), в гиг-экономике уже занята треть трудоспособного населения мира [4]. Размер мирового рынка гиг-экономики в 2022 году составлял 355 млрд долларов, а к 2028 году, по прогнозам, он увеличится до 873 млрд долларов [7]. Значимым трендом последних лет стал рост доходов самозанятых работников. Во всем мире суммарный доход гиг-работников в 2020 году составил 1,7 триллиона долларов США, а рост средней заработной платы – 33%. В среднем по миру доходы занятых в гиг-экономике составляют \$21 в час, в США – от \$31 до \$115 в час. Встречаются и более высокие ставки оплаты, но они достаточно редки.

В развитых странах (США, ЕС, Япония) доля работников гиг-сектора выросла с 10 – 15% в 2015 году до 25–30% в 2025-м. Например, в США доля работников, занятых через платформы вроде Uber, Upwork или TaskRabbit, выросла с 12% в 2015 году до 31% в 2025-м. В ЕС аналогичный показатель достиг 28%, причем в Германии и Нидерландах гиг-работники получили доступ к социальным льготам (например, частичное пенсионное страхование через платформы). Росту гиг-экономики сильно поспособствовала пандемия COVID-19: удаленная работа, доставка еды и онлайн-услуги стали нормой.

В России рост гиг-сектора заметен, но более скромный: с 5% в 2015 году до 16% в 2025-м. Основные ниши – такси (Яндекс, Ситимобил), доставка (Самокат, Delivery Club) и IT-фриланс. Для российского сектора гиг-экономики характерен сильный региональный дисбаланс: 80% гиг-работников сосредоточены в Москве, Санкт-Петербурге и городах-миллионниках. В малых городах и селах возможности такой формы занятости часто отсутствуют из-за слабой цифровой инфраструктуры. Санкции, введенные против России в 2022 году, изолировали российский рынок: блокировка PayPal, ограничения на Upwork и Fiverr вынудили фрилансеров переходить на локальные платформы (Kwork, FL.ru), которые менее конкурентоспособны и предлагают меньшие гонорары. Средний доход российского

фрилансера в 2025 году – 40-50 тыс. рублей в месяц, что вдвое ниже, чем у коллег из Восточной Европы.

В этой связи необходимо рассмотреть ключевые причины отставания российского сектора гиг-экономики от уровня развитых стран:

1. Институциональные барьеры:

1.1. Неопределенный правовой статус. В России до сих пор не принят закон о платформенной занятости, в Трудовом кодексе нет понятий «фрилансер» или «гиг-работник». Это создает правовой вакуум: такие работники вынуждены регистрироваться как самозанятые или ИП, что не учитывает специфику их деятельности и лишает социальных гарантий. В развитых странах часть этих рисков компенсируется государством, в Испании с 2021 года курьеры Glovo признаны наемными работниками с правом на оплачиваемый отпуск.

1.2. Налоговое давление. Налог на профессиональный доход (4–6%) доступен только для отдельных видов деятельности и при годовом доходе до 2,4 млн руб. Превышение лимита вынуждает переходить на ИП с повышенной налоговой нагрузкой (НДФЛ 13%, страховые взносы, НДС). Даже при нулевом доходе ИП обязан платить взносы в ПФР и ФОМС (около 54 тыс. руб. ежегодно). Для гиг-работников с нестабильным заработком это становится финансовым бременем и вынуждает «уходить в тень».

2. Технологическое отставание:

2.1. Неравномерное развитие цифровой инфраструктуры. Несмотря на высокий уровень интернетизации в Москве, Санкт-Петербурге и других крупных городах, во многих регионах России сохраняется цифровое неравенство. Низкая скорость интернета в сельской местности и малых городах ограничивает доступ к платформам гиг-экономики, что делает невозможной удаленную работу для 30% населения. Отсутствие стабильного мобильного покрытия в отдаленных районах делает невозможным использование которые требуют постоянного онлайн-соединения. Устаревшее оборудование (компьютеры, смартфоны) у части населения не позволяет эффективно работать с современными приложениями и облачными сервисами.

2.2. Зависимость от зарубежных сервисов. Санкции лишили российских фрилансеров доступа к инструментам вроде Upwork, Toptal, Figma, Adobe Suite, что снизило их конкурентоспособность. Локальные аналоги (например, «Пастила» вместо Trello) развиты слабо. Многие российские платформы были построены на зарубежных технологических стеках (например, на GitHub или Google Firebase). Их замена отечественными аналогами (как Sputnik или VK Cloud) требует времени и средств, что тормозит развитие.

3. Экономические ограничения:

3.1. Низкий уровень доходов и ограниченный спрос. Гиг-экономика зависит от платежеспособного спроса на услуги. Однако в России реальные доходы населения остаются стагнирующими с 2014 года. В 2024 году 10,5 млн человек (7,2% населения) жили за чертой бедности, а медианная зарплата в России в 2025 году составляет 56 тыс. рублей. Низкая платежеспособность населения ограничивает спрос на услуги платформ (например, такси и доставку, а также услуги частных преподавателей). Гиг-работники вынуждены снижать расценки, чтобы привлечь клиентов. Например, фрилансеры в IT соглашаются на ставки ниже мировых (15-20\$ в час против 30-50\$ в Европе).

3.2. Инфляция и экономическая нестабильность. Высокая инфляция (9,9% в 2025 году) и волатильность рубля увеличивают издержки гиг-работников и снижают доверие к проектной занятости. Фрилансеры, получающие оплату в рублях, теряют доходы при падении курса, особенно если работают с импортным ПО или оборудованием (например, графические планшеты). Курьеры и водители такси тратят больше на бензин и обслуживание авто, но не могут пропорционально повысить тарифы из-за конкуренции.

4. Социокультурные факторы:

4.1. Стремление к стабильности. Наследие Советского Союза, где не существовало альтернатив государственной занятости, и экономические кризисы современной России закрепили в обществе стремление к стабильности с работой на предприятии с фиксированной зарплатой, социальным пакетом и записью в трудовой книжке. В России гиг-экономика, связанная с нерегулярными и негарантированными доходами, часто ассоциируется с «работой для студентов» или временным занятием для тех, кто не смог найти «нормальную работу».

4.2. Недоверие к цифровым платформам. Каждый третий фрилансер сталкивался с мошенничеством (отказ от платы за услуги). В ЕС аналогичный показатель – 12%, благодаря системам арбитража (например, SafePay на Upwork). В то же время в России высок спрос на услуги, основанные на личных знакомствах и рекомендациях. Доверие к незнакомым специалистам, работающим через цифровые платформы (например, ProFi или Яндекс. Услуги) формируется медленно из-за страха мошенничества или некачественного сервиса.

Развитие гиг-экономики, основанной на временных, проектных заданиях, выполняемых через цифровые платформы стало значимым фактором прекаризации труда. Риски потерь финансовой безопасности, стабильного заработка и социальных гарантий являются маркерами прекаризации. Прекаризация занятости в современных условиях проявляется в экономическом, организационном, институциональном, социально-психологическом аспектах и представляет собой общесистемный риск. [10, с. 45]. При этом наиболее выражены риски для цифровых платформ «микрозадач», обслуживаемых исполнителями, не обладающими сложными навыками (талантами) и находящимися в более уязвимом положении по сравнению с работниками платформ «макрозадач» или обладателями креативных компетенций. Согласно опросу, проведенному Лидер-ИД, основные риски российских гиг-работников – это риски: 1) нестабильного и непрогнозируемого дохода (60% опрошенных); 2) самостоятельного поиска клиентов и неритмичности поступления заказов (34%); 3) обмана со стороны клиента (26%); 4) отсутствия социальных гарантий (оплачиваемого отпуска, медицинского или пенсионного страхования – 25%). [15]

Рассмотрим некоторые из приведенных негативных аспектов, затрагивающих работников в секторе гиг-экономики.

1. Нестабильность занятости и дохода. Гиг-экономика построена на модели, где работник не имеет гарантированных часов, фиксированного графика или долгосрочных обязательств со стороны платформы. Работники, будь то водители такси, курьеры или фрилансеры, не имеют постоянных контрактов, что делает их доход непредсказуемым. Внезапная потеря заказов, изменения алгоритмов платформ или сезонные колебания спроса могут привести к резкому снижению заработка. Кроме того, гиг-работники самостоятельно покрывают расходы на топливо, техническое обслуживание, налоги и страховку, что сокращает их чистый доход.

2. Отсутствие социальных гарантий и защиты труда. Большинство платформ классифицируют работников как независимых подрядчиков, а не наемных сотрудников. Они не защищены трудовым законодательством, что лишает их доступа к медицинскому страхованию, оплачиваемому отпуску, больничным или пенсионным отчислениям. В случае болезни или форс-мажора гиг-работники остаются без финансовой поддержки.

3. Риск эксплуатации и непрозрачные алгоритмы. Менеджмент большинства платформ устанавливает жесткие правила, оставляя работникам минимальный контроль над своей деятельностью. Алгоритмы, распределяющие задания, могут наказывать работников снижением рейтинга или блокировкой аккаунта за отказ от заказов, даже если те экономически невыгодны. Это создает давление, вынуждая соглашаться на низкооплачиваемые задачи. Кроме того, комиссии платформ (иногда до 30% от заказа) сокращают доход работников.

4. Отсутствие карьерного роста и профессионального развития. Гиг-работа редко предусматривает возможности для роста. Большинство задач носят рутинный характер и не требуют повышения квалификации. Платформы не инвестируют в обучение работников, что ограничивает их шансы перейти в более стабильные сектора экономики. Это создает своеобразную «ловушку»: люди вынуждены оставаться в гиг-экономике из-за отсутствия альтернатив, особенно в регионах с высокой безработицей.

5. Психологическая нагрузка и социальная изоляция. Постоянный стресс от необходимости искать новые заказы, конкурировать за рейтинги и работать в условиях неопределенности приводит к эмоциональному выгоранию. Исследования показывают, что гиг-работники чаще страдают от тревожности и депрессии. Кроме того, отсутствие коллектива и общения с коллегами усиливает чувство изоляции.

Гиг-экономика создает ряд вызовов для государства и общества в целом, затрагивая основы социальной стабильности и экономической устойчивости. Серьезным риском гиг-экономики является сокращение налоговых поступлений. Классифицируя работников как самозанятых, платформы минимизируют свои обязательства по выплате страховых взносов и налога на фонд оплаты труда. При этом сами гиг-работники, особенно в условиях неформальной занятости, могут недоплачивать налоги из-за сложностей учета, что подрывает бюджет. Это ограничивает возможности государства финансировать здравоохранение, образование и инфраструктуру, от которых зависит благополучие общества.

Гиг-экономика также влияет на структуру рынка труда. Традиционные отрасли, такие как транспорт или розничная торговля, сталкиваются с конкуренцией со стороны платформ, что может привести к сокращению рабочих мест с гарантированными условиями. Замена таких профессий гиг-занятостью снижает общее качество рабочих мест, превращая стабильные профессии в неустойчивые подработки. Это угрожает долгосрочному человеческому капиталу: отсутствие карьерного роста, профессионального обучения и накопления опыта в гиг-модели ограничивает возможности работников развиваться, что замедляет экономическую мобильность и инновационный потенциал общества.

Серьезные опасения вызывают долгосрочные последствия гиг-экономики для общества и демографии. Один из ключевых аспектов – влияние на рождаемость. Работники гиг-экономики часто сталкиваются с нестабильностью доходов, отсутствием социальных гарантий и долгосрочных трудовых договоров. Такая ситуация создает атмосферу финансовой неуверенности, которая становится психологическим барьером для принятия решений о создании семьи или рождении детей. Молодые люди, вынужденные постоянно адаптироваться к меняющимся условиям рынка, откладывают важные жизненные этапы, опасаясь, что временные заработки не обеспечат устойчивой основы для воспитания ребенка. Это усугубляется отсутствием оплачиваемых декретных отпусков, медицинской страховки и других льгот, характерных для постоянной занятости, что делает родительство экономически рискованным.

Снижение рождаемости, в свою очередь, может привести к демографическому дисбалансу: сокращению доли трудоспособного населения и увеличению нагрузки на социальную сферу, включая пенсионное обеспечение и здравоохранение. Старение населения при уменьшении числа молодых работников способно замедлить экономический рост, снизить инновационный потенциал и усилить межпоколенческое неравенство.

Развитие гиг-экономики требует от государства комплексного подхода, который совмещает поддержку работников, стимулирование инноваций и создание устойчивой правовой базы. Чтобы гиг-экономика стала не временным явлением, а полноценной частью экономической системы, государству необходимо стать активным участником ее трансформации.

Среди задач, требующих первоочередного решения вышеуказанных проблем на государственном уровне, можно выделить необходимость закрепления правового статуса

гиг-работников, который сегодня часто находится в «серой зоне». Многие фрилансеры и платформенные сотрудники формально считаются самозанятыми, что лишает их базовых трудовых прав: оплачиваемого отпуска, больничных, пенсионных отчислений. Государство могло бы ввести новую категорию, например, «независимый работник с социальными гарантиями», обязав платформы или самих работников делать взносы в социальные фонды пропорционально доходам. Одновременно важно защитить гиг-работников от произвола алгоритмов: платформы нередко блокируют аккаунты без объяснения причин, оставляя людей без дохода. Регуляция могла бы обязать компании раскрывать критерии оценки и создать механизмы апелляции, как это сделано в Европейском союзе, где Директива о прозрачных условиях труда обязывает платформы информировать работников о принципах алгоритмического управления.

Налоговая система также требует адаптации. Многие фрилансеры уходят в тень из-за сложности отчетности и высоких ставок. Упрощение налоговых режимов, как российский «Налог на профессиональный доход», с автоматическим расчетом платежей через интеграцию с платформами, могло бы стимулировать легализацию. Важно снизить административные барьеры: например, разрешить регистрацию самозанятых через мобильные приложения без посещения госучреждений.

Инвестиции в расширение покрытия 5G, создание общественных цифровых хабов и обучение цифровой грамотности – необходимые шаги. Цифровая инфраструктура – основа гиг-экономики. Без доступного высокоскоростного интернета в малых городах и селах миллионы людей лишаются возможности участвовать в удаленной работе. Государство могло бы также поддерживать локальные платформы, конкурирующие с глобальными гигантами вроде Uber или Upwork, через налоговые льготы или гранты.

Обучение населения и его адаптация к меняющемуся рынку труда – еще одно направление. Многие гиг-работники сталкиваются с необходимостью постоянного обучения, но не имеют ресурсов для этого. Государство могло бы сотрудничать с образовательными платформами (Coursera, Skillbox), субсидируя курсы по цифровым навыкам, управлению проектами или финансовой грамотности. Центры карьерного консультирования, где эксперты помогают фрилансерам строить портфолио и продвигать свои услуги.

Главный вызов для государства – построении экосистемы, где цифровые платформы, государственные институты и сами работники взаимодействуют на принципах справедливости. Как показывает опыт Уругвая, признавшего работников платформ наемными сотрудниками с полным соцпакетом, или Южной Кореи, внедрившей страхование для фрилансеров, такой подход возможен. Это не только снизит риски социальной напряженности, но и превратит гиг-экономику в драйвер устойчивого развития, где технологии служат людям, а не наоборот.

Список источников

1. Гаммершмидт, А.А. Недостатки гиг-экономики в условиях глобализации // Молодой ученый. 2020. № 26 (316). С. 98–99. <https://moluch.ru/archive/316/72097/> (дата обращения: 15.12.2024).
2. Дианов Р.К. Гиг-экономика: опыт эмпирических исследований в США // Russian economic bulletin. 2023. Т. 6. №3. С. 71–76.
3. Коршунова Т.Ю., Моцная О.В. Влияние платформенной занятости на изменение представлений о работнике и работодателе // Ежегодник трудового права. 2022. № 12. С. 76–91.
4. Лapidус Л.В., Полякова Ю.М. Гигномика как новая модель развития фрилансинга и краудсорсинга // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2018. № 6. С. 73–89. 9.

5. Логинова Е.В. Gig-экономика и ее влияние на работников // Молодой ученый. 2022. № 38 (433). С. 15–19. – URL: <https://moluch.ru/archive/433/95022/> (дата обращения: 14.12.2024).
6. Логинова Л.В. Прекаризация в системе социально-трудовых отношений: проблемы и перспективы институционализации // Вестник СПбГУ. Серия 12. Социология. 2016. Вып. 3. С. 34-47.
7. Носков В.А., Казымов Э.А. Финансово-экономические и социальные аспекты формирования гиг-экономики // Инновационное развитие экономики. 2023. № 2(74). С. 143-148.
8. Полякова Ю.М. Перспективы развития гигномики в условиях глобальной цифровизации на российском рынке труда // Вестник Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова. 2019 № 1 С. 113-119.
9. Романец И.И., Вербовский Г.Д. Гиг-экономика как новая форма рыночных отношений // Инновационная экономика: перспективы развития и совершенствования. 2021. № 1 (51). С. 186–192.
10. Санкова Л.В. Прекаризация занятости в современной экономике: системный риск или «особая» форма флексибилизации // Уровень жизни населения регионов России. – 2014. – № 4(194). – с. 44–53.
11. Синявская О.В., Бирюкова С.С., Горват Е.С., Карева Д.Е., Стужук Д.А., Чертенков К.О. Платформенная занятость в России: масштабы, мотивы и барьеры участия. М.: НИУ ВШЭ, 2022. 32 с.
12. Срничек Н. Капитализм платформ / Пер. с англ. и науч. ред. М. Добряковой; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». 2-е изд. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2020 128 с.
13. Чуланова О.Л. Актуализация экономики свободной занятости (гигномики) – тренда цифровой глобализации в условиях пандемии COVID-19 // Журнал исследований по управлению. 2020 № 3 С. 3-22.
14. Шабаева, А.С. Гиг-экономика как модель трудовых отношений: проблемы и перспективы развития в РФ / А.С. Шабаева. – Текст : непосредственный // Молодой ученый. – 2025. – № 2 (553). – С. 273-275. – URL: <https://moluch.ru/archive/553/121521/> (дата обращения: 21.05.2025).
15. Янченко, Е.В. Гиг-экономика: риски прекаризации занятости / Е. В. Янченко // Экономика труда. – 2022. – Т. 9, № 5. – С. 909-930.

References

1. Gammersmidt, A. A. Shortcomings of the Gig Economy in the Context of Globalization // Young Scientist. 2020. No. 26 (316). Pp. 98–99. <https://moluch.ru/archive/316/72097/> (accessed: 25.05.2025).
2. Dianov, R.K. Gig Economy: Empirical Research Experience in the USA // Russian Economic Bulletin. 2023. Vol. 6. No. 3. Pp. 71–76.
3. Korshunova, T.Yu., Motsnaya, O.V. The Impact of Platform Employment on Changing Perceptions of Employees and Employers // Yearbook of Labor Law. 2022. No. 12. Pp. 76–91.
4. Lapidus, L.V., Polyakova, Yu.M. Gigonomics as a New Model for the Development of Freelancing and Crowdsourcing // Bulletin of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences. 2018. No. 6. Pp. 73–89.
5. Loginova, E.V. Gig Economy and Its Impact on Workers // Young Scientist. 2022. No. 38 (433). Pp. 15–19. URL: <https://moluch.ru/archive/433/95022/> (accessed: 24.05.2025).
6. Loginova, L.V. Precarization in the System of Social and Labor Relations: Problems and Prospects of Institutionalization // Bulletin of St. Petersburg University. Series 12. Sociology. 2016. Issue 3. Pp. 34–47.

7. Noskov, V.A., Kazymov, E.A. Financial, Economic, and Social Aspects of the Formation of the Gig Economy // *Innovative Economic Development*. 2023. No. 2 (74). Pp. 143–148.
8. Polyakova, Yu.M. Prospects for the Development of Gigonomics in the Context of Global Digitalization in the Russian Labor Market // *Bulletin of the Plekhanov Russian University of Economics*. 2019. No. 1. Pp. 113–119.
9. Romanets, I.I., Verbovsky, G.D. Gig Economy as a New Form of Market Relations // *Innovatsionnaya Ekonomika: Perspektivy Razvitiya i Sovershenstvovaniya (Innovative Economy: Prospects for Development and Improvement)*. 2021. No. 1 (51). Pp. 186–192.
10. Sankova, L.V. Precarization of Employment in the Modern Economy: Systemic Risk or a «Special» Form of Flexibilization // *Living Standards of the Population in Russian Regions*. 2014. No. 4 (194). Pp. 44–53.
11. Sinyavskaya, O.V., Biryukova, S.S., Gorvat, E.S., Kareva, D.E., Stuzhuk, D.A., Chertentkov, K.O. Platform Employment in Russia: Scale, Motives, and Barriers to Participation. Moscow: HSE University, 2022. 32 p.
12. Srnicek, N. Platform Capitalism / Transl. from English and ed. by M. Dobryakova; National Research University Higher School of Economics. 2nd ed. Moscow: HSE Publishing House, 2020. 128 p.
13. Chulanova, O.L. The Rise of the Free Employment Economy (Gigonomics) as a Trend of Digital Globalization During the COVID-19 Pandemic // *Journal of Management Studies*. 2020. No. 3. Pp. 3–22.
14. Shabayeva, A.S. Gig Economy as a Model of Labor Relations: Problems and Development Prospects in the Russian Federation // *Young Scientist*. 2025. No. 2 (553). Pp. 273–275. URL: <https://moluch.ru/archive/553/121521/> (accessed: 21.05.2025).
15. Yanchenko, E.V. Gig Economy: Risks of Employment Precarization // *Labor Economics*. 2022. Vol. 9, No. 5. Pp. 909–930.

НАШИ АВТОРЫ

Алексюк Владислав Витальевич, студент Финансового университета при Правительстве РФ (Москва, Россия); почтовый адрес: 129164, г. Москва, ул. Кибальчича, д. 1; электронная почта: aleksiukvv@gmail.com

Алтунин Кирилл Вячеславович, студент Елецкого государственного университета им. И.А. Бунина (Елец, Россия); почтовый адрес: 399770, г. Елец, ул. Коммунаров, д. 28; электронная почта: altunin3535@gmail.com

Гусейнов Эльмин Кязым оглы, аспирант кафедры информационного менеджмента и информационно-коммуникационных технологий имени профессора В.В. Дика Московского финансово-промышленного университета «Синергия» (Москва, Россия); почтовый адрес: г. Москва, Ленинградский пр-т, д. 80Б, корпус 5; электронная почта: Elmin2020@mail.ru

Дехтярь Галина Максовна, доктор экономических наук, профессор, Академик Российской академии естественных наук, ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации» (Москва, Россия); почтовый адрес: 119571, г. Москва, пр-т Вернадского, д. 82, стр. 4, корп. 3; электронная почта: dekhtyar-gm@ranepa.ru

Кирилевич Сергей Александрович, студент Финансового университета при Правительстве РФ (Москва, Россия); почтовый адрес: 129164, г. Москва, ул. Кибальчича, д. 1; электронная почта: SergeyKirilevich@yandex.ru

Машегов Петр Николаевич, доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры информационного менеджмента и информационно-коммуникационных технологий имени профессора В.В. Дика Московского финансово-промышленного университета «Синергия» (Москва, Россия); почтовый адрес: г. Москва, Ленинградский пр-т, д. 80Б, корпус 5; электронная почта: Yand-man@yandex.ru

Мелконян Карен Араевич, аспирант кафедры экономики и управления им. Н.Г. Нечаева Елецкого государственного университета им. И.А. Бунина (Елец, Россия); почтовый адрес: 399770, г. Елец, ул. Коммунаров, д. 28; электронная почта: karennok@yandex.ru

Минкин Ярослав Дмитриевич, студент Финансового университета при Правительстве РФ (Москва, Россия); почтовый адрес: 129164, г. Москва, ул. Кибальчича, д. 1; электронная почта: Towertechology@yandex.ru

Панькин Павел Владимирович, кандидат экономических наук, старший преподаватель кафедры экономики и управления им. Н.Г. Нечаева Елецкого государственного университета им. И.А. Бунина (Елец, Россия); почтовый адрес: 399770, г. Елец, ул. Коммунаров, д. 28; электронная почта: ppankin88@gmail.com

Прохорова Алина Дмитриевна, студент Финансового университета при Правительстве РФ (Москва, Россия); почтовый адрес: 129164, г. Москва, ул. Кибальчича, д. 1; электронная почта: alinaProkhorova12052004@yandex.ru

Ринк Карина Валерьевна, менеджер проектов, ООО «ПрофМедиаГрупп», студент Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Москва, Россия); почтовый адрес: 119571, г. Москва, пр-т Вернадского, д. 82, стр. 4, корп. 3; электронная почта: rinkkarina.v@gmail.com

Сергеева Анна Викторовна, кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры Экономики и менеджмента Финансового университета при Правительстве РФ (Тульский филиал) (Тула, Россия); электронная почта: AVSergeeva@fa.ru

Смыслова Ольга Юрьевна, доктор экономических наук, доцент, профессор кафедры Менеджмента и общегуманитарных дисциплин Финансового университета при

Правительстве РФ (Липецкий филиал) (Липецк, Россия), профессор кафедры Экономики и управления им. Н.Г. Нечаева Елецкого государственного университета им. И.А. Бунина (Елец, Россия); почтовый адрес: 398050, г. Липецк, ул. Интернациональная, д.12б; электронная почта: Savenkova-olga@mail.ru

Степаненкова Наталья Михайловна, кандидат экономических наук, доцент кафедры экономики и управления им. Н.Г. Нечаева Елецкого государственного университета им. И.А. Бунина (Елец, Россия); почтовый адрес: 399770, г. Елец, ул. Коммунаров, д. 28; электронная почта: nmstepanenkova@yandex.ru

Хачатрян Рубик Аршалуйсович, аспирант кафедры экономики и управления им. Н.Г. Нечаева Елецкого государственного университета им. И.А. Бунина (Елец, Россия); почтовый адрес: 399770, г. Елец, ул. Коммунаров, д. 28; электронная почта: lider_48@list.ru

Черникова Людмила Ивановна, доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой корпоративных финансов и корпоративного управления Факультета экономики и бизнеса Финансового университета при Правительстве РФ (Москва, Россия); почтовый адрес: 129164, г. Москва, ул. Кибальчича, д. 1; электронная почта: LIChernikova@fa.ru

Шевчук Егор Александрович, студент Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Москва, Россия); почтовый адрес: 119571, г. Москва, пр-т Вернадского, д. 82, стр. 4, корп. 3; электронная почта: egor.shew@yandex.ru

Юшков Макар Александрович, аспирант кафедры экономики и управления им. Н.Г. Нечаева Елецкого государственного университета им. И.А. Бунина (Елец, Россия); почтовый адрес: 399770, г. Елец, ул. Коммунаров, д. 28; электронная почта: makaryushkov@bk.ru

OUR AUTHORS

Vladislav V. Aleksiuk, student of the Financial University under the Government of the Russian Federation (Moscow, Russia); postal address: 129164, Moscow, Kibalchicha str., 1; e-mail: aleksiukvv@gmail.com

Kirill V. Altunin, student of Bunin Yelets State University (Yelets, Russia); postal address: 28 Kommunarov str., Yelets, 399770; e-mail: altunin3535@gmail.com

Elmin K. Guseynov, postgraduate student of the Department of Information Management and Information and Communication Technologies named after Professor V.V. Dick of the Moscow Financial and Industrial University «Synergy» (Moscow, Russia); postal address: Moscow, Leningradsky pr-t, 80B, bldg. 5; e-mail: Elmin2020@mail.ru

Galina M. Dekhtyar, Doctor of Economics, Professor, Academician of the Russian Academy of Natural Sciences, Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation (Moscow, Russia); postal address: 119571, Moscow, Vernadsky avenue, 82, building 4, bldg. 3; e-mail: dekhtyar-gm@ranepa.ru

Sergey A. Kirilevich, student of the Financial University under the Government of the Russian Federation (Moscow, Russia); postal address: 129164, Moscow, Kibalchicha St., 1; e-mail: SergeyKirilevich@yandex.ru

Petr N. Mashegov, Doctor of Economics, Professor, Professor of the Department of Information Management and Information and Communication Technologies named after Professor V.V. Dick of the Moscow Financial and Industrial University «Synergy» (Moscow, Russia); Postal address: Moscow, Leningradskiy pr-t, 80B, bldg. 5; e-mail: Yand-man@yandex.ru

Karen A. Melkonyan, postgraduate student of the Department of Economics and Management named after N.G. Nechaev, Bunin Yelets State University (Yelets, Russia); postal address: 399770, Yelets, st. Kommunarov, 28; e-mail: karennok@yandex.ru

Yaroslav D. Minkin, student of the Financial University under the Government of the Russian Federation (Moscow, Russia); Postal address: 129164, Moscow, ul. Kibalchicha, 1; e-mail: Towertechnology@yandex.ru

Pavel V. Pankin, Candidate of Economic Sciences, Senior Lecturer of the Department of Economics and Management named after N.G. Nechaev, Bunin Yelets State University (Yelets, Russia); postal address: 399770, Yelets, st. Kommunarov, 28; e-mail: ppankin88@gmail.com

Alina D. Prokhorova, student of the Financial University under the Government of the Russian Federation (Moscow, Russia); Postal address: 129164, Moscow, Kibalchicha str., 1; e-mail: alinaProkhorova12052004@yandex.ru

Karina V. Rink, project manager, ProfMediaGroup LLC, student of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation (Moscow, Russia); Postal address: 119571, Moscow, Vernadsky Ave., 82, building 4, bldg. 3; e-mail: rinkkarina.v@gmail.com

Anna V. Sergeeva, Cand. Sci. (Economics), associate professor, Associate Professor of the Department of Economics and Management of the Federal State Educational Institution of Higher Education «Financial University under the Government of the Russian Federation» (Tula branch) (Tula, Russia); e-mail: AVSergeeva@fa.ru

Olga Yu. Smyslova, Dr. Sci. (Economics), associate professor, Professor of the Department of Management and General Humanitarian Disciplines, Federal State Educational Institution of Higher Education «Financial University under the Government of the Russian Federation» (Lipetsk branch) (Lipetsk, Russia), Professor of the Department of Economics and Management named after N.G. Nechaev, Bunin Yelets State University (Yelets, Russia); postal address: 398050, Lipetsk, Internatsionalnaya str., 12b; e-mail: savenkova-olga@mail.ru

Natalya M. Stepanenkova, Candidate of Economic Sciences, Associate Professor of the Department of Economics and Management named after N.G. Nechaev, Bunin Yelets State University (Yelets, Russia); postal address: 399770, Yelets, st. Kommunarov, 28; e-mail: nmstepanenkova@yandex.ru

Rubik A. Khachatryan, postgraduate student of the Department of Economics and Management named after N.G. Nechaev, Bunin Yelets State University (Yelets, Russia); postal address: 399770, Yelets, st. Kommunarov, 28; e-mail: lider_48@list.ru

Lyudmila I. Chernikova, Doctor of Economics, Professor, Head of the Department of Corporate Finance and Corporate Management of the Faculty of Economics and Business of the Financial University under the Government of the Russian Federation (Moscow, Russia); postal address: 129164, Moscow, Kibalchicha str., 1; e-mail: LIChernikova@fa.ru

Egor A. Shevchuk, student of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation (Moscow, Russia); mailing address: 119571, Moscow, Vernadsky Ave., 82, building 4, bldg. 3; email: egor.shew@yandex.ru

Makar A. Yushkov, postgraduate student of the Department of Economics and Management named after N.G. Nechaev, Bunin Yelets State University (Yelets, Russia); postal address: 399770, Yelets, st. Kommunarov, 28; e-mail: makaryushkov@bk.ru

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ

Редколлегия журнала принимает к рассмотрению статьи объемом до 1 п.л. (до 40 тыс. знаков с пробелами). Материалы предоставляются в электронном виде (по электронной почте). Статья сопровождается аннотацией и списком ключевых слов на русском и английском языках.

Комплектность материалов, направленных для публикации в журнал:

- рукопись статьи
- анкета автора

К печати принимаются материалы по следующим специальностям:

5.2.2. Математические, статистические и инструментальные методы в экономике

5.2.3. Региональная и отраслевая экономика

5.2.4. Финансы

5.2.6. Менеджмент

Рубрики журнала:

Объем и рубрики каждого номера журнала «Вопросы отраслевой экономики» варьируются в зависимости от содержания поступившего материала, тематики, задач. Основные рубрики журнала:

1. Экономика отраслевых рынков
2. Экономика регионов
3. Экономика предприятия

Минимальный рекомендуемый объем статьи – от 7 страниц.

Документы следует направлять по электронной почте ответственному секретарю редакционной коллегии издания Степаненковой Наталье Михайловне, e-mail: woe-jurn@yandex.ru

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ

Основные требования к рассматриваемым материалам:

Соответствие тематической области.

Оригинальность текста: не менее 70%.

Не менее 10 источников в списке литературы.

Наличие контактной информация и анкет всех соавторов.

ТЕКСТ научной статьи следует строго оформлять согласно следующим требованиям:

Текстовый редактор – Microsoft Word.

Формат – А4.

Поля – 2 см со всех сторон.

Шрифт – Times New Roman.

Размер шрифта – 12

Межстрочный интервал – 1.

Абзац (отступ) – 1,25.

Ориентация – книжная, без простановки страниц, без переносов.

Редактор формул – пакет Microsoft Office (MathType).

Графики, таблицы и рисунки – черно-белые, без цветной заливки, допускается штриховка.

УДК Для определения тематического идентификатора статьи можно использовать ресурс <https://teacode.com/online/udc/>

НАЗВАНИЕ СТАТЬИ – по центру, без отступа, прописными буквами, жирным шрифтом (на русском языке)

ФАМИЛИЯ, ИМЯ, ОТЧЕСТВО АВТОРОВ (жирным шрифтом, имя и отчество сокращённо) – по центру, строчными буквами – на русском языке

ГОРОД, ГОСУДАРСТВО – по центру, строчными буквами – на русском языке

Если ваша работа финансировалась из средств гранта или какой-либо программы, укажите это сноской после названия статьи. Например:

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и администрации Липецкой области в рамках научного проекта № 18-410-480004.

АННОТАЦИЯ СТАТЬИ на русском языке (*курсивом*). Объем аннотации не менее 150 слов. Аннотация должна раскрывать содержание статьи, то есть кратко обосновывать актуальность выбранной темы, контекст проблемы; цель и задачи исследования; применяемые в процессе исследования методы; полученные автором результаты и область их применения.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА (*курсивом*, не менее 5-7).

НАЗВАНИЕ СТАТЬИ – по центру, без отступа, прописными буквами, жирным шрифтом (на английском языке)

ФАМИЛИЯ, ИМЯ, ОТЧЕСТВО АВТОРОВ (жирным шрифтом, имя и отчество сокращённо) – по центру, строчными буквами – на английском языке

ГОРОД, ГОСУДАРСТВО – по центру, строчными буквами – на английском языке

АННОТАЦИЯ СТАТЬИ НА АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ (*курсивом*).

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА НА АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ (*курсивом*).

ТЕКСТ СТАТЬИ – выравнивание по ширине.

ССЫЛКИ оформляются в соответствии с национальным стандартом РФ ГОСТ Р 7.0.5–2008 «Библиографическая ссылка».

В тексте статьи ссылки оформляются по следующему образцу: [1, с. 195], [4], [3, с. 20; 7, с. 68], [8, д. 143, л. 8].

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ приводится в алфавитном порядке в виде нумерованного списка. Все источники, включая зарубежные, оформляются в соответствии с (ГОСТ Р 7.0.7-2021). Для всех публикаций списка источников, у которых есть Digital Object Identifier (DOI), его необходимо указать. После списка источников обязательно следует *References*.

REFERENCES Список источников на английском языке (*References*) – комбинация транслитерированной и англоязычной частей русскоязычных ссылок.

ПРИВАТНОСТЬ

Имена и адреса электронной почты, введенные на сайте этого журнала, будут использованы исключительно для целей, обозначенных этим журналом, и не будут использованы для каких-либо других целей или предоставлены другим лицам и организациям.

ВНИМАНИЕ: Авторы несут полную ответственность за достоверность и оригинальность информации, предоставленной в рукописи. Все рукописи проходят проверку на наличие заимствований в системе «Антиплагиат». Оригинальность рукописи должна быть не менее 70 %, в противном случае рукопись будет возвращена без права опубликования. При обнаружении нарушения авторских прав или плагиата будет проведена ретракция опубликованных статей в соответствии с правилами COPE.

Рукописи не возвращаются. Авторы не могут претендовать на выплату гонорара. Авторы имеют право использовать материалы журнала в их последующих публикациях при условии, что будет сделана ссылка на публикацию в журнале «Вопросы отраслевой экономики».

Редакция оставляет за собой право не включать в журнал статьи, не соответствующие требованиям (в том числе к объему текста, оформлению таблиц и иллюстраций).

РЕЦЕНЗИРОВАНИЕ

Порядок рецензирования рукописей научных статей, поступивших в редакцию журнала «Вопросы отраслевой экономики».

1. Рукописи научных статей, поступившие в редакцию, проходят обязательное рецензирование с целью их экспертной оценки.

2. Председатель редакционного совета определяет соответствие рукописи статьи профилю журнала и требованиям к оформлению.

3. После рассмотрения рукописи статьи на заседании редакционной коллегии рукопись направляется на рецензирование специалисту (доктору или кандидату наук), имеющему наиболее близкую к теме статьи научную специализацию. Все рецензенты являются признанными специалистами по тематике рецензируемых материалов и имеют в течение последних 3 лет публикации по тематике рецензируемых статей. Если статья не соответствует профилю журнала, то автору сообщается о невозможности ее публикации.

4. Тип рецензирования – двустороннее слепое (анонимное). Присланные рецензентам рукописи являются частной собственностью авторов и содержат сведения, не подлежащие разглашению. Рецензентам не разрешается делать копии статей, а также передавать статьи на рецензирование другому лицу.

5. Срок рецензирования составляет не более четырех недель.

6. Рецензент оценивает:

- соответствие содержания статьи ее названию;
- структуру статьи (предмет исследования, постановка задачи, ход проведения исследований, результаты и выводы);

- наличие в статье научной или технической новизны;

- достоинства и недостатки статьи.

7. Рецензент дает заключение о целесообразности публикации статьи:

- принять статью;

- принять статью с незначительной доработкой – автору направляется текст рецензии с предложением внести необходимые изменения и дополнения в статью или аргументировано опровергнуть замечания рецензента, затем рукопись статьи рассматривается на заседании редакционной коллегии на предмет выполнения требований рецензента;

- рассмотреть статью повторно после серьезной переработки – автору направляется текст рецензии с предложением переработки статьи, затем переработанная автором статья направляется на повторное рецензирование;

- отклонить статью – мотивированный отказ направляется автору, к повторному рассмотрению статья не принимается.

8. Текст рецензии предоставляется автору по его запросу, а также в Высшую аттестационную комиссию РФ по соответствующему запросу без подписи и указания фамилии, должности и места работы рецензента.

9. Рукописи статей, принятых к публикации, автору не возвращаются.

10. Рукописи статей, не принятых к публикации, вместе с текстом мотивированного отказа, возвращаются автору.

11. Рецензии, а также все сопроводительные документы (авторское заявление, экспертное заключение) хранятся в Издательстве и в редакции журнала в течение 5 лет.

Процедура рецензирования и утверждения статей занимает от одного до двух месяцев, далее статьи публикуются в порядке очередности. Редколлегия может принимать решение о внеочередной публикации статьи.

Подготовка статьи к публикации, проводимая редакцией журнала, состоит в литературном и техническом редактировании. Редакторские правки согласуются с авторами.

TO THE AUTHORS

The editorial board of the journal accepts for consideration articles up to 1 p.p. (up to 40 thousand characters with spaces). Materials are provided in electronic form (by e-mail). The article is accompanied by an abstract and a list of keywords in Russian and English.

Completeness of materials sent for publication in the journal:

- **manuscript of the article**
- **author profile**

Materials are accepted for publication in the following specialties:

- 5.2.2. Mathematical, statistical and instrumental methods in economics
- 5.2.3. Regional and sectoral economy
- 5.2.4. Finance
- 5.2.6. Management

Journal headings:

The volume and headings of each issue of the journal «Problems of Branch Economics» vary depending on the content of the received material, topics, and tasks. The main headings of the journal:

1. Economics of industry markets
2. Regional economy
3. Economics of the enterprise

The minimum recommended length of an article is 7 pages.

Documents should be sent by e-mail to the executive secretary of the editorial board of the publication Stepanenkova Natalya Mikhailovna, e-mail: woe-jurn@yandex.ru

REQUIREMENTS FOR THE FORMATION OF ARTICLES

Basic requirements for the considered materials:

Compliance with the subject area.

Originality of the text: not less than 70%.

At least 10 sources in the list of references.

Availability of contact information and profiles of all co-authors.

The TEXT of a scientific article should be strictly formatted according to the following requirements:

Text editor - Microsoft Word.

Format - A4.

Margins - 2 cm on all sides.

The font is Times New Roman.

Font size - 12

Line spacing - 1.

Paragraph (indent) - 1.25.

Orientation - portrait, without pagination, without hyphenation.

Formula editor - Microsoft Office package (MathType).

Graphs, tables and figures - black and white, without color fill, shading is allowed.

UDC To determine the thematic identifier of an article, you can use the resource <https://teacode.com/online/udc/>

TITLE OF THE ARTICLE - in the center, without indentation, in capital letters, in bold type (in Russian)

SURNAME, FIRST NAME, PATRONYMIC OF THE AUTHORS (bold, first name and patronymic abbreviated) - in the center, in lowercase letters - in Russian

CITY, STATE - in the center, in lowercase letters - in Russian

If your work was funded by a grant or program, please indicate this with a footnote after the article title. For example:

The study was financially supported by the Russian Foundation for Basic Research and the administration of the Lipetsk region within the framework of scientific project No. 18-410-480004.

SUMMARY of the **ARTICLE** in Russian (in italics). The volume of the abstract is not less than 150 words. The abstract should disclose the content of the article, that is, briefly justify the relevance of the chosen topic, the context of the problem; purpose and objectives of the study; methods used in the research process; the results obtained by the author and the scope of their application.

KEYWORDS (in italics, at least 5-7).

ARTICLE TITLE - centered, without indentation, capital letters, bold type (in English)

SURNAME, FIRST NAME, PATRONYMIDY OF THE AUTHORS (bold, first name and patronymic abbreviated) - in the center, in lowercase letters - in English

CITY, STATE - in the center, lowercase letters - in English

SUMMARY OF THE ARTICLE IN ENGLISH (in italics).

KEYWORDS IN ENGLISH (in italics).

ARTICLE TEXT - width alignment.

REFERENCES are made in accordance with the national standard of the Russian Federation GOST R 7.0.5-2008 «Bibliographic reference».

References in the text of the article are arranged according to the following pattern: [1, p. 195], [4], [3, p. 20; 7, p. 68], [8, d. 143, l. 8].

THE LIST OF SOURCES is given in alphabetical order as a numbered list. All sources, including foreign ones, are drawn up in accordance with (GOST R 7.0.7-2021). For all source list publications that have a Digital Object Identifier (DOI), it must be specified. The list of sources must be followed by References.

REFERENCES List of sources in English (References) - a combination of transliterated and English parts of Russian references.

PRIVACY

Names and e-mail addresses entered on this journal's website will be used solely for the purposes indicated by this journal and will not be used for any other purpose or provided to other individuals and organizations.

ATTENTION: The authors are solely responsible for the accuracy and originality of the information provided in the manuscript. All manuscripts are checked for borrowings in the Antiplagiarism system. The originality of the manuscript must be at least 70%, otherwise the manuscript will be returned without the right to publish. If a copyright infringement or plagiarism is found, the published articles will be retracted in accordance with the COPE rules.

Manuscripts are not returned. Authors cannot claim royalties. The authors have the right to use the materials of the journal in their subsequent publications, provided that a link to the publication in the journal «Problems of Branch Economics» is made.

The editors reserve the right not to include in the journal articles that do not meet the requirements (including the volume of text, design of tables and illustrations).

REVIEW

The procedure for reviewing manuscripts of scientific articles received by the editors of the journal «Problems of Branch Economics».

1. Manuscripts of scientific articles submitted to the editorial board undergo mandatory review for the purpose of their peer review.

2. The chairman of the editorial board determines the compliance of the manuscript of the article with the profile of the journal and the requirements for registration.

3. After reviewing the manuscript of the article at a meeting of the editorial board, the manuscript is sent for review to a specialist (doctor or candidate of sciences) who has the closest

scientific specialization to the topic of the article. All reviewers are recognized experts in the subject of peer-reviewed materials and have publications on the subject of peer-reviewed articles over the past 3 years. If the article does not correspond to the profile of the journal, then the author is informed about the impossibility of its publication.

4. Type of review - two-sided blind (anonymous). The manuscripts sent to the reviewers are the private property of the authors and contain information not subject to disclosure. Reviewers are not allowed to make copies of articles, as well as transfer articles for review to another person.

5. The period of review is no more than four weeks.

6. The reviewer evaluates:

- compliance of the content of the article with its title;
- the structure of the article (subject of research, problem statement, research progress, results and conclusions);

- presence of scientific or technical novelty in the article;

- advantages and disadvantages of the article.

7. The reviewer gives a conclusion on the advisability of publishing the article:

- accept the article;

- accept the article with minor modifications - the text of the review is sent to the author with a proposal to make the necessary changes and additions to the article or reasonably refute the reviewer's comments, then the manuscript of the article is considered at a meeting of the editorial board to meet the requirements of the reviewer;

- reconsider the article after serious revision - the text of the review is sent to the author with a proposal to revise the article, then the article revised by the author is sent for re-reviewing;

- reject the article – a reasoned refusal is sent to the author, the article is not accepted for re-consideration.

8. The text of the review is provided to the author upon his request, as well as to the Higher Attestation Commission of the Russian Federation upon the relevant request without a signature and indication of the name, position and place of work of the reviewer.

9. Manuscripts of articles accepted for publication are not returned to the author.

10. Manuscripts of articles not accepted for publication, together with the text of a reasoned refusal, are returned to the author.

11. Reviews, as well as all accompanying documents (author's statement, expert opinion) are stored in the Publishing House and in the editorial office of the journal for 5 years.

The procedure for reviewing and approving articles takes from one to two months, then the articles are published in order of priority. The editorial board may decide on the extraordinary publication of the article.

Preparation of an article for publication, carried out by the editors of the journal, consists of literary and technical editing. Editorial changes are agreed with the authors.

Научный журнал

**ВОПРОСЫ
ОТРАСЛЕВОЙ
ЭКОНОМИКИ**

№ 2 (10) / 2025

*Технический редактор – С.В. Воробьев
Техническое исполнение – В.М. Гришин*

Знак информационной продукции 12+

Подписано в печать 19.06.2025
Дата выхода в свет 20.06.2025
Бумага 52,0 п.л. Формат А-4. Гарнитура Times.
Печать трафаретная
Тираж 1000 экз. Заказ № 42
Свободная цена

Адрес редакции и издателя:
399770, Липецкая область, г. Елец, ул. Коммунаров, 28,1
E-mail: nj-psy@elsu.ru
Сайт редколлегии: <https://elsu.ru/economy/redkol/>

Отпечатано с готового оригинал-макета на участке оперативной полиграфии
Елецкого государственного университета им. И. А. Бунина
399770, Липецкая область, г. Елец, ул. Коммунаров, 28,1

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина»
399770, Липецкая область, г. Елец, Коммунаров, 28,1